

Гвозди:

Гвозди:

12

Томич, фантаст, гений

17

Православие: Томск – Лиссабон

86

Родина – поэзия

101

118

Прогулки по Кембриджу и Ливерпулю

130

135

Телебеспредел

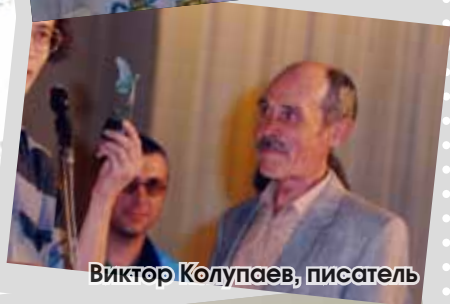

Журнал
Дома
Искусств

Издаётся под патронажем Департамента по культуре Томской области

Отец Арсений, игумен

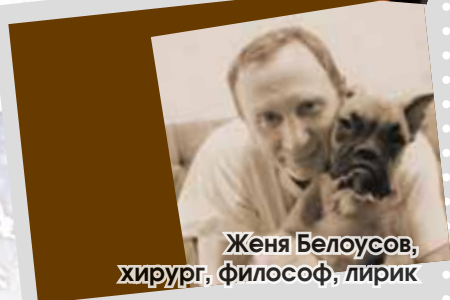
Виктор Колупаев, писатель

Мария Малиновская и
Игорь Губерман, поэты

Олег Борушко,
представитель
Пушкина в Британии

Женя Белоусов,
хирург, философ, лирик

В этом номере редакционной статьи не будет. Ибо весь он (исключая традиционную подборку новостей местной культуры) – сплошная редакционная статья.

С первого же редактируемого мной выпуска «Сибирских Афин» меня обвиняли в том, что это «журнал одного актера». Но обвинения были напрасны, в каждом номере присутствовало немало публицистических и художественных произведений разных авторов. А вот этот номер действительно от корки до корки написан мной, кроме, стихотворений (и переводов, выполненных в соавторстве с Алексеем Большаниным).

Ибо этот номер – спецвыпуск по итогам творческой командировки в Англию (Лондон, Кембридж, Ливерпуль) на конкурс поэтического перевода, в котором мне довелось

поучаствовать... И винить меня не в чем: я честно отработываю выданные мне на поездку деньги и оказанное доверие. При этом сознательно не пользуюсь никакими источниками, кроме собственных записей и сайта конкурса, чтобы читатель пережил и узнал только то, что пережил и узнал в этой короткой, но насыщенной поездке я.

И все-таки, куда бы ты ни ехал, себя ты все равно берешь с собой, и даже в этой поездке я не мог отделаться от мыслей, которые меня волновали перед самым отлетом. Это были мысли о том телевизионном беспределе, который прочно утвердился в нашем городе, о культуре, а точнее, бескультурии моих коллег, царящих на экране, влияющих на нас с помощью этого мощнейшего средства пропаганды... Так что этой теме в номере тоже будет уделено место.

1. Новости местной культуры 4
2. Путеводитель по номеру 22
3. 4% от 100 хитов 30
4. Оригиналы стихотворений, предложенных конкурсантам для перевода 42
5. Лондон без поэтов 44
6. О конкурсе перевода, подробнее 58
7. Евреи 65
8. О прекрасных людях 68
9. О моральном уродстве 72
10. Британская фотогалерея Романа Дваладзе 76
11. Победители 86
12. Фестиваль Олега Борушко 98
13. Кембридж 101
14. Ливерпуль 118
15. О памятнике Битлз и непорядочной выходке ТВ-2 130
16. Про Кузичкина и Лавренчука, Минина и педерастов 135
17. Строберри Филдз форэвэ 140

Журнал Дома Искусств.

Издается под патронажем Департамента по культуре Томской области.

Главный редактор: Юлий Буркин

Фото: Юрий Берг, Рома Дваладзе, Маргарита Каганова, Алексей Большанин, Юлий Буркин

Куратор от Дома Искусств: Любовь Игнатова

Дизайн: Тарас Черепанов

Корректурa: Галина Небараковская

Адрес редакции:

634069, г. Томск, ул. Шишкова, 10

e-mail: burkin@rusf.ru

1 Впереди еще масса приятных хлопот

О том, чем жила «официальная культура» прошедшим летом, что ожидается в ближайшем будущем, мы побеседовали с начальником Областного департамента культуры Андреем Кузичкиным.

- Андрей Александрович, как прошли каникулы?

- У нас их не было. Летом культура не отдыхала, в отличие от образования. Наоборот, случилось множество событий... Хотя самым горячим был май. В мае мы столько всего провели, что и за полгода не всегда проводим. Восемь мероприятий, начиная от международного уровня, заканчивая местным...

- Международное событие – это какое имеется в виду?

- Межправительственная российско-германская комиссия, посвященная поддержке российских немцев. Заседания этой комиссии проходят в выездном формате, каждый раз в другом месте, нынче в Томске провели. Была очень представительной немецкая делега-

ция, были в ее составе и немцы ранее жившие в России, и в рамках комиссии прошел большой культурно-образовательный форум российских немцев Сибири. Из всех сибирских регионов тоже приехали большие делегации, и чего тут только ни было – от мастер-классов по родному немецкому языку до гала-концерта немецких творческих коллективов всей Сибири.

Следующее. Инновационный форум. Мы принимали там активное участие – готовили культурную программу. И впервые показали видеомейпинг-шоу на фасаде ТУСУРа, это новое слово в зрелищной технике... Наглядно было показано, что инновации и культура совместимы.

- Да, интересное было зрелище, но

это ведь, насколько я знаю, его приезд сделали.

- Да, технические исполнители – из Екатеринбурга, но ведь показанная программа делалась специально под Томск, с нашей подачи. В мае же у нас прошел традиционный фестиваль «Маска», состоялись очень масштабные дни культуры Томской области в Хакасии... Так что май был очень горячим.

А в июне дела были более «камерного» типа. К таким я отношу собственную работу в составе президиума координационного совета Министерства культуры во Владикавказе, где мне предоставили слово для доклада об инновационных подходах в деле сохранения культурного наследия региона.

- А почему во Владикавказе?

- Такой порядок принят в нашем министерстве – проводить эти заседания на выезде. Это помогает тому региону, где оно проводится. В этот раз во Владикавказе, следующий президиум, в котором я, правда, не участвовал, состоялся в Грозном. Кавказ надо поднимать. Я там, кстати, раньше не бывал, и поездка для меня была очень интересной, познакомился со своими коллегами из Адыгеи, из самой Северной Осетии, из Чечни, мы обсудили с ними массу вопросов, в том числе говорили и о создании в Томске фили-

ала Государственного центра современного искусства.

В июне прошел Всероссийский фестиваль «Как во Томской во губернии», где были представлены и концертные номера творческих коллективов Сибири, и выставка декоративно-прикладного искусства в Художественном музее, которая была просто потрясающей. Это мероприятие профинансировало по нашей заявке Министерство культуры.

В июне состоялись гастроли нашего симфонического академического оркестра в

Нью-Йорке, там было несколько концертов, в том числе с американскими солистами, и президент Манхэттена объявил 7 июня днем Томского симфонического оркестра. Он вручил соответствующую почетную грамоту, было очень это приятно, и, по возвращении, мы обо всем этом уже рассказывали - на пресс-конференции.

- Кто нашел нашему оркестру этого нового дирижера - американца?

- Был объявлен конкурс, он подал заявку и выиграл... Что еще интересного?.. Летом у нас проходил

А.А. Кузички представляет в Хакасии Томскую экспозицию

губернаторский конкурс грантов по поддержке проектов в сфере сельской культуры. Четыре направления: клубная деятельность, музейная деятельность, библиотеки и художественное образование. Был учрежден соответственный грантовый фонд, разработано положение, и вот как раз в течение июня, июля и августа эти конкурсы и прошли.

Причем мы выбирали такие проекты, которые способствуют доступности культуры для жителей села, проекты, которые содержали элементы инноваций, то есть технологические проекты и проекты, которые направлены, в первую очередь, на раз-

витие материально-технической базы учреждений культуры. Потому что всегда есть искушение, есть большой соблазн потратить деньги на проведение мероприятий – на пошив костюмов и тому подобное «разовое», но мы сразу сказали, что деньги эти не такие уж большие и использовать их надо максимально эффективно.

Были очень интересные проекты. Сначала мы подвели итоги по нашему художественному образованию, в частности два из шести присужденных грантов ушли в кожевниковскую школу, потому что это были очень интересные социальные проекты. Например, один

– по созданию группы временного пребывания детей дошкольного возраста на базе музыкальной школы – создание центра эстетического развития. В нынешних условиях, когда не хватает мест в детских садах, это очень верная затея, притом, что дети там будут не только под присмотром, но и станут получать какие-то знания, навыки, эстетически развиваться.

- Хорошая идея. У нас такие группы есть только в крупных учреждениях дополнительного образования, таких как Дворец Творчества Юных, Хобби-центр, «Синяя птица», а в музыкальных и художественных школах – нет.

Дефиле по-хакасски

- Для этого нужны специалисты по работе с дошколятами, а чтобы они были, это нужно финансировать. Вот мы и помогли Кожевниково финансами для претворения этого проекта в жизнь.

Очень интересный проект был из Подгорного – от Детской Школы Искусств. Создание сувениров по мотивам Кулайской культуры. Этот проект мы тоже поддерживали.

- А как все, что связано с авторскими правами на продукцию с этими образами?

- Кулайцы ее не регистрировали, это все-таки пятый век до нашей эры – пятый нашей эры.

- Так-то оно так, но те, кто на этой основе уже создает украшения и сувениры, могли и зарегистрировать права на эти образы, или нет?

- Нет, это невозможно. Кулайская культура – это общее достояние. У нас уже четыре бизнес-проекта по этой теме защищено – и ювелирные изделия, и нанесение рисунков на ткань, и керамика, и прочее... Кстати, гора Кулайка, она в окрестностях Подгорного Чаинского райо-

на как раз и находится, так что кому, как не чаинским детям, заниматься этой сувениркой?

Интересные были и музейные проекты, и клубные, вот сейчас только подвели итоги по библиотечным – отдельно детские, отдельно взрослые библиотеки. В основном шла речь о поддержке проектов создания центров информационного доступа на базе библиотек. И тоже занятная тенденция – два места из пяти достались Бакчарскому району, вроде бы не самому библиотечному.

- Ну, потому они и ухватились за эту форму, что нормальных библиотек нет.

- Да, наверное, так и есть. Мы помогли проектам, где речь шла о

поддержке традиции семейного чтения, создание соответствующих клубов при детских библиотеках.

Я намерен позже презентовать все эти проекты, чтобы другие могли что-то почерпнуть из них для себя. Что касается поддержки, то деньги вроде небольшие – десять миллионов рублей на всё, но, как говорится, хороша ложка к обеду. Распорядились этим фондом мы, на мой взгляд, очень эффективно. Суммы были от пятидесяти до двухсот сорока тысяч рублей, но поощрить мы сумели очень многих, и никто, конечно, жировать не начал, но зато дело пошло, не затухло. И так как номинаций, как я уже сказал, было четыре, то в той или иной ока-

Традиционная Хакасская кухня

зались охваченными все районы. Лидером вышел Кожевниковский – там были отмечены и школа, и библиотека, и клуб...

- А кто-то будет отслеживать, как эти деньги использованы?

- Конечно, конечно. Предполагается и контроль со стороны местных органов, и совместное с ними финансирование. К

тому же, это дело имеет ежегодный формат, и если кто-то распорядится этими средствами не по назначению, он сразу исключит для себя возможность что-то получить на следующий год.

- И сколько лет уже такая форма существует?

- Честно говоря, это только второй такой конкурс, а первый был не в прошлом, а в поза-

прошлом году. Но уже решено, что теперь он будет ежегодным.

- Главное в июле?

- Масштабная поездка в Хакассию. С 30 июня по 3 июля мы работали там делегацией, участвовали в первом международном форуме «Культурное наследие – как фактор социально-экономического развития территории». Причем курировал этот процесс вице-премьер Александр Дмитриевич Жуков. Мы представили выставку «Бренды томской земли», я и доклад там такой делал – о деревянном зодчестве, кулайской культуре и декоративно-прикладном искусстве, в частности, о бересте. На высоком уровне прошла конференция, в ней принимал участия замминистра Андрей Евгеньевич Бусыгин, тоже сделал доклад. Председатель правительства Хакассии Зимин нашу выставку посетил, оценил... В июле же мы заканчивали презентацию наших инновационных проектов в сфере культуры и вынесли на экспертное обсуждение - к Оксане Витальевне Козловской...

- Что за проекты?

- Двенадцать проектов. Знаменитых уже проектов, темный вы человек.

- И какой самый знаменитый?

- Они, пожалуй, все равновесны. Но мне, конечно, больше всего нравится создание центра политической истории Томской области.

- Это будет как-то связано с музеем «Следственная тюрьма НКВД»?

- Самым непосредственным образом. Мы хотим как раз этот музей и вырастить до масштабов названного центра.

- Еще какие проекты?

- Создание губернаторского колледжа социально-культурных технологий, создание консерватории на базе музыкального колледжа, открытие школы арт-менеджеров, создание на базе нового здания Пушкинской библиотеки центра оцифровки и хранения документации, создание археологического парка в Тимирязево...

- Что такое «археологический парк»?

- Этот очень интересный проект подготовила Наталья Борисовна Березовская. Модель – Помпеи,

«Томская писаница» в Кемеровской области... В мире немало историко-культурных заповедников на базе каких-либо археологических памятников. Это такой работающий, живой музей под открытым небом.

Кстати, в этом году в Тимирязево на раскопках сделали редчайшую находку. Такие значительные находки делаются раз в пятьдесят лет в Томской области. Нагрудная бляха в виде птицы из белой бронзы. Где-то IX-X век, тагарская культура... И там еще много сюрпризов будет.

Так, теперь об августе. В августе мы провели конференцию педагогических работников в художественном образовании, посвящена она была инновациям в этой области. Гости были из Москвы, из Екатеринбурга, тем более, что сейчас появились законы, которые разграничивают художественное образование и кружковую деятельность. Это очень важно, так как в последнее время в этом вопросе была основательная путаница, которая пагубно влияла на художественное образование. Теперь нашим художественным и му-

зыкальным училищам присвоят статус «учреждений профессиональной подготовки». А кружковая деятельность – это отдельно, это речь идет, так сказать, о хобби.

Вот это все мы и обсуждали на конференции, и тут как раз произошло радостное событие – вышло постановление губернатора о повышении заработной платы бюджетным работникам культуры. Для всех – на 16 %, а для работников библиотек и музеев – на 30 %. Это очень радует. А следующий этап, сказал наш министр, – повышение зарплаты работникам образования художественных и музыкальных школ. Ожидается оно, возможно, даже в этом году.

- Какие самые значимые события предстоят «культуре» в ближайшее время?

- 11 сентября - Дни Хакассии в Томской области. В краеведческом музее будет выставка. А уж чем-чем богата Хакассия, так это своей археологией, так что выставлена будет масса артефактов. Это совсем другая культура, совсем другое искусство... Будет традици-

онный концерт в театре драмы, будут и академические музыканты из Хакасии – в органном зале. И мы хотим провести фестиваль коренных народов «Степи и горы в гостях у тайги» – с юртами, аилами и всем таким прочим. И 11 же сентября – в Подгорном, в филиале нашего краеведческого музея, будет открыта постоянная экспозиция, посвященная Кулайской культуре.

22 сентября – празднование юбилея Георгия Маркова. Будет это мероприятие масштабным, в числе гостей будет и представительная делегация родственников писателя, среди них и известные люди – сатирик Задорнов и актер Тараторкин.

Начинается очередной театральный сезон, начинается очередной музыкальный сезон в филармонии, приезжает из Америки наш новый главный дирижер – Сергей Ханукаев, ждем от него новой программы. В октябре – музейный форум, потом юбилейная Романиада... Так что жизнь в «культуре» бурлит, и впереди еще масса приятных хлопот.

Ю.Б.

*... и прочие
хакасские
красоты*

Три юбилея

Буквально на носу три писательских юбилея – будем отмечать столетие со дня рождения советского классика Георгия Маркова, поздравлять с восьмидесятипятилетием мэтра Вадима Макшеева и вспоминать добрым словом фантаста Виктора Колупаева, которому в этом году исполнилось бы семьдесят пять.

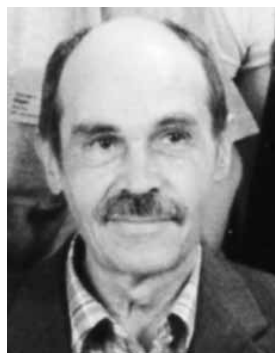
О подготовке к столетию Маркова подробно рассказывалось в прошлом номере «Афин». Рассказывалось в том же выпуске и о Вадиме Макшееве, о той заслуженной награде - ордене, которую вручил ему посол Эстонии, специально для этого прибывший в Томск. А вот о Викторе Дмитриевиче Колупаеве у нас еще не было. Да и вообще, вспоминают о нем незаслуженно редко, несоразмерно с величиной его таланта, красотой и самобытностью тех текстов, которые он нам оставил, масштабно-стью его мысли.

Георгий Марков
100

Вадим Макшеев
85

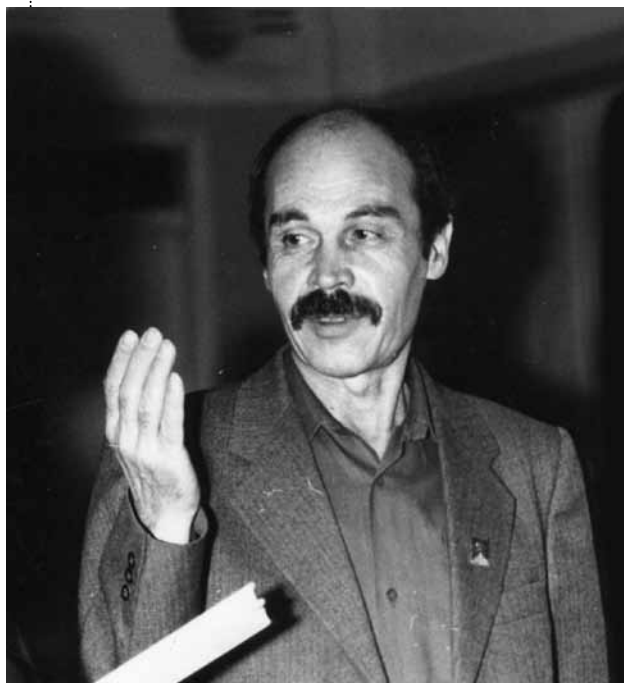

Виктор Колупаев
75

А для нашего журнала память о нем тем более важна, что постоянная рубрика фантастики «Урания» имеет к его имени самое непосредственное отношение. Так сложилось, что он был председателем оргкомитета первого всероссийского фестиваля «Урания», состоявшегося в Томске в 1999 году, а на второй «Урании», в 2000-м, его уже не было с нами, он ушел в свое последнее фантастическое путешествие. И в тот год на фестивале вручалась «Малая Урания, или приз им. В.Д.Колупаева». За самую добрую (или официально «выполненную в гуманистических традициях») книгу, написанную российскими писателями-фантастами за год.

Итак, скоро юбилей, 75-летие. Давайте же вспомним Виктора Дмитриевича. Перед вами – статья о нем, много лет назад опубликованная в газете «Все для Вас». Я и сейчас подпишу под каждым ее словом.

**ОН
ИЗДАВАЛСЯ
В ШТАТАХ,
ИГРАЛ НА
МАНДОЛИНЕ
И КАТАЛСЯ
ВЕРХОМ НА
ДЕЛЬФИНАХ**

Да, его книги выходили в США, Чехословакии и Германии, а в Японии, Швеции, Польше и Болгарии его рассказы печатались в сборниках. Похоже, писателя Виктора Колупаева в мире знают. И уж нам-то - вовсе грех не знать такого земляка.

Играет он не только на мандолине, но и на фортепиано, что же касается дельфинов, то и это не преувеличение:

- У меня была интереснейшая работа. Например, мы в ла-

боратории СФТИ создавали аппаратуру, способную излучать сложный ультразвуковой сигнал.

Известно, что дельфины общаются как раз в ультразвуковом диапазоне; и вот в командировке на Черном море мы целый месяц провели с ними.

Это было огромное сооружение в гектар величины, разбитое на вольеры, стоящее на бетонных сваях, выходящих прямо из моря.

(Не правда ли - фантастическая картина?) Закрытое предприятие. Дельфинов там учили разным вещам, например, загонять рыбу в сети.

Мы с ними очень сдружились. Кататься на дельфине верхом - в буквальном смысле, сидя, как на лошади, невозможно; на нем можно только лежать.

Пообщавшись с ними, ответственно заявляю: это не звери, это по-настоящему разумные существа.

Виктор Дмитриевич - автор одиннадцати книг, лауреат премии за лучшую фантастическую книгу года "Аэлита-88" (за книгу "Весна света"). Многие годы он

занимался литературой параллельно с "гражданской" специальностью радиотехника. И вдруг в 82-м году "замолчал", не написав до самого последнего времени ни одного рассказа или повести. И одновременно - ушел из СФТИ. Почему?

- Мне было лет пятнадцать, когда, взглянув однажды в звездное небо, я ощутил Бесконечность. Примерно в то же время я стал задумываться о смерти. Что такое Время? Что такое Пространство? Как они взаимосвязаны?

Не было дня, чтобы я не думал об этом. Читал Эйнштейна и многих других.

И фантастику-то я стал писать, помоему, оттого, что эти размышления требовали выхода. Но выхода научного я не видел. С помощью литературы я учился мыслить нестандартно.

И однажды... Я помню дату - 14 марта 1979 года...

Но о том, что случилось "однажды" нам лучше расскажет отрывок из предисловия научно-популярной брошюры Виктора Дмитриевича "Про-

странство и время для фантаста":

"В то время я по роду своей основной работы много времени проводил в научной библиотеке ТПИ. И читал, конечно, не только то, что требовала работа, но и то, что меня интересовало. Я отлично помню тот день.

Работал в библиотеке я с утра до обеда. Посетителей в это время обычно было мало. Я вышел покурить в пустую курилку. Ходил там из угла в угол и вдруг все понял. Я понял, что такое скорость света, как ее измерить, каким образом она связана с Пространством и Временем. Я ПОНИМАЮ, что такое Пространство и Время. Тотчас же возникло множество следствий. Я уже знал, почему вращаются галактики, почему время течет из прошлого в будущее, почему причина предшествует следствию и многое другое. Все это произошло мгновенно.

Примерно то же самое происходило со мной всякий раз, когда в голову приходил сюжет рассказа. Он приходил внезапно. Я чувствовал его в свернутом виде. То есть в

нем уже было все от первой до последней буквы... но слов еще не было. Этот свернутый в точку сюжет я носил в голове по многу месяцев или лет, пока не наступала пора слов.

Так и здесь. Я знал все. Но это ВСЕ было свернуто в точку. Это очень странное состояние. Как будто носишь в себе какую-то радостную тайну..."

И с того момента Виктор Дмитриевич НЕ МОГ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ заниматься чем-то иным, кроме подробной кропотливой научной разработки своего открытия...

Он ушел из литературы и с работы. Десять лет без стабильного заработка.

Он обнаружил, что, для того, чтобы грамотно, по-настоящему научно, обосновать свое открытие, он недостаточно хорошо знает физику, философию... Десять лет ежедневных многочасовых занятий.

Проанализировано и законспектировано БОЛЕЕ ТРЕХ ТЫСЯЧ книг и статей, прямо или косвенно касающихся изучаемой проблемы...

О, мой бедный читатель! Ты конечно же подумал: "У мужика крыша поехала..." О, да, обывателю трудно поверить, что по соседству с ним живет Эйнштейн или Ньютон, что просто он носит фамилию Колупаев...

А вот и другой скептик. Он восклицает: "Да какое там открытие?! Он же писатель... Фантаст... ПРО-ЗАЕК..." Легко не верить, не вдаваясь в суть.

Сам я ни черта не понимаю в физике. Но я знаю Виктора Дмитриевича. Трудно себе представить более рассудительного и уравновешенного человека. По его собственному признанию, он лишь однажды за свою жизнь (60 лет) по-настоящему вспылел. (Когда пьяный прохожий пнул его собаку Дислу.)

Между прочим, закончив в 93-м свой научный труд в ДВЕ ТЫСЯЧИ СТРАНИЦ, испещренных формулами и диаграммами, он преспокойно принялся за... новый роман. Он ВЫПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ перед наукой (читай - "перед человечеством") и вернулся к любимому занятию.

Что же касается

"про-заека", то, возможно, это и есть удел гениев - не быть узкими специалистами. (Козьма Прутков: "Узкий специалист подобен флюсу...") "Джоконда" и "Тайная вечеря" не помешали Леонардо да Винчи проектировать металлургические печи, ткацкие станки и даже подводные лодки и танки... Да и Эйнштейн поигрывал на скрипке. И дружил с Чаплиным...

Вы считаете, я преувеличиваю. Возможно, возможно... Хотя, кто знает, может быть, это вы уменьшаете?..

Ну, а теперь, о, мой скептически настроенный читатель, предположим, что вам просто-напросто глубоко плевать на то, совершил Колупаев открытие или не совершил... Нехай себе совершил, пусть про него в учебниках напишут... Тогда хочу перенести ваше внимание с открытия на Человека.

Я ВОСХИЩАЮСЬ его (как это ни высокопарно звучит) подвигом: уйти от суеты, отказаться от материального благополучия и литературного честолюбия во имя Идеи.

Я ПОРАЖАЮСЬ молодости его души. (До сих пор его любимые писатели - Александр Грин и Рэй Брэдбери. Еще и Фолкнер, правда) Он по сей день переписывается со своей школьной учительницей по физике Любовью Степановной Чистосердовой).

Я ЗАВИДУЮ его способности переживать "приключения духа", наслаждаться изыскством мысли. ("Прочсть "Теодицею" Лейбница... Я испытываю огромное удовольствие...")

Я ПРЕКЛОНЯЮСЬ перед его умением БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ.

Его новый роман "Безвременье" (написанный в соавторстве с ровесником и старым другом, художником, мастером "золотые руки" Юрием Марушкиным) пока что ждет своего издателя.

Ждет издателя и научный труд всей его жизни.

* * *

Он безумно любит свою собаку - пометь ирландского и шотландского сеттера - Джуну. Путем экспериментов установил: Джуна понимает

более 300 слов, причем не только таких конкретных, как "мяч" или "ботинки", но и абстрактных (!) типа "другой", "больше"...

* * *

Он - один из зачинателей экологического движения в Томске. (Когда слово "эколог" партийные боссы произносили, как "враг народа".)

* * *

Он считает возможным построение коммунизма. "В одной, отдельно взятой точке пространства, в один, отдельно взятый миг, не имеющий длительности".

* * *

Он и сейчас не имеет НИКАКИХ доходов. Благо, жена - Валентина Александровна и дочь Ольга - понимают и во всем поддерживают его.

В новой, постперестроечной эпохе он ощущает себя как бы "зависшим". Но говорит при этом: "Я-то, по возрасту, возможно, уже и не найду тут себе места. Но у тех, кто помоложе, появилась перспектива. Вернуться в то, что было при "развитом социализме" - ни за что. Ни за что!"

* * *

Он - убежденный христианин. Обряды, правда, его "не привлекают". Только суть, особенно ясно сформулированная в работах ранних христиан. И к религии он пришел не "отойдя от науки", а напротив - через науку.

* * *

С долей самоиронии и, в то же время, сам того не желая, обнажая нечто сущностное, он говорит о своих огородных работах: "... ВОЗДЕЛЫВАЮ КАРТОФЕЛЬ..."

А вы умеете быть счастливым, о, мой скептически настроенный читатель?

А вы катались на дельфинах?

А вы щелкали по носу Альберта Эйнштейна?

Нет? Ах, зато вы купили новый "BMW"... Что ж, каждому свое, каждому свое...

Юлий Буркин

P.S. «Безвременье» вышло. Вышел по-смертно и еще один его роман – «Сократ Сибирских Афин». В Издательстве АСТ вышла толстенная книга его избранной прозы. И все-таки

мало, мало его переиздают. И в Томске мало чтят его память.

75 ему исполнилось бы 19 сентября. К юбилею объявлены:

- Всероссийский конкурс фантастических рассказов для учащихся и студентов «Качели Отшельника»

- Всероссийский конкурс иллюстраций к произведениям Виктора Колупаева для учащихся и студентов «Вдохновение»

И еще несколько интересных мероприятий, о которых можно узнать тут:

<http://viktor-kolupaev.livejournal.com/>

А 16 сентября этого года в библиотеке им. Пушкина на торжественном вечере, посвященном 75-летию со дня рождения Виктора Дмитриевича, инициативная группа горожан из нескольких десятков человек подписала обращение к мэру Томска и депутатам городской Думы с просьбой об увековечении имени писателя памятником. Обращение направлено в администрацию города.

Северские волонтеры в Эрмитаже

В наше прагматичное время кажется чем-то из ряда вон выходящим, когда люди делают добрые дела не за деньги, а от чистого сердца. На самом деле, когда делаешь добро, всегда обогащаешься и сам – духовно. Уже второй год подряд мне посчастливилось участвовать в волонтерской программе, проводимой государственным Эрмитажем при поддержке РОСАТОМа.

Благодаря нашим усилиям туристы узнавали, что такое Эрмитаж и как он устроен, какие выставки там проходят. Наша работа в научных и археологических отделах способствовала сохранению культурных ценностей, очистка парков – поддержанию их исторического внешнего вида. В этом году мне повезло также поучаствовать в археологических раскопках в Старой Ладогге.

Напоследок нас сводили на экскурсию в золотую кладовую Эрмитажа. Каких только ценностей здесь нет, и наш экскурсовод бук-

Крепость в Старой Ладогге

вально перенес нас в те века, когда эти диковины создавались. И обзорная экскурсия по Эрмитажу была ни с чем не сравнимой, особенно запомнились «часы с павлином». А еще нам провели экскурсию в музей электротранспорта Санкт-Петербурга, в котором представлены старинные трамваи и троллейбусы, которых уже и не встретишь. Ярко запомнилось вечернее катание на них.

Теперь я готов кому угодно доказывать, что быть волонтером – интересно, благородно и почетно. Мы и сами прикоснулись к культурному наследию, и помогли его сохранению. Спасибо организатору проекта «Волонтеры ЗАТО в Эрмитаже» Оксане Бондаренко, руководителю нашей группы в Санкт-Петербурге Светлане Дедюхиной, заместителю директора Эрмитажа Владимиру Матвееву и основоположнику службы волонтеров Михаилу Кожуховскому.

Михаил Калаев, Северск

с археологом А.Н. Кирпичниковым

Томичи на краю света

Если край света где-то и есть, то это Португалия - самый что ни на есть край Старого Света. Каково же было наше удивление, когда мы встретили здесь игумена Арсения (Соколова) - веселого и добродушного священника из Сибири, да еще и учившегося на истфаке ТГУ. Отец Арсений - настоятель главного русского православного храма в Португалии, Всехсвятского прихода в Лиссабоне. Молодой, быстрый, с торжественным, несколько задорным взглядом батюшка, к тому же с торчащей бородкой и с растрепанной шевелюрой Дона Кихота.

Когда-то давным-давно, еще в советские времена, взбрело в голову верующему студенту исторического факультета бросить все и уйти в монахи. Так и начал он заниматься миссионерством - ходил по тюрьмам, обращал в православие зеков. А в 2001 году, по решению Синода и митрополита Кирилла (нынешнего патриарха), молодой миссионер был послан в Мадрид для создания прихода в столице Испании, а потом и дальше - в Лиссабон, проповедовать и создавать православную общину. Тут он и служит ныне, в том числе и помогает русским не терять своих духовных и культурных корней.

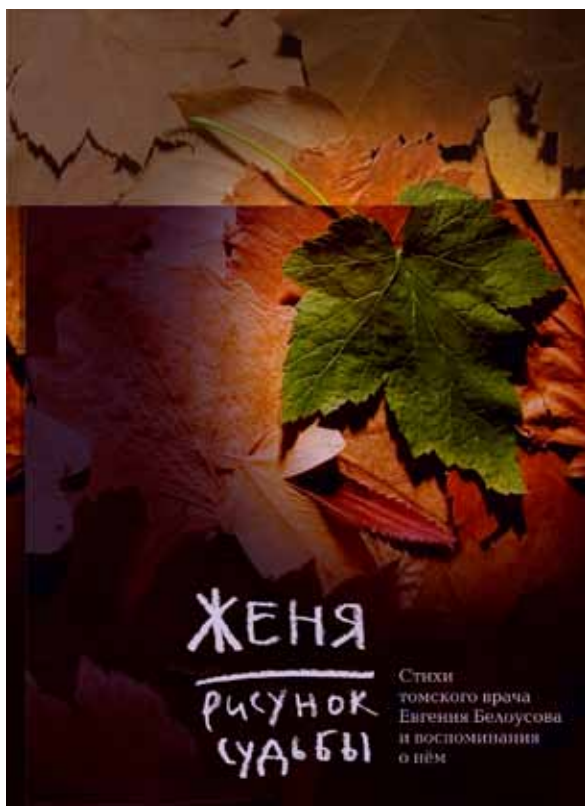
Мы с отцом Арсением очень подружились. Человек, на котором висит забота о всей местной православной общине, находит время показывать нам Лиссабон, знакомить с людьми, водить на концерты, угощать в каком-нибудь недорогом, чисто португальском ресторанчике блюдом из огромной, приготовленной на мангале, рыбы-меч...

Так что, томичи! Будете в Португалии, обязательно посетите храм отца Арсения в старом городе у людной пристани для гигантских, белых, как айсберги, круизных лайнеров. И вы удивитесь, как в этом храме будут вам рады.

*Станислав и Марлена
Буркины, Лиссабон*

- в Томске вышла новая книга с таким названием. Очень необычная. Вроде бы и книга стихов, и, в то же время, книга тёплых воспоминаний об их авторе – Евгении Белоусове (1954-2009).

Он был прекрасным хирургом и многих спас. Его стихи порой несовершенны, но тем, кто знал его близко, они кажутся прекрасными, так сливаются с образом их автора – очень доброго и искреннего человека.

Именно для того, чтобы и у стороннего читателя произошло это слияние, в книге приведены и слова о нём его родных, его друзей и коллег, его пациентов... Всех, кто его любил. А любили его все, кому посчастливилось познакомиться с ним поближе.

Вот, например, абзац из того, что рассказал о нём старший брат Павел...

«... Он был всегда в мечтах. От школы домой дорога занимала от силы полчаса. Он мог идти её два часа. Он мог идти её три часа. Он шёл и о чём-то думал. О чём-то мечтал. Имеющуюся валюту в количестве нескольких медяков он, чтобы не потерять, нёс во рту. Когда у него вырезали аппендицит, в нём обнаружили некоторое количество случайно проглоченных монет...»

Возможно, именно то, что стихи Женя писал без расчета на публикацию, делает их такими трогательными и настоящими. Более настоящими, чем совершенные строфы многих профессионалов.

Замела мне дорогу метелица,
 Что ни чёрта не видно вдали.
 И пугающим саваном стелется
 Снег глубокий под лыжи мои.
 Мне от холода некуда спрятаться.
 Не найти мне дороги назад.
 Я иду, куда лыжи покатытся,
 Через годы и сквозь снегопад.

Ноябрь 1985

Всё прошло, не вернувшись на круг.
 Утонул захлебнувшийся всплеск.
 Где кольцо обнимающих рук
 И любви обжигающий блеск?
 Всё прошло...
 Всё вернулось на круг.

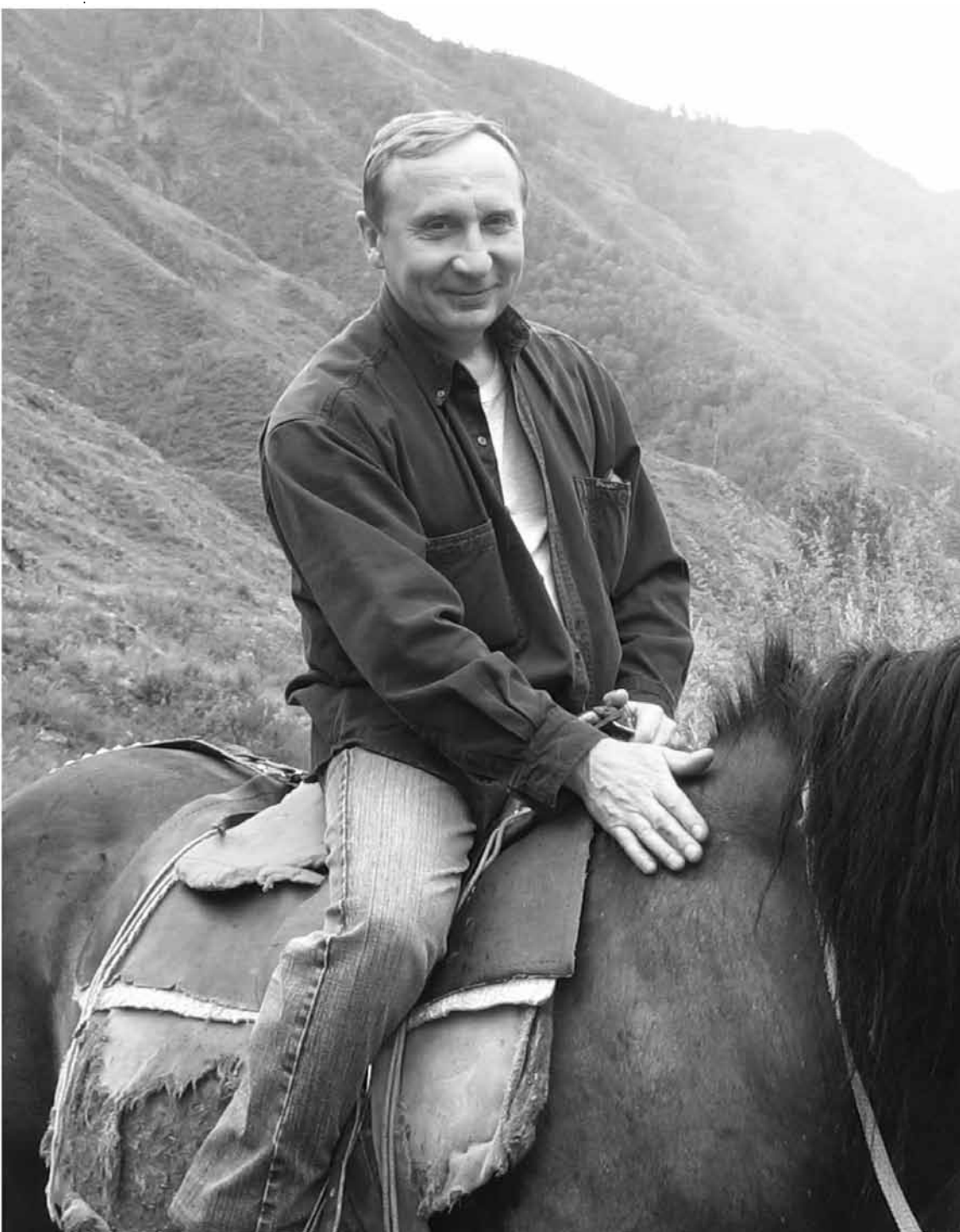
5 ноября 1996

Щенок

Рождён и любим собакой,
 Обсох и уже щенок...
 В борьбе с лихим забиякой
 Любимый ищу сосок.
 Беззубую пасть в подмышку
 Уткнуть бы, тотчас заснув,
 Слепую сестру-воришку
 С соска «своего» спихнув.
 Мне кости и сучки снятся!
 И пусть я ещё слепой,
 Так хочется мне кусаться!
 Как счастлив я, боже мой!

17 апреля 2000

Обманчивый листок фиалки,
Мать-мачехи, малины лист...
Лишь сверху он зелёный ярко,
А снизу, как страница, чист.
Как листик из тетрадки школьной,
Оторван, чтоб нарисовать
Глаза и губы, и невольно,
Забывшись, их расцеловать.
Вдохнуть твоей любви дыхание
И страсти жажду утолить.
Всё сохранить в великой тайне,
Чтоб ранним утром подарить
Обманчивый листок фиалки...

22 ноября 2008

Снова сердцем ощущаю смерть,
Потому что стало тело хилым.
А душа стремится в круговерть!
И я вновь кажусь кому-то милым.
Надеваю чистое бельё,
Чтоб остаться в памяти солидным
Средь живых. И чтобы вороньё
Не смеялось карканьем ехидным.

2009

2

ПУШКИН В БРИТАНИИ, А БИТЛЗ В РОССИИ –

никогда не были. Но и Александра Сергеевича с «туманным Альбионом», и Битлз с «русским духом» некие узы связывали основательно, и эти узы между странами сохранились.

Многие стихотворения Пушкина, которые мы привыкли считать оригинальными, являются переводами Байрона, правда, настолько удачными и вольными, что, несомненно, это все-таки собственное творчество... И недаром в центре Лондона стоит «Пушкинский Дом», в котором мы с моим другом Алексеем Большаниным недавно и побывали.

А в Ливерпуле в музее «Beatles History» мы обнаружили «Стенд №33», посвященный России, и подобного стенда там нет больше ни об одной стране; и нет у Битлз песен «Назад в Испанию», «Назад в Германию» или «Назад в Японию», а вот песня «Back in USSR» известна всем. Да что там говорить, не в нашем ли городе всколыхнулась недавно общественность и закипели страсти вокруг намерения поставить памятник Битлз?

С них-то все и началось.

Уже несколько лет мы с Алексеем Большаниным (он живет сейчас в Нюрнберге) переводим их песни.³

Стараемся делать это так, чтобы они «пелись», как русские. И сейчас работаем над книгой «100 хитов Битлз на русском».

... В Интернете мы наткнулись на объявление о международном конкурсе поэтического перевода «ПУШКИНЪБРИТАНИИ» и решили попробовать свои силы. Отвлеклись от Битлз и в течение двух недель работали над тремя

предложенными оргкомитетом конкурса стихотворениями трех британских авторов прошлых веков, имена которых русскому человеку мало что говорят, так как ранее они почти не переводились.⁴

Результатом стало то, что мы неожиданно вышли в финал и были приглашены (за свой, правда, счет) на последний тур конкурса в Лондон. Надо ехать, решили мы. Тем более что это прекрасный повод впервые за восемнадцать лет, которые Алексей

живет в Германии, встретиться в реале.

Однако решить – это одно, поехать – другое. Чисто физически Алексею это было, конечно, проще. Ему не нужен был «загранпаспорт», не нужна была виза, не нужно было лететь на самолете семь часов с пересадкой (а это не только тяжело, но и дорого)... Что говорить, попасть в один европейский город из другого европейского города все-таки попроще, чем из Сибири.

Преграды у меня возникали на каждом этапе.

Оказался просроченным загранпаспорт, а без него не сделаешь визу. Когда паспорт был готов, на визу осталось три недели, а делают ее в Москве от двух до четырех недель, так что могли и не успеть. Пришлось мчаться в Новосибирск (у нас

такой службы нет) и пробивать прием документов без очереди... Потом писать испуганные письма в посольство Великобритании. И искать деньги. (Спасибо областному Департаменту по культуре и редакции журнала «МуWay», которые прониклись и помогли).

И все получилось. Виза все-таки пришла вовремя – за два дня до вылета.

[Теперь-то понятно, что повезло нам даже более глобально, чем мы думали. Ведь мы провели несколько дней в чудесной и доброжелательной стране, а спустя очень короткое время после нашего отъезда из тени на свет повыползали орки. Если бы мне кто-то там, в Англии, сказал, что скоро здесь начнутся погромы и мародерские грабежи, я бы никогда в это не поверил].

ПУШКИНЬБРИТАНИИ

И вот я в Лондоне.⁵ Сам он на меня особого впечатления не произвел: центр – стандартный мегаполис с его суетой, небоскребами и подземкой, ну, не Москва, но что-то вроде Питера, окраина напомнила мне

Кипр – маленькие коттеджики красной кирпичной с белой отделкой, витые чугунные скамейки, левостороннее движение и много зелени... Впрочем, на самом-то деле это Кипр был когда-то подогнан англичанами под себя, но там я побывал раньше, поэтому и сравнение «в обратную сторону».

Именно в таком тихом и уютном окраинном местечке я и вылез из-под земли по железной винтовой лестнице... Это я, приехав из аэропорта, ломанулся по ошибке в «пожарный выход» метро и перся с сумками и гитарой по гремящим ступенькам вверх три этажа. Еще удивлялся странным нравам проектировщиков.

Но, как бы то ни было, вот я уже и в отеле, вот мой друг Леа, мы радуемся встрече и сходу принимаемся готовиться к выступлению. Дело в том, что одно из переведенных стихотворений мы додумались положить на музыку, да придумали еще и эффектный комичный ход: когда я заканчиваю пение под аккомпанемент своей гитары, на сцене появляется Алексей с малюсенькой гитар-

кой (она называется «укулеле») и исполняет финальный проигрыш.

Вот на этой-то креативной затее мы и погорели. Несмотря на то, что наше выступление вызвало среди зрителей самое большое оживление, смех и овации, в тройку лидеров мы не попали. ⁶ Позднее нам рассказали, что жюри (председатель – Игорь Губерман) решило нашим примером пресечь тенденцию превращения поэтического конкурса в эстрадное шоу, бардовский концерт и прочую вакханалию жанров...

Наконец, о конкурсе. Только появившись в Лондоне, мы осознали то, что было написано на сайте прямым текстом, но как-то не уложилось в наших головах. А именно: «Конкурс переводчиков» - это лишь малая часть большого «Конкурса поэзии». Последний существует уже девять лет, а переводческий – лишь три года... И теперь главное: все вместе это называется «Фестиваль поэзии русского зарубежья». То есть, все участники его (кроме переводчиков) – эмигранты.

Так что среда, в которой мы очутились, была довольно неожиданной и экзотичной. Русские (все-больше евреи), ⁷ проживающие во всех уголках света – от Австралии и США до Белоруссии и Казахстана... Люди своеобразные, интересные и в основном хорошие, ⁸ хотя, как говорится в пословице «в семье не без урода». ⁹

На открытии фестиваля говорили о Пушкине. Интересно было услышать, что «...фраза «Пушкин – наше всё», - это, конечно, преувеличение. Но никто не станет спорить с тем, что Пушкин – наше кое-что». Именитые искусствоведы и историки рассказали о том, что Пушкина в Британии чтят. Но не англичане, а русские. А англичане Пушкина почти не знают. Точнее, они знают его, как переводчика Байрона на русский, но «странного переводчика», ибо тексты его обратному переводу не подлежат, так как в них привнесено нечто непереводимое. Не получается снова Байрон при обратном переводе.

Вот за это «непереваемое» мы его и любим. Это – та «рус-

ность», которой не было и не могло быть у Байрона, и которой не мог бы проникнуться ни один англичанин...

Конкурс проходил в церкви Сент-Джайлз (район Ковент-Гарден). Говорят, это самая поэтическая церковь в Англии. Меня

удивило, что в церкви проходит столь светское мероприятие, но мне объяснили, что здесь это принято, что эта церковь даже носит прозвище «поэтическая», и, в подтверждение лояльности к характеру происходящего, оригиналы переводимых

нами стихотворений, чтобы мы услышали истинное звучание текстов, прочел сам настоятель. Прочел и удалился восвояси...

В церкви со мной поздоровался высокий крепкий бритоголовый молодой человек. «Типичный британец», – подумал я еще до того, как он сказал мне на чистейшем русском: «Юлий, привет. Вы что, меня не узнаете?» Да, я настолько не ожидал повстречать тут знакомых из Томска, что даже не узнал фотографа Романа Дваладзе. Оказалось, в Британии он собирает материал для новой выставки. Я предложил ему сделать небольшую «выставку» прямо в «Афинах», уверенный, что его фотографии украсят журнал, и он любезно согласился. ¹⁰ Поснимал он и наше с Алексеем выступление.

Не могу сказать, что мне не хотелось выступать. Конечно, хотелось. Но когда оказалось, что призовое место мы не заняли, я не испытал ни малейшего разочарования. Я читал все прошедшие в финал переводы, они были примерно одного уровня. Все понастоящему слабое (а его было навалом) от-

сеялось еще на виртуальном этапе. Теперь всё зависело от артистизма выступающих, от настроения членов жюри, от каких-то «политических» течений и веяний, случайности и удачи. И мы со своей укулеле не вписались в представление жюри о том, каким должен быть этот конкурс... И что? Если бы мне предложили выбор: стать победителем, но никуда не поехать или не стать победителем, но побывать в Великобритании, я, конечно же, выбрал бы второе. Так и вышло. Обижаться не приходится.

Мало того, что мы с Лёшей встретились, мало того, что посмотрели Лондон, Кембридж и Ливерпуль – нам посчастливилось познакомиться с десятком замечательных людей, и на конкурсе поэзии мы услышали немало хороших стихов. ¹¹ И нам очень понравилось, что 212 годовщину Пушкина тут отмечают не праздным чествованием классика, а демонстрацией того, что мятежный и гениальный дух его жив и поныне и витает сегодня там, где самому поэту побывать не довелось. ¹²

Лондон

Это я все-таки слишком резко сказал – про то, что он не произвел на меня никакого впечатления. Конечно же, произвел. Как бы меньшее, чем ожидалось, но произвел.

Букингемский дворец... Между прочим, возле дворца королевы стоят две скульптуры – женщина с серпом и мужчина с молотом. Заслуга Мухиной лишь в том, что она свела их вместе. Раньше я не знал, что в часы, когда королевы нет во дворце, над ним реет государственный флаг, а когда она на своем рабочем месте – флаг с королевским гербом. Теперь знаю. В жизни пригодится.

Интересные мелочи. Все-таки двухэтажные автобусы с открытой верхней палубой – это забавно. И кэбы... Оказывается, в Англии такси может быть только одного типа – это специальный автомобиль, выпускаемый только для этих целей. Хочешь таксовать – покупай такую машину. Впереди, рядом с водителем – багажное отделение, затем – прозрачная стенка и салон на пять чело-

век. В стенке – щель для денег...

Пабы... Мы побывали в нескольких. Чувствуется, что в них люди не «гуляют», тут они живут. Нас водили даже в один из старейших пабов Лондона «Старый Чеширский сыр», который описывал Диккенс в

«Повести о двух городах»... А вот пиво – обыкновенное. Да, качественное, но ничем не отличающееся от хорошего нашего пива.

Я спросил бармена: «Как так выходит, что ваше «Пшеничное» не отличается от «Пшеничного» Кожевниковского пивзавода в Сибири?» Он ответил: «Если там у вас пиво делают по тем же пра-

вилам, что и у нас, используя солод, хмель и воду и ничего лишнего не подмешивают, то другим пиво получиться и не может»... Логично. Но ожидания были иными.

Наконец, «Эбби Роуд». Какой битломан, оказавшись в Лондоне, не сфотографируется на этом историческом пешеходном переходе? Мы с Алексеем, добываясь хороших снимков, туда и обратно ходили там целый час. Так и не добились. И таких, как мы, идиотов из всех уголков мира там толпилось человек двадцать. И они толпятся там уже почти полвека и мешают, мешают движению.

Чего, казалось бы, проще: поставьте светфор, и люди будут фотографироваться, не мешая. Нет, английская душа – особо

туманные потемки... Но что удивительно: ни разу ни одна машина не принялась раздраженно сигналить. Водители терпеливо ждут, когда через переход картинно пройдет очередная группа сумасшедших. Думаю, они просто привыкли к этой флюктуации и, если не хотят стоять, объезжают этот проклятый переход стороной...

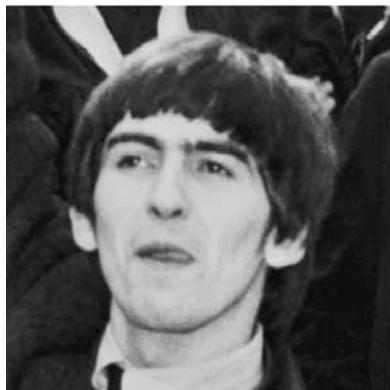
Да, в Лондоне все-таки кое-что есть. Ну, как нам было, например, не умилиться, наткнувшись на лавочку с товарами под маркой Битлз. Но по-настоящему мне понравились два других города, в которых мы с Лёшой побывали – Кембридж¹³ и Ливерпуль.¹⁴

В Ливерпуле, кстати, в музее «Beatles Story», я рассказал его удивленным сотрудникам о том, что у нас в городе хотят поставить памятник Битлз, вспоминая при этом недавнюю выходку ТВ-2,¹⁵ а с неё пере-скакивая мыслями на выходку другой телекомпания...¹⁶ Томск не отпускал.

Но сердце успокоилось на Строберри Филд.¹⁷

3 4% от 100 ХИТОВ

Итак, мы с Алексеем Больша-
ниным (Нюрнберг) переводим
песни Битлз, и недавно это вы-
лилось в работу над книгой «100
хитов Битлз на Русском»

Почему 100, а не ВСЕ? (Об этом
я уже рассказывал в «Сибирских
Афинах» №6, но не грех и повто-
рить). Прежде всего, потому,
что больше половины текстов
Битлз, особенно раннего их пе-
риода, до банальности просты.
«Люби меня, как я тебя...» Это
нам переводить не хочется. Зато
поздние – потрясающе заняты.
Учитывая, что практически все
их песни становились хитами,

мы можем произвольно выбрать
сотню самых интересных нам.

Понимая, что издателей вряд
ли заинтересует «песенник»,
каждый перевод мы сопровожда-
ем, по возможности, занима-
тельным комментарием. В ше-
стом номере уже были опубли-
кованы четыре наших перевода
(других, естественно, песен), но
в этом – такая подборка еще бо-
лее уместна. Мы намеренно пред-
ставили по одной песне каждого
из Битлз. Этим мы подчеркива-
ем их равновеликость. Должна
же когда-нибудь восторжество-
вать справедливость.

John Lennon
Don't Let Me Down

*Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down*

*Nobody ever loved me like she does
Oo, she does, yes she does
And if somebody loved me like she do me
Oo, she do me, yes she does*

*Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down*

*I'm in love for the first time
Don't you know it's gonna last
It's a love that lasts forever
It's a love that had no past*

*Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down*

*And from the first time that she really
done me
Oo, she done me, she done me good
I guess nobody ever really done me
Oo, she done me, she done me good*

*Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down*

*Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down
Don't let me down*

Не разочаруй меня, не подведи! Никто не любил меня так, как любит она. С первого раза, когда она мне сделала так, я понял, что еще никто не делал мне так. Никто вообще не делал мне так хорошо. Я полюбил так впервые, разве ты не понимаешь, что эта

любовь будет продолжаться вечно? Не дай мне упасть. Не предай!

Не дай упасть мне

Не дай упасть,
Не дай пропасть,
Не дай упасть (мне),
Не дай пропасть.

Никто любить меня так не умеет,
Как она, да, она,
А если кто меня любить умеет,
То она, да, она.

Не дай упасть,
Не дай пропасть,
Не дай упасть (мне),
Не дай пропасть.

Так влюблен я впервые,
И не деться никуда,
Я в тебя влюбился сразу
Это точно навсегда!

Не дай упасть,
Не дай пропасть,
Не дай упасть (мне),
Не дай пропасть.

И с тех пор, как она сделала так мне,
Так как надо, так хорошо,
Я понял, что никто не делал так мне,
Так как надо, да, хорошо.

Не дай упасть,
Не дай пропасть,
Не дай упасть (мне),
Не дай пропасть.

Не дай упасть,
Не дай пропасть,
Не дай упасть (мне),
Не дай (мне) пропасть.

Она не подвела

В этом комментарии вы не найдете юмора. Мы не будем насмехаться над

невеликим словарным запасом авторов. Комизм тут не уместен. Уместнее будет вспомнить некоторые умные пословицы. «Краткость – сестра таланта». «Повторение – мать учения». «Все гениальное – просто»... Сам Джон так объяснял вербальную скудость этого текста. «Когда дело доходит до того, что вы тонете, вы не говорите: «Я был бы невероятно рад, если б кто-нибудь заметил, что я тону, и пришел бы меня спасти», – нет, вы просто кричите».

А он в тот период именно тонул. И держался за свою любовь, как за соломинку. Вместо собственных разглаговствований дадим слово непосредственному участнику событий. Пол Маккартни: «Это был очень напряженный период. Джон встречался с Йоко, он пристрастился к героину, в результате чего обострились все его паранойи. Он ставил себя в довольно трудное положение. Думаю, насколько сильно это его заводило и забавляло, настолько же сильно и пугало. Поэтому Don't Let Me Down была искренней просьбой. Он словно говорил Йоко: «Я выхожу за рамки приличия,ставляю напоказ свою ранимость, поэтому ты не должна меня подводить». Думаю, это был неподдельный крик о помощи. Хорошая песня».

Пожалуй, самым близким по эмоциональному накалу и душевной оголен-

ности русским аналогом Don't Let Me Down является песня Высоцкого «Кони привередливые». Особенно вот эта строчка из неё: «Чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю!..» Но у Высоцкого всё окончательно бесспорно, даже ангелы в раю поют у него «такими злыми голосами»... Леннон же питает, хоть и зыбкую, но надежду. На любовь. Зыбкую, хрупкую, но опереться ему больше не на что... Это нюансы, главное, в чем состоит близость этих песен – запредельный уровень их искренности.

В этой песне просто, честно и душевнораздирающе всё – и текст, и музыка, и исполнение, и даже запись. В альбом вошли не студийные треки, а живая игра на крыше «Эппл» во время концерта, который и сам-то был последним криком о помощи рвущейся на куски души Битлз. И что характерно: на крыше они исполнили песню дважды; в альбом пошел первый вариант.

... Перевод этот дался легко и просто. И не потому, что слов мало, а потому, что песня в очередной раз захватила нас, подчинила себе целиком, мы стали жить ею, и русские аналоги английским словам нашлись сами собой. В результате сейчас мы с одинаковым удовольствием поем ее и по-английски, и по-русски.

Единственная трудность заключалась в том, что в русском языке нет такого же многозначного и ёмкого выражения, как «let down» – не удержать, позволить упасть, уронить, разочаровать, опустить, подвести, покинуть в беде, повредить репутации, унижить... И это тот случай, когда бессмысленно выбирать из всех вариантов перевода наиболее верный для данного контекста. В данном случае «don't let me down» – это вся совокупность названных смыслов. В контексте жизненной ситуации Джон просил Йоко не подвести его в его ожиданиях, не разочаровать его, не дать упасть в пучину пошлости жизни без любви, не унижить мелкой

интрижкой, не покинуть в этот труднейший период, не испортить жизнь, которую он полностью ей доверил, зачеркнув прежнюю и т.д., и т.п.

Нам повезло в том, что в русском есть пара похожих и рифмующихся слов «упасть-пропасть», которая охватила довольно большой сектор значений из всего смыслового спектра «let down». Мы пробовали захватить еще больший сектор, сделав припев четверостишием с перекрестной рифмой – «Не подведи // Не дай упасть // Не погуби // Не дай пропасть», но это сильно меняло нарочито монотонный характер припева, а выражение «не погуби» показалось нам слишком прямолинейным. Очень хотелось вернуть и «не разочаруй», так как этого важного оттенка значения в паре «не дай упасть – не дай пропасть» нет. Но не нашлось к строчке «не разочаруй» подходящей пары.

... Будущим исполнителям на заметку.

1. Начнем с того, что на вопрос, сколько слогов в слове «down» четкого ответа нет. Точнее, с точки зрения академического перевода он есть: слог один. По-русски это звучит как «дан» с незначительным призвуком «у» после «а». В то же время, когда мы слушаем песню, мы иногда отчетливо слышим, что Леннон поет как бы два слога – «да-ун»... Дело в том, что «ау», в данном случае, – это так называемый «дифтонг» – сочетание двух гласных звуков в одном слоге. В разговорной речи это один слог. Но слова в речи и слова в песне – не совсем одно и то же. Сколько слогов в слове «мороз»? Два. А теперь вспомните песню: «Ой, мороз, моро-оз...» во втором случае слога явно три. Так вот, в строчке «don't let me down» вроде бы четыре слога, но есть и неярко выраженный пятый. В русском варианте можно его обо-

значить продлением последней гласной: «Не дай упа-ась...», а можно добавлением слова «мне»: «Не дай упасть мне». Потому в переводе мы слово «мне» в припеве ставим в скобки. Как вы будете петь – решать вам, мы свое мнение вам навязывать не будем. Но заметим, что мы сами этими «мне» не злоупотребляем.

2. То же самое «мне» можно использовать и в качестве замены междометиям «о, у, йе», которые Леннон порой выкрикивает фальцетом. Например: «Don't let me down, уе-е» – «Не дай упасть, мне-е»...

3. Совсем уже чудовищная рекомендация. Вы же понимаете, что текст и музыка в песне неразрывно связаны. И уж коль скоро, переводя, мы в большой мере пишем новый текст, это иногда может повлиять и на музыку. Обратите внимание на последнюю строчку перевода. «Не дай (мне) пропасть». Слово «мне» в скобках появилось прямо внутри строчки. Дело в том, что нам показалось интересным, стильным, современным, хотя и немного попсовым иногда петь последнюю строчку так: частицу «не» петь из-за такта, а затем оставшееся «дай мне про-пасть» – раздельно с ударением на «дай». Попробуйте.

4. Если вам захочется окончательно превратить песню в попсовый хит, вы можете петь так:

Не дай упасть мне,
Не подведи,
Не дай пропасть мне,
И не по-гу-би!

Если вы уверены в себе и в аудитории, вы можете использовать сленговое выражение «кинуть». В этом случае смысл будет практически идентичен оригиналу, оттенок, правда, появится такой, которого у Битлз нет. Помните группу «Ляпис Трубецкой»? Вот. И все-таки:

Не ки́нь меня,
Не ки́нь меня,
Не ки́нь меня,
Не ки́нь меня!

Что-то в этом есть.

5. Но хорошенько, хорошенько подумайте, стоит ли «осовременивать» то, что не старится в принципе. Конечно, четыре слова лучше выражают смысл выражения «let down», чем два, но не тот ли это случай, когда лучшее – враг хорошего?

И, наконец, главное. Пойте с душой. Если вам не близки переживания лирического героя Леннона, не стоит и пытаться.

Сидя под синим небом окраины, я слышу и вижу Пенни Лэйн. Здесь парикмахер показывает фотографии голов, которые он имел удовольствие знать. Здесь все люди останавливаются, чтобы с тобой поздороваться. На углу – банкир с автомобилем, а дети смеются за его спиной: он никогда не носит плаща, даже в проливной дождь, это очень странно. Здесь стоит пожарник с песочными часами, и в его кармане – фотография королевы. Он любит держать свою пожарную машину в порядке, и его машина чиста.

Здесь продают рыбу за четыре пенса и кое-что еще, например «пирожок

Paul McCartney

Penny Lane

*In Penny Lane there is a barber showing
photographs
Of every head he's had the pleasure
to know.
And all the people that come and go
Stop and say hello.*

*On the corner is a banker with a motorcar,
The little children laugh at him behind
his back.*

*And the banker never wears a mack
In the pouring rain, very strange.*

*Penny Lane is in my ears and in my eyes.
There beneath the blue suburban skies
I sit, and meanwhile back*

*In Penny Lane there is a fireman with
an hourglass
And in his pocket is a portrait of
the Queen.
He likes to keep his fire engine clean,
It's a clean machine.*

*Penny Lane is in my ears and in my eyes.
Full of fish and finger pies
In summer, meanwhile back*

*Behind the shelter in the middle
of a roundabout
The pretty nurse is selling poppies from
a tray
And tho' she feels as if she's in a play
She is anyway.*

*In Penny Lane the barber shaves
another customer,
We see the banker sitting waiting for
a trim.
And then the fireman rushes in
From the pouring rain, very strange.*

*Penny lane is in my ears and in my eyes.
There beneath the blue suburban skies
I sit, and meanwhile back.*

*Penny lane is in my ears and in my eyes.
There beneath the blue suburban skies,
Penny Lane!*

с пальцем». Здесь, на островке в середине дорожного кольца, под навесом, симпатичная медсестра продает с подноса маки и чувствует себя так, словно играет в спектакле; впрочем, так оно и есть. Вот парикмахер бреет очередного клиента, а банкир ждет, когда подравняют и его. А потом туда вбегает пожарник, спасаясь от проливного дождя. Очень странно. Сидя под синим небом окраины, я слышу и вижу Пенни Лэйн.

Пенни Лейн

Пенни Лейн. Покажет фото
парикмахер вам
Всех хорошо ему знакомых голов,
И вам любой здесь сказать готов
Пару добрых слов.

На углу стоит машина, в ней
сидит банкир,
А детвора смеется за его спиной:
Этот тип и в дождик проливной
Без плаща всегда. Странно, да?

Пенни Лейн кипит, звенит
вокруг меня,
Под прозрачным синим небом я
сизу, а между тем -

Пожарник смотрит на часы свои
песочные,
В кармане фото королевы, как всегда,
А страсть его – машины чистота,
Как она чиста!

Пенни Лейн кипит, звенит
вокруг меня,
... пиво-чипсы, два яйца
За пенс, а между тем -

Здесь медсестра торгует
огненными маками
На островке внутри кольца,
где есть навес,
Так вдохновенно, словно сцена здесь,
Впрочем, так и есть.

Пенни Лейн. Сверкает бритва
парикмахера,
И ждет банкир, чтоб тот височки
подравнял,
И пожарник тоже прибежал
От дождя туда. Странно, да?

Пенни Лейн кипит, звенит
вокруг меня,
Под прозрачным синим небом я
сизу, а между тем -

Пенни Лейн кипит, звенит
вокруг меня,
Под прозрачным синим небом я
Пенни Лейн!

Радуга с яйцами

Если бы не Эпштейн, мы бы, наверное, имели альбом Битлз, целиком посвященный детству. Леннон и Маккартни начали работать над ним и уже написали по одной песне каждый – Strawberry Fields Forever и Penny Lane, когда Эпштейн заявил Джорджу Мартину, что о группе начинают забывать, что она теряет популярность, и что срочно нужно выпустить хотя бы сингл. «Он должен быть по-настоящему классным, – сказал Брайан. – Что у тебя есть?» «Есть три трека, и два из них – лучшие из всех, что они записали», – ответил Мартин.

Так и появился этот «детский мини-альбом Битлз». После того как песни, которые должны были стать хитами большого концептуального полотна, были обнародованы раньше времени, Маккартни и Леннон потеряли всякий интерес к этой теме. С одной стороны, жаль, а с другой – всё, что ни делается, делается к лучшему. Ведь охладев к идее «детского альбома», они переключились на разработку новой концепции – более необычной, почти безумной. И появился «Sgt. Peppers Lonely Hearts Club Band».

О переводе. На наш взгляд, он удался, петь его почти также приятно, как и оригинальный английский текст. Это практически подстрочник. Если Леннон тяготел к модернизму и сознательно вводил в тексты парадоксальные образы, то для Маккартни органична поэтика поп-арта. Вот он и помещает нас в центр круговой панорамы с движущимися цветными объектами, поэтизируя простые бытовые ситуации и простых людей из своего детства. Мы даже не видим особой своей заслуги в том, что смогли адекватно ритмизировать и срифмовать всё это.

Сомнения при переводе вызвала строчка «The pretty nurse is selling rorppies from a tray». С какой это стати медсестра продаёт маки? Может, это вовсе не маки или это не медсестра? Может быть, или то, или другое – сленговое обозначение чего-то совсем иного? Помог Интернет. Нет, всё так и есть – настоящая маки, настоящая медсестра. Известно даже ее имя: Бэт Дэвидсон. Стэн Вильямс, школьный приятель Леннона, рассказал, что это она в октябре 1954 года в униформе слушательницы курсов медсестер продавала маки возле парикмахерской Байолетти (это, кстати сказать, фамилия упомянутого в песне парикмахера). Мальчишки часто останавливались около Бэт, чтобы перекинуться с ней парой слов. Джон Леннон и его друг Пит Шоттон не были исключениями, а впоследствии Бэт стала женой Пита.

«Когда я начал сочинять, пришел Джон и помог мне с третьим куплетом», – рассказал Пол. По всей видимости, речь идет именно об этой яркой картинке: юная медсестричка, продающая огненные цветы.

Penny Lane написана Полом Маккартни в его музыкальной комнате в Лондоне на Кэвендиш-авеню, 7. Он сочинил ее, подыгрывая себе на пианино, которое незадолго до этого было украшено художником Дэвидом Вогханом

психоделическим изображением радуги. Всё – и внутри, и снаружи – располагало к тому, чтобы написать такую живописную ностальгическую и, в то же время, жизнерадостную песенку.

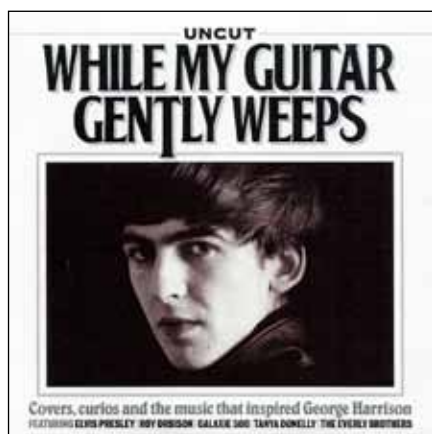
... Повозиться нам пришлось с припевами. Из первого, к сожалению, напрочь исчезло указание на то, что небо Пенни Лейн не просто синее, но еще и пригородное (или даже загородное). Небо окраины. Мы не смогли всунуть это в данную поэтическую структуру. Нет, в принципе можно, конечно. На пример:

*Пенни Лейн вокруг меня звенит, поёт.
Загородный синий небосвод
Над ней, а между тем...*

Срифмовать можно все. Но вариант с «прозрачным синим небом» показался нам ярче, светлее, песеннее. Есть ощущение чистоты и тихого восторга – именно того ощущения, которое присутствует в оригинале. А ведь именно это главное, правда?

Во втором припеве возникла проблема иного характера. Там стараниями Джона присутствует неприличное сленговое выражение «finger pie» (дословно – «пирожок с пальцем»). По словам Маккартни, – «большинство людей никогда и не слышало это выражение. «Finger pie» – просто невинная шутка ливерпульских парней, которым иногда нравятся пошлости».

Невинная-то она невинная, но вот как ее перевести? Мы не будем приводить здесь все наши черновые варианты. Мы, пожалуй, даже уничтожим их... Остановились на «яйцах». Причем просто яйца ничего бы нам не дали, яйца продают на любом рынке, а вот «два яйца» – звучит уже несколько двусмысленно. (По смыслу на яйцо :). Может быть, и недостаточно двусмысленно, но в этом деле, нам кажется, лучше недожать, чем пережать.

George Harrison
While My Guitar Gently Weeps

*I look at you all see the love
 there that's sleeping*

*While my guitar gently weeps
 I look at the floor and I see
 it needs sweeping
 Still my guitar gently weeps*

*I don't know why nobody told you
 how to unfold you love
 I don't know how someone controlled you
 they bought and sold you*

*I look at the world and I notice it's turning
 While my guitar gently weeps
 With every mistake we must
 surely be learning
 Still my guitar gently weeps*

*I don't know how you were diverted
 you were perverted too
 I don't know how you were inverted
 no one alerted you*

Я вижу любовь в вас, но она спит, я вижу грязный пол, который не мешало бы подмести, а моя гитара нежно плачет. Тот, кто научил вас скрывать любовь, он контролирует вас, он купил вас и продал.

Я смотрю на мир и замечаю, что он вертится. Мы учимся на ошибках, и все же моя гитара горько плачет. Вас сбили

с пути, вас обманули и растлили. И никто не предупредил вас об опасности.

Пока гитара нежно плачет

Скажи, почему все любовь свою прячут? – Гитара тихо грустит.

Так грязно вокруг, а она нежно плачет, Ни днем, ни ночью не спит.

Не знаю я, кто научил вас
 Свою любовь скрывать,
 Но знаю я, что он купил вас,
 Чтоб с молотка продать.

Скажи, как наш мир дальше
 двигаться может,
 Когда так сердце болит? –
 Ошибки нужны, чтоб учить нас, и все же
 Гитара тихо грустит.

Не знаю я, кто подкупил вас,
 И посулил вам что,
 Но знаю я, он сбил с пути вас,
 Не удержал никто.

Насквозь кармическая песня

Побочным итогом работы над этим текстом явилось сочинение нами народной пословицы: «Не хочешь разочароваться в песне, не переводи её». Мы, конечно, знали о склонности Харрисона к теософии, но не предполагали того, как неожиданно это сказалось тут. Уж так в *While My Guitar Gently Weeps* всё общо, так всё вселенски... Шикарная музыка, четкая двухчастная структура – проникновенно-надрывный куплет и ласково-лиричный припев. А в тексте, как нам показалось на первый взгляд, совершенно однообразная страшилка про то, как некто (дьявол, по всей видимости) разобшил людей, разделил их, чтобы властвовать.

Как-то даже стало понятно, почему Леннон и Маккартни с такой неохотой взялись за её запись. По словам Джорджа, они не уделяли ей должного вни-

мания, и подстегнуло их только присутствие постороннего. «... В тот вечер я вернулся домой с мыслью: «Как жаль!» – потому что знал, что песня на самом деле была очень даже неплохая. На следующий день я ехал в Лондон с Эриком Клэптоном и спросил его: «Чем ты сегодня занимаешься? Почему бы тебе не съездить со мной в студию и не сыграть для меня в этой песне?» Он ответил: «Нет, нет, я не могу. Никто раньше не участвовал в записях песен Битлз, остальным это не понравится». Я возразил: «Послушай, это моя песня, и я хочу, чтобы ты играл в ней». И он пришел. Я объявил: «Эту песню с нами будет записывать Эрик». Я не прогадал, потому что все сразу стали стараться. Пол сел за пианино, сыграл неплохое вступление, и все остальные тоже отнеслись к работе серьезнее».

... Когда мы были подростками, нам иногда хотелось провалиться в середине шестидесятых и оказаться в Англии на концерте Битлз. А еще лучше – являться ближайшими друзьями группы, сопровождающими их везде – на репетициях, на гастролях и на отдыхе. Тогда бы мы, мало того, что находились в состоянии непрерывного счастья, но еще и попытались бы кое-что изменить в истории группы. А именно: постарались бы внушить Леннону и Маккартни, любым способом, даже с применением рукоприкладства (а что делать, если слов не понимают?!), что Джордж Харрисон не менее талантлив, чем они, что его песен в альбомах должно быть не по одной на стороне пластинки, а поровну с их творениями. Ведь, согласитесь, редкие его треки, – это буквально алмазы, пусть и в не менее дорогой оправе... Эта уверенность не оставляла нас и в зрелости, вплоть до того момента, когда мы взялись за перевод *While My Guitar Gently Weeps*.

Энтузиазма не прибавил и рассказ Джорджа о том, как песня создавалась: «Я думал о китайской «Книге пере-

мен». С точки зрения восточной философии, все происходящее предопределено, и случайностей нет – каждая мелочь ведет к какой-то цели. *While My Guitar Gently Weeps* стала простым исследованием этой теории. Я решил написать песню о том, что первым увижу, открыв любую книгу, связанную с тем моментом и тем временем. Я выбрал книгу наугад, открыл ее, увидел слова «*gently weeps*», отложил книгу и взялся за песню». То есть написана она была не по зову сердца, а вот так рассудочно, с фатализмом, отдающим цинизмом.

Наконец, главное. Очень не близкой показалась нам и поза лирического героя песни. Как говорил Аркадий Райкин: «Вот смотрю я на вас всех и думаю – дураки же вы все...» Этакий великий и ужасный Харрисон, свесив ножки, оглядывает человечество с высоты своей праведности и увиденным откровенно не удовлетворен... Чтобы снизить этот пафос, мы не стали переводить строку «*I look at you all*» буквально – «смотрю на вас всех» или «смотрю я на вас», хоть и то, и то укладывается в размер идеально, а заменили на доверительное обращение «скажи, почему...». «Модернизации» подверглась также строка «*I look at the floor and I see it needs sweeping*». Нам показалось, что грязный пол в бунгало Джорджа в Эшере это его личная хозяйственная проблема, а если он хотел сказать этим, что в этом мире его окружает грязь, то мы внесли это уточнение. Предпоследний вариант куплета был даже таким:

*Скажи, отчего все любовь
свою прячут? –
Гитара тихо грустит.
Вокруг столько лжи, но она
нежно плачет,
Ни днем, ни ночью не спит.*

Но потом мы решили, что это уже слишком большая вольность, и вер-

нули грязь из бунгало композитора на место.

Далее мы с остервенением жонглировали бессчетным количеством абстрактных созвучных и близких по смыслу строчек для припевов, представляя слова и слоги и оставляя наиболее удачные из длинных цепочек подобных. Например: «не знаю я, кто разделил вас», «не знаю я, кто подчинил вас», «не знаю я, кто развратил вас», «не знаю я, кто исказил вас», «не знаю я, кто совратил вас», «не знаю я, кто захватил вас», «не знаю я, кто разделил вас», «не знаю я, кто подучил вас», «не знаю я, кто отучил вас», «не знаю я, кто разучил вас», «кто отдалил вас друг от друга», «кто бросил в вас зерно испуга», «кто научил вас вечно лгать», «кто собирался вас продать» и т.п... Что характерно, ни одна из этих строк в окончательный вариант не вошла, хотя могла – любая. И подобным образом мы, как бы это выразиться помягче, познали каждую.

Занятно, что, по всей видимости, примерно таким методом песня не только переводилась, но и писалась. Кроме двух классических, записанных на «White Album», куплетов известно еще, как минимум, три. Два из них присутствуют в демо-версии этой песни, записанной Битлз в бунгало Харрисона в мае 1968 года, а еще один вошел в сольную версию, записанную автором на студии «Эбби-Роуд» 25 июля 1968 года. То есть разных похожих строчек им было придумано столько, что новые куплеты из них компоновались по мере необходимости без особого труда.

... И вот перевод закончен. Из всего множества строк мы логическим путем отобрали 16 наиболее, на наш взгляд, удачных, наиболее органично подходящих друг к другу. Передохнули. И сыграли, постаравшись забыть свои мытарства. И неожиданно поняли: а ведь отличная же песня! А ведь

Харрисон-то – все-таки гений. И «Книга перемен» работает: случайностей нет, этот перевод был предопределен. Пословица же наша – неправильная...

Ringo Starr

Octopus' Garden

*I'd like to be under the sea
In an octopus' garden in the shade
He'd let us in, knows where we've been
In his octopus' garden in the shade
I'd ask my friends to come and see
An octopus' garden with me
I'd like to be under the sea
In an octopus' garden in the shade.*

*We would be warm below the storm
In our little hideaway beneath the waves
Resting our head on the sea bed
In an octopus' garden near a cave
We would sing and dance around
because we know we can't be found
I'd like to be under the sea
In an octopus' garden in the shade*

*We would shout and swim about
The coral that lies beneath the waves
Oh what joy for every girl and boy
Knowing they're happy and they're safe
We would be so happy you and me
No one there to tell us what to do
I'd like to be under the sea
In an octopus' garden with you.*

Вновь я хочу очутиться под водой - в саду у моего приятеля-осьминога. Он-то знает, где мы побывали... В его подводном саду тепло и не страшен шторм, который бушует наверху. Там нас никто не найдет и не будет указывать, что нам делать. Там можно отбросить все проблемы и просто лежать на дне, забыв обо всем. А можно плавать и дурачиться с друзьями.

А еще можно отплыть подальше, к коралловому рифу, и там кричать и беситься, ведь никто нас тут за это не накажет.

В саду осьминога

Мне так легко на дне морском,
Где меня никто-никто не достаёт,
Там в тишине, на глубине
Мой приятель-осьминог в пещере ждёт.
Он нас зовёт в свой сад морской,
Он знает всё, что было с тобой.
Нам так легко на дне морском,
Где приятель-осьминог в саду живёт.

Там в тишине, на глубине
Так тепло тебе и мне лежать на дне.
Давай плясать, петь и кричать:
Тут нас некому ругать и поучать.
Пусть наверху бушует шторм,
Мы здесь и знать не знаем о нём,
Тут, в тишине, на глубине,
Нас хранит тенистый сад на дне морском.

А ну, скорей зови друзей -
К коралловому рифу поплывем,
Глянь, со всех ног бежит наш осьминог,
Конечно, мы с собой его возьмем.
Цветастых рыбок стайка к нам плывёт,
Давай возьмём и их в хоровод.
Мне так легко на дне морском -
Там, где нас никто-никто не достаёт!

Обижаться уметь надо

Феноменальная самоуверенность – одна из тех черт, которая сделала Пола Маккартни звездой. В книге Альберта Голдмана “The Lives of John Lennon”

описывается, как Пол проводил кастинг в Нью-Йорке, выбирая среди трех лучших американских роковых барабанщиков того, который будет записываться в его новом альбоме. Это были лучшие сейшн-музыканты мира, каждого из них, мягко говоря, удивлял сам факт того, что им устроили прослушивание, в то время как их имена давно уже говорят сами за себя. Но имя Пола Маккартни тоже чего-то стоило, и они согласились. Так вот, прослушав каждого из них, Пол сам уселся за барабаны и, переговаривая: «А вот так вы можете? А вот так?» - изобразил несколько не самых техничных бреков... Известные на весь мир барабанщики потрясенно переглядывались.

Наверное, только Джона Леннона он не мог поучать, такова уж была в группе субординация, сложившаяся изначально. Попробовал бы он... Вот Джорджа поучал, и на записи проекта «Get Back» тот основательно психанул из-за этого. Кадры, на которых запечатлен этот конфликт – одни из самых ярких в одноименном фильме. По одной из версий, психанул и Ринго, когда во время записи «Белого» альбома Пол сделал ему замечание по поводу его игры.

По другой версии, его не устраивало то, что его роль в группе была сведена к минимуму, и что он устал от долгих ожиданий во время записей, полных ссор и ругани... Так или иначе, но в самый разгар работы над альбомом Ринго неожиданно покинул Лондон и две недели провел в Средиземном море на яхте своего друга. Где и написал песню Octopus's Garden.

В этом весь Ринго. Его добродушие, даже под тяжестью обиды, не позволило ему сочинить что-то обличающее, саркастическое или хотя бы грустное. Напротив, он весело и бесхитростно рассказывает в песне о том, как хотелось бы ему прогуливаться по морско-

му дну в обществе своих друзей. Песня «Octopus's Garden» – квинтэссенция характера Ринго.

Поражает и то, что это всего лишь вторая, написанная Ринго, песня. И сразу – суперхит. Поражает и ее необычная тема, оригинальность антуража. «Oh! Darling»... Однозначный шедевр, но если говорить только о содержании, то подобных песен-признаний и до Маккартни написано сотни тысяч, и им самим – не менее ста. «Something»... Джордж – умница, но и эта песня не удивляет темой. «Come Together»... А что еще можно было ждать от Джона, если не сарказма в адрес всех и вся, включая себя самого... Но скажите, вы знаете еще хотя бы одну песню о прогулках в саду осьминога? Откуда это взялось?!

Между прочим, известно, откуда. Дело было так. Во время вышеозначенного круиза на яхте своего друга (комика Питера Селлерса) непритязательный Ринго заказал на обед рыбу с жареной картошкой, но вместо нее получил кальмара. Это был первый раз, когда Ринго ел кальмара, вкус этого блюда показался ему неожиданным и привел в некоторую ажитацию. Обрадованный тем, что сумел удивить звезду, капитан лодки хотел накормить его еще и осьминогом, но тут Ринго наотрез отказался.

Внезапно капитан одобрил это решение и рассказал Старру о том, что осьминоги крайне любопытные и умные животные, что они украшают свои жилища и даже небольшие садики перед ними красивыми камнями, ракушками и блестящими предметами, найденными на дне... Это была шутливая импровизация, но она легла на благодатную почву. Фантазия тут же переместила Ринго в один из таких коралловых садилов – подальше от алчных продюсеров, назойливых поклонниц, а главное, от заносчивых коллег по группе, сомневающихся в его профессионализме...

Когда Ринго вернулся, на «Эбби-роуд», его встретили плакатом «Добро пожаловать домой». Да, он две недели провалялся дурака на море, в то время как остальные трудились, не покладая рук. Но на него не обижались. Ведь и он не мог долго обижаться на них. Да и что это была за обида, если итогом ее стала такая светлая песня?

... О том, как этот текст переводился, честно говоря, и рассказать нечего. Легко переводился. Возможно, потому, что один из нас в этот момент как раз отдыхал на море (правда, на Красном) и воочию наблюдал стайки разноцветных рыбок и прочие красоты кораллового рифа. Сложностью было только не скатиться в стилистику детской припевки. В этом нам помогла единственная известная нам русская песня о морских пучинах, герой которой, также как и Ринго, не прочь спрятаться в них от сухопутных невзгод. Вот только в качестве утопленника:

*«... Лучше лежать на дне,
В синей, прохладной мгле,
Чем мучиться на суровой,
Жестокой, проклятой земле.
Будет шуметь вода,
Будут лететь года,
И в белых туманах скроются
Чёрные города...»*

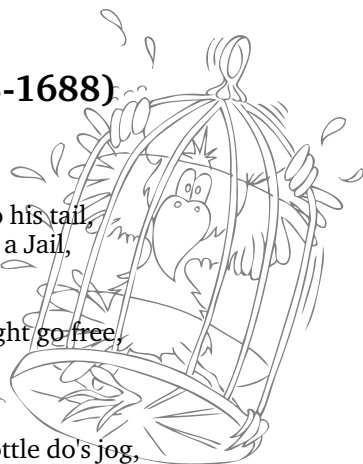
Вы, конечно, узнали песню из культового советского фильма «Человек-амфибия» (1961 г.)? Такие вот ужасы живописал наш кинематограф о мире капитала. Тем временем, в этом самом мире капитала, в те же шестидесятые веселый барабанщик сочинял «Octopus's Garden».

**Юлий Буркин
и Алексей Большанин**

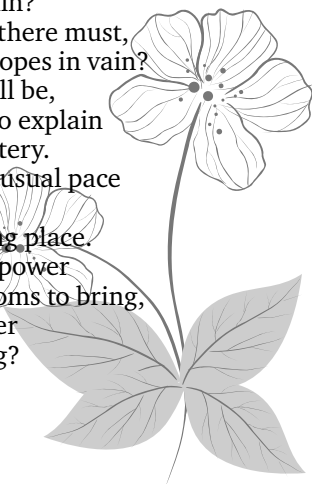
Thomas Flatman (1653-1688) The Bachelors Song

Like a Dog with a bottle, fast ti'd to his tail,
Like Vermin in a trap, or a Thief in a Jail,
Or like a Tory in a Bog,
Or an Ape with a Clog:
Such is the man, who when he might go free,
Does his liberty loose,
For a Matrimony noose,
And sells himself into Captivity;
The Dog he do's howl, when his bottle do's jog,
The Vermin, the Thief, and the Tory in vain
Of the trap, of the Jail, of the Quagmire complain.
But welfare poor Pug! for he plays with his Clog;
And tho' he would be rid on't rather than his life,
Yet he lugg's it, and he hug's it, as a man does his wife.

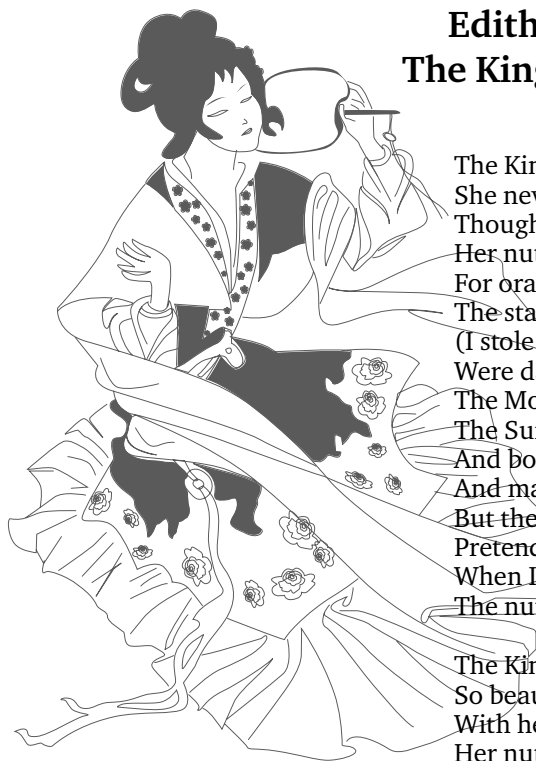

John Clare (1793 -1864) The Instinct of Hope

Is there another world for this frail dust
To warm with life and be itself again?
Something about me daily speaks there must,
And why should instinct nourish hopes in vain?
'Tis nature's prophesy that such will be,
And everything seems struggling to explain
The close sealed volume of its mystery.
Time wandering onward keeps its usual pace
As seeming anxious of eternity,
To meet that calm and find a resting place.
E'en the small violet feels a future power
And waits each year renewing blooms to bring,
And surely man is no inferior flower
To die unworthy of a second spring?

Edith Sitwell (1887 -1964) The King of China's Daughter

The King of China's Daughter,
She never would love me,
Though I hung my cap and bells upon
Her nutmeg tree.

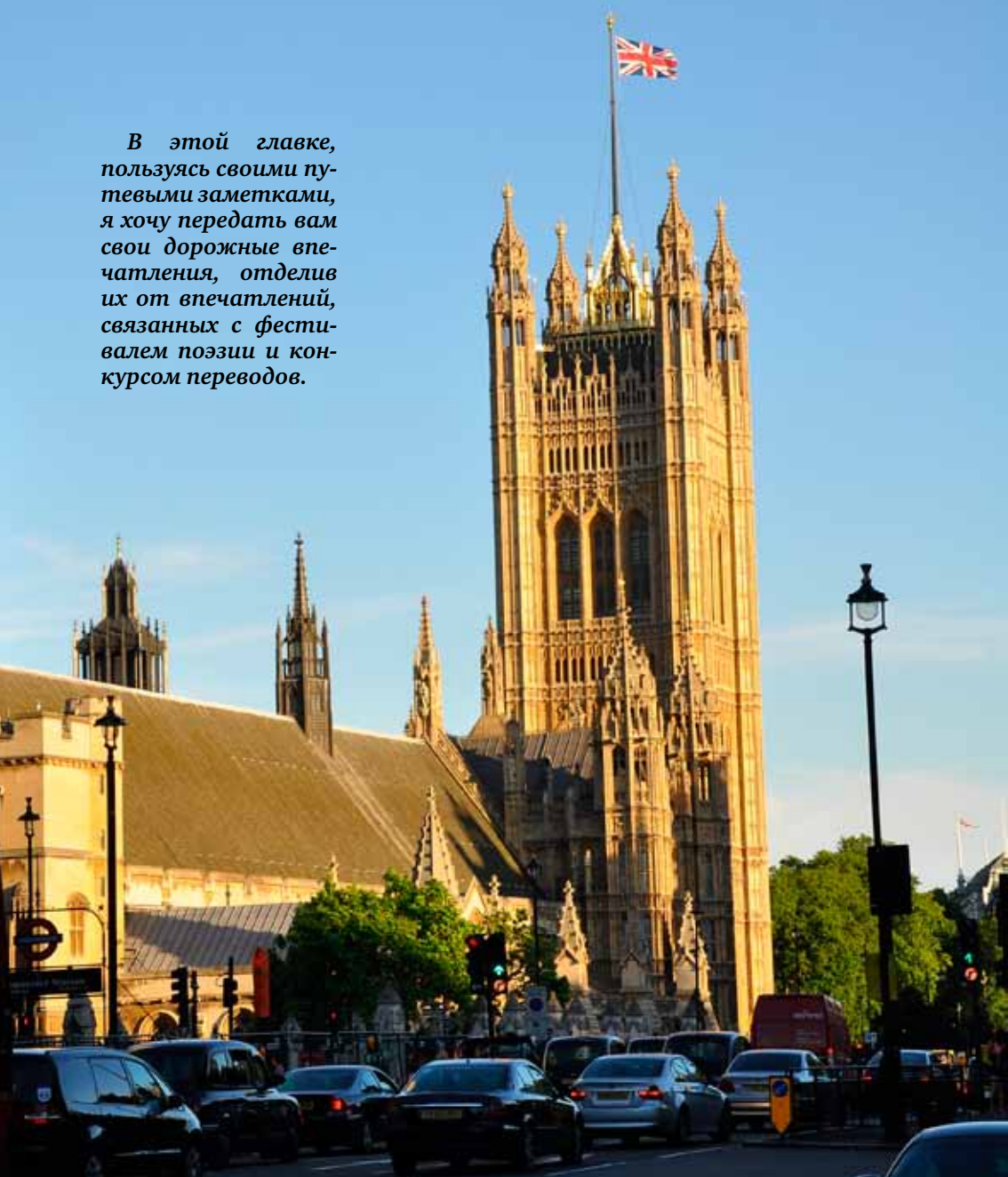
For oranges and lemons,
The stars in bright blue air
(I stole them long ago, my dear)
Were dangling there.
The Moon did give me silver pence,
The Sun did give me gold,
And both together softly blew
And made my porridge cold;
But the King of China's daughter
Pretended not to see
When I hung my cap and bells upon
The nutmeg tree.

The King of China's daughter
So beautiful to see
With her face like yellow water, left
Her nutmeg tree.
Her little rope for skipping
She kissed and gave it me-
Made of painted notes of singing-birds
Among the fields of tea.
I skipped across the nutmeg grove,-
I skipped across the sea;
But neither sun nor moon, my dear,
Has yet caught me.

5

ЛОНДОН БЕЗ ПОЭТОВ

В этой главке, пользуясь своими путевыми заметками, я хочу передать вам свои дорожные впечатления, отделив их от впечатлений, связанных с фестивалем поэзии и конкурсом переводов.

Итак, начнем с того, что я вышел в Московском аэропорту Домодедово, и до моего рейса Москва-Лондон компании «Британские авиалинии» было около восьми часов. Так как я знал это заранее, я договорился с главным редактором издательства «Экслибрис» Евгением Авдиеенко о встрече возле станции метро Павелецкая. Уж очень хотелось поддержать в руках только что вышедшую книгу «Русалка и Зеленая ночь», написанную в соавторстве с сыном Станиславом.

Я добрался до Павелецкой и хотел позвонить Евгению, но связи не было. Позже я разобрался, почему. Дело в том, что в Москве не работает симка TELE-2. Вообще-то, я знал об этом, но вовремя не вспомнил. Мне на радость редактор оказался безупречно пунктуален, и, спустя пять минут после встречи, мы уже сидели в кафе, и я вертел в руках, разглядывал, обнюхивал и только что не пробовал книжку на вкус... Удивительно, но я до сих пор получаю от этого удовольствие – держать в руках свою новую книгу.

И вновь в самолет. Компания «Британские авиалинии». При этом наш воздушный корабль – удивительно потрепанная колымага. Все вещи в нем скрипят ходят ходунком, в некоторых местах обшивка кресел залеплена скотчем, а журналы в кармашках сидений потрепанные и засаленные. Их-то все и читают. Лишь какой-то индус весь обложился суперсовременными девайсами – айПодами, айФонами и т.п. – что-то скачивает, перекачивает, просматривает, читает... Странно видеть на его экране или русских букв витиеватую индийскую вязь.

Позже, когда я рассказал об этой картинке Алексею, он пояснил: «Это комплекс цветного. Он как бы

говорит нам этим: «Вот вы так кичитесь своей белой кожей, а по сути вы по сравнению со мной просто дикари. Ведь это я освоил все эти самые современные высокотехнологичные примочки, а не вы. Ваш удел – засаленные бумажные журналы»...

Удивило то, что командир английского корабля, в отличие от наших, что-то, не умолкая, болтал и похихатывал при этом. Наши только мрачно представляются, а этот прямо-таки балагурил. Что он там говорит, разобрать не успеваю – слишком уж быстро. И вдруг, не прекращая болтовни, он делает неимоверно резкий взлет, градусов эдак под сорок пять, а то и все шестьдесят... Ощущение не из приятных. Скажу сразу, сажился он также круто, так, что всем казалось, мы падаем.

Стюардесса провозит воду и соки. И еще маленькие бутылочки с вином, но вино я брать постеснялся. На подвешенных к потолку салона телеэкранах показывают какую-то смешную программу. Наушники я не надел, потому плююсь на нее без звука, и удивляюсь, что все лица,

мелькающие в ней, мне известны. Это все английские звезды – актеры и музыканты. Ни одного неизвестного мне лица. Даже удивительно, что мы так хорошо их всех знаем. А вот интересно, они из наших знают хоть кого-нибудь?

Когда стюардесса проходит назад, я все-таки беру бутылочку вина. Она оказалась пластиковой и по объему равна стакану. Немножко выпить вина я решил потому, что ведь, на самом деле, сегодня есть как минимум два повода, которые следует отметить. Главный и самый удивительный состоит в том, что я лечу в Лондон. Свершилось. Второй по значимости – выход новой книги.

Еще я попробовал предложенный девушкой кофе из чайничка. Я думал, что на Британском авиалайнере кофе будет каким-то особенным. Оно оказалось сугубо «советским» – конкретный кофейный напиток с цикорием, который мне варила бабушка на завтрак.

И вот я на Британской земле. Метро от аэропорта Хитроу почти целиком проходит по верху, и это приятно – не плять в черные стекла, а наблюдать пейзажи лондонской окраины. Она очень похожа на наши загородные места, ну, может, чуть более ухожены.

Но пару раз встретились конкретно наши огородики с кое-как обтянутыми поли-

этиленовой пленкой грядками... Но больше все-таки симпатичных коттеджиков – темно-коричневый кирпич и выбеленные оконные проемы или целиком светлые фасады. В целом у меня возникло ощущение какой-то старины – красивой, но мрачноватой. Трудно представить, чтобы в этих домах жили молодые и веселые люди. Скорее – хмурые старики со скелетами на чердаках.

Вечер в отеле прошел приятно – встреча с Алексеем Большаниным, встреча с Марго Кагановой, и Вовочкой Севриновским. Марго – моя давняя подруга, подборка ее стихов, кстати, была в №5 «Афин», а с Вовочкой мы как-то знакомились в Москве, и мне он симпатичен.

Утром мы общались с жюри и оргкомитетом в старинном клубе «Атенаум» на Пэл Мэлл. Слушали доклад российского посла и поэта Владимира Масалова «Поэты-дипломаты в истории России» и узнали о том, что Пушкин в юности какое-то время работал писарем в министерстве иностран-

ных дел, что дает право дипломатам держать его за своего. Слушали откровения прошлых победителей конкурсов.

Очень приятное впечатление произвела генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. Рудомино Екатерина Гениева, поделившаяся своими взглядами на художественный перевод, опытом и некоторыми тонкостями. (Подарил ей прошлый номер «Афин» с нашими переводами Битлз, может, оценит).

Но не всему этому посвящена эта глава. Герой в ней не Фестиваль, а Лондон. Сразу из клуба мы с Марго и Вовочкой отправились в паб. Мне не терпелось попробовать английское пиво и английскую еду. Там-то я впервые и обнаружил: пиво обыкновенное, а еда невкусная. Сытная, обильная, но невкусная.

Да, по дороге в паб встретили велорикш. Молодые симпатичные парни. Захотелось сфотографироваться в их коляске, и я спросил разрешения.

- Yes! – ответил паренек, к которому я обратился. – Давай, говори, садись.

Я сел. Лёха приготовился снимать, и тут паренек добавил: «Это стоит три фунта».

- Серьезно?! – воскликнул я, думая уже, платить или обойтись без этого снимка.

Но тут вся эта братия радостно заржала, и парень заверил:

- No, it's a joke, a joke! (He, это шутка, шутка!)

А вот обирающий туристов араб за фотографию на его блохастом верблюде взял бы деньги без всяких шуток, я - свидетель. Рассказывают даже, что сажают они девушек на верблюда бесплатно, а когда тот встает... снимают с него уже за деньги.

Это арабы. А лондонские рикши – нормальные ребята.

В пабе кружки с элем мы подняли с тостом, произнесенным Вовочкой: «Лон-

дон – лучший город в мире!» Он тут не впервые, поверим ему.

Из паба, уже втором – я, Алексей и Марго – отправились на Эбби Роуд. В метро запутались и подошли к большому красивому негру, работнику этого метро. Спросили, как пройти на Эбби Роуд, он объяснил нам, но потом заметил: «Зачем вам туда, вас же только трое?» Мы предложили ему быть четвертым и идти с нами, «Come Together», - сказали мы, но он засмеялся и сказал, что не может, так как находится на посту.

Студия, в которой записаны самые гениальные альбомы

Битлз, опутана лесами, ремонтируется фасад, и вид она имеет довольно неприглядный. А вот забор ее испещрен на удивление профессиональными шаржами на Битлз.

Как вы помните, на знаменитой обложке Пол Маккартни переходит улицу почему-то босой. Это подвигло меня (а затем и Лешу) разуть одну ногу. Именно одну, я ведь шел в подражание Битлз, а не Маккартни. Процесс разувания сопровождался овациями окружающих.

Вообще, уже к этому времени я утвердился в мысли, что миф о холодности и чопорности англичан – не более чем миф. Каждый раз, когда нам приходилось к

кому-нибудь за чем-нибудь обращаться, мы встречали радующие и искреннее желание помочь.

Прежде чем фотография вышла более или менее удачной, мы ходили по зебре туда-сюда не менее часа. Но не мы первые так мучались. Вот вам редкий кадр – подготовка Битлз к историческому снимку. Им тоже пришлось повозиться.

Следующим пунктом программы была экскурсия, организованная для нас корреспондентом «Аргументов и фактов» в Лондоне Маргаритой Стюарт. Она привела нас в Грин-парк, что расположен прямо перед Букингемским Дворцом. Народ лежит тут на травке.

Молодежь целуется.

Маргарита рассказывает:

- Перед вами - классический английский парк. Его основная концепция – кажущаяся запущенность. Никаких статуй и скамеек. Грин-Парк – самый молодой из всех центральных парков, в прошлом году ему исполнилось каких-то 350 лет. Если посмотреть на Лондон сверху, то можно увидеть, что весь город пересекает полоса парков – Вестминстерский, затем Сент-Джеймский, Гринпарк, Хайд-парк и Кингс-гاردенс. Традиционно считается, что все эти парки – собственность королевской семьи.

Раньше это было буквально так, и простые люди сюда зайти не могли, лишь избранные.

Когда сын казненного Карла I вернулся в Британию и сел на трон, то у него, как часто бывает у тех, кто из грязи в князи дорвался до власти, съехала крыша. Он, понимаете ли, хотел своей королевской ногой ступать только по королевской земле. Но между Сент-Джеймским и Хайд-Парком было определенное расстояние, а самолетов и вертолетов тогда не было, и чтобы попасть из одного в другой, он должен был бы пройти по «обычной» земле. Недолго думая, он просто отгородил кусок земли между этими парками

и объявил ее тоже своей. Так и появился Грин-парк.

Тут же он стал самым модным и любимым местом отдыха аристократии, здесь стали проводить всяческие празднества. В честь окончания Столетней войны здесь построили огромную башню, называли ее Башней мира, а затем устроили фейерверк, да такой, чтобы удивить всю Европу. Но первая же петарда угодила в башню, та сгорела дотла, три человека погибли. Европу удивили, получилось.

- Вы прямо как про Россию рассказываете, – перебил Маргариту кто-то.

- Британию такими историями тоже не удивишь. Вспомните только «Титаник»... Спустя 100 лет

после этого пожара праздновали столетие королевского Дома, вновь построили башню, снова устроили фейерверк, и башня опять сгорела. Это так разозлило короля, что с тех пор тут ничего не строят, а то, что было – снесли. И пруд засыпали. Но палить из орудий по праздникам в этом парке не перестали.

У Королевы есть официальный День рождения, который празднуется в первый или второй уикенд июня. И в этот день палят из пушек с Тауэра и здесь, в этом самом парке. Не дай бог оказаться поблизости, я как-то прое-
жала на машине, так

меня взрывной волной трясло отчаянно.

Почему тут нет цветов? Это традиция. Дело в том, что жена Карла II, узнав, что он, гуляя тут, собирает цветы и дарит их своим фавориткам, в отместку приказала уничтожить их все под корень (цветы, как ни странно).

Сейчас этот парк используется прежде всего для двух целей – палить из пушек по праздникам и устраивать какие-то шествия в связи с годовщинами тех или иных войн, так как тут установлен мемориал павшим в войнах за Великобританию.

Наша группа двинулась дальше, к дворцу. Изредка между деревьями парка перебегают белки. Но какие-то дохлые, по сравнению с теми, что живут у нас в Университетской роще, и чересчур уж ручные: заведешь человека, сами подбегают к нему в надежде на подачку.

Маргарита Стюарт рассказывает о Букингемском дворце:

- Почему он называется «Букингемским»? Потому что сначала на этом месте был дом, который герцог Букингемский построил для своей семьи. Но это не тот герцог, который из Трех

Мушкетеров... Вообще, «герцог Букингемский» – это не титул, а назначение. Их в истории было всего трое, и они не были родственниками друг другу. Тот, что общался с Анной Австрийской – это был первый герцог Букингемский, а тот, что отстроил дом – третий.

Спустя 60 лет король Георг III выкупил у него этот дом для своей семьи. Они не хотели жить в Сент-Джеймском дворце, там, где тусовался весь Двор, а хотели покоя и одиночества, но чтобы королю недалеко было «ходить на работу».

А еще до того, как построили этот дом,

здесь была тутовая роща. Чарльз I, сын Марии Стюарт, который стал королем после Елизаветы Первой, решил поднять в Англии шелководство и насадил целую рощу тутовых деревьев, шелковиц. Но шелкопряды не пожелали там жить, и с шелком у англичан не вышло. Пришлось вторгнуться в Индию.

Тутовые деревья вырубili через двести лет и поставили этот дом. Дворцом он стал только в XVIII веке, после тридцати семи лет реконструкций, которые вел Георг III.

Но пожить в этом дворце после ремон-

та он так и не успел. В нем стала полноправной правительницей Королева Виктория. Она терпеть не могла этот дворец, так как выросла в очень уютном Вестминстерском дворце, и любила его и замок Балморал, который ей подарил принц Альберт Шотландский. И до сих пор Балморал является летней королевской дачей, куда августейшая семья уезжает в июле-августе.

За королевским дворцом – сады, где ежегодно устраиваются чаепития с приглашением самых видных или особо отличившихся за

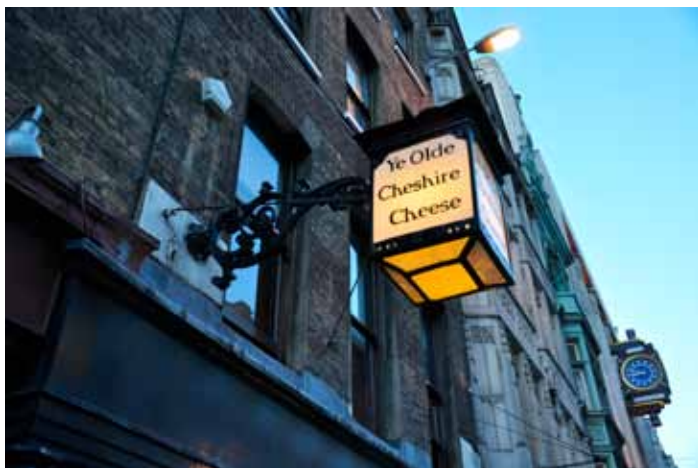

год персон страны. Двенадцатого июля и я туда приглашена. У меня позавчера было интервью с Ринго Старром, приятно было узнать, что и он там будет... Сады совершенно шикарные, редчайшие сорта цветов, райские птицы... Когда королевская семья куда-то надолго уезжает, их открывают для посетителей.

Следующим пунктом нашей экскурсии был стариннейший лондонский паб «Старый Чеширский Сыр» - о нем писал еще Диккенс в «Повести о двух городах», и который часто посещали такие знаменитости, как сэр Артур Конан Дойль и Марк Твен. Антураж вызывает ощущение, что в ближайшие несколько сотен лет тут ничего не меняли.

Там, за дубовым столом, с кружками эля мы с Лешей приютились поближе к Маргарите и попросили ее рассказать об интервью с Ринго Старром.

- Ринго - человек с юмором, мне он очень нравится. Он уважает труд журналиста и переспрашивает, если не понял вопроса. Как и Джу-

лия Робертс, и Гвинет Пелтроу – они тоже воспитанные люди. Очень часто звезды, а я нередко беру интервью у звезд, ведут себя совсем по-другому. Не поняв вопрос, они все равно говорят и говорят, так как собственные слова они считают ценностью, а вопросы и интересы журналиста – несущественными.

Вот Пола Маккартни я, например, терпеть не могу. Я дважды брала у него интервью. Он такой неестественный, такой индюк надутый, у него и внешность игрушечная какая-то...

Эль сделал свое дело, и со своими мыслями в связи с Ринго и Полом вылез я:

- Маргарита, конечно, я выскажу свое мнение... Что такое Битлз? Они записа-

ли несколько великих альбомов. Когда концертная деятельность, которая приносила им деньги, стала мешать творчеству, они отказались от нее и заперлись в студии... А потом распались, так как сделали все, что могли. А Маккартни в одиночку стал делать все наоборот: стал делать на всем этом «бабки» – выступая и выступая на огромных площадках. Уже слушать противно, как он тянет своим старушечьим голоском: «Yesterday-a-a-a»... Творчества там уже нет, есть только бизнес. Принципиально Маккартни сегодня - полная противоположность Битлз.

Тут вмешался и Леша Большанин:

- Но первые-то сольные альбомы Маккартни были великолепны!

- Не спорю! Это когда он еще думал, что он – часть Битлз, - гнул свою линию я. – Когда старался доказать себе и другим, что он не хуже Леннона. Когда верил в свою божественность, когда ему казалось, что он хочет быть творцом, когда он был еще по уши влюблен в свою Линду... «Ram», «Wild Life», «Red Rose Speedway», «Band On The Run» – это все великие альбомы. Но потом не стало Леннона, и не с кем стало соревноваться. И он к тому моменту понял, кто он и чего он на самом деле хочет. Он – бизнесмен и он хочет делать большие деньги. Вот и все.

- Да, - сказал Леша. – Его жизнь делится четко пополам. В первой половине его

жизни на него хочется молиться. А во второй – хочется сказать: «Хватит уже. Заткнись, что ли».

Маргарита Стюарт странно поглядывала на нас. И потом я понял, почему. Потому что, когда темой разговора стали Битлз, мы с Лешей стали самодостаточны, окружающее, в том числе и ее рассказы экскурсовода и бывалого лондонского журналиста, стало очень мало занимать нас. Беспокоились мы разве что о том, чтобы не пустовали наши кружки...

Кстати, вместе с нами за столиком в пабе сидел, с внешностью одесского биндюжника и тонкой душой поэта, замечательный Юрий Берг. Вот тут-то я и попросил

его дать для «Афин» свои фото, и он любезно согласился.

О том, что происходило с нами, что мы увидели и пережили в Англии, я расскажу в последующих главах, а в качестве финала этой главы хочу сказать еще пару слов об англичанах. Конечно, за несколько дней невозможно понять целый народ. И все-таки, мне кажется, мои скромные наблюдения позволяют мне высказать верное суждение. А состоит оно в том, что нет на свете никакой «английской чопорности», нет «английского высокомерия» и «английского снобизма», о которых так много говорят, пишут и показывают в кино. Это такой же миф, как поголовная открытость и беспабашность русских людей.

Когда один из нас оставил в пабе сумку, какой-то англичанин бежал за нами квартал, чтобы ее вернуть. Когда мы останавливались в затруднении в Ливерпуле, прохождение, к которым мы даже не обращались, тут же спрашивали нас, не потерялись ли мы и не нужно ли нам чем-то помочь. Люди,

которые встречались нам, были душевны и отзывчивы... Но особенно ярким эпизодом, показывающим характер англичанина, стал для меня момент моего отъезда.

Мы вышли из отеля примерно с получасовым запасом времени. (Алексей уезжал позже, и он отправился проводить меня.) Спустились в метро. На платформе теснились люди. Подошел поезд, следующий напрямую в аэропорт, мы вместе с остальными вошли в вагон, и без того полный, и тут по громкой связи объявили, что поезд дальше не идет в связи с технической проблемой. Люди повалили наружу.

Мы растерялись. Лондонское метро – старейшее в мире, и оно очень запутан-

ное. Как добраться до аэропорта обходными путями и не опоздать?! Внезапно стоявший рядом пожилой худощавый человек, высокий, прямой, в костюме с галстуком и с неожиданным рыжим брезентовым рюкзаком в руках, бросил: «Follow me!» (Идите за мной!) и, не глядя на нас, двинулся куда-то быстрым шагом, почти бегом.

Мы помчались за ним. Прыгая на эскалатор, мы заметили группу наших поэтов, растерянно оглядывавшихся по сторонам. Если бы мы были уверены, что они тоже направляются в аэропорт, мы бы их позвали с собой, но они стояли на другой платформе, так что, скорее всего, им надо было в какое-то другое место. И мы боялись отстать

от своего неожиданного проводника.

Пройдя какими-то переходами, еще раз поднявшись и спустившись по эскалатору, мы запрыгнули в вагон, который как раз собирался трогаться. Мужчина,глянув, удостоверился, что мы стоим рядом, молча вынул из кармана газету, одним движением развернул ее и, отгородившись таким образом от нас, принялся за чтение.

Мы с Лешой молчали и только переглядывались, переводя дыхание. На подходе к следующей станции диктор назвал ее. Мужчина сложил газету, сунул ее в карман и сказал: «It's my mistake». (Это моя ошибка). Когда двери открылись, он выскочил из них и вновь куда-то побежал. Волоча мои сумки и гитарный кофр, мы неслись следом. Леша бормотал: «Да этот болван сам ничего не знает!» Поднялись по эскалатору, вышли на поверхность, перешли по акведуку на другую платформу.

Тут мужчина, как ни в чем ни бывало, сказал (по-английски, естественно):

– Я был в Советском Союзе. В Азер-

байджане, по делам. Первый раз мы с женой и детьми прилетели в Москву из Сингапура, в 77-м. Так случилось, что мы не взяли теплую одежду для детей, а на улице было минус двадцать пять. Когда мы вели детей из самолета в здание аэропорта, русские смотрели на нас как на опасных идиотов...

Тут подошел поезд метро, мы сели в него, и наш проводник вновь демонстративно уткнулся в газету. Алексей проверил, мы действительно ехали в аэропорт. Через некоторое время мужчина сказал:

- Вам – сейчас, а мне дальше.

Когда мы выходили, он еще раз оторвался от газеты, улыбнулся и помахал

нам рукой. В аэропорт мы прибыли минут на двадцать раньше того времени, на которое рассчитывали.

... Последним штрихом к портрету британца стал для меня рассказ женщины, которая летела в Москву в кресле со мной рядом. Она поведала о том, что у нее в Лондоне живет дочь, к которой она часто летает. Однажды она взялась отвезти дочери из Москвы двух ее кошек. По правилам, принятым на «Британских Авиалиниях», домашние животные сдаются пассажиром в аэропорту и перевозятся в специальных контейнерах в багажном отделении.

И вот идет посадка на самолет. Но вылет задерживается.

Проходит полчаса, срок минут... Женщина обращается к стюардессе: «Нельзя ли, пока мы не взлетели, мне провести своих кошек?» Стюардесса уходит посоветоваться с командиром. Возвращается и сообщает: «К сожалению, это невозможно, так как рейс задерживается как раз потому, что по какой-то причине на борт до сих пор не доставлены ваши кошки».

Стоят еще полчаса. Женщина уже сильно беспокоится. Тут она видит в иллюминатор, как два человека бегут по заснеженному аэродрому к их самолету с контейнерами в руках. Еще через пять минут в салон выходит командир корабля, проходит прямо к ней и сообщает: «Все в порядке, мэм, ваши кошки на борту, и сейчас персонал позаботится о том, чтобы согреть их». Он уходит, и минуту спустя начинают работать двигатели...

И после всех этих историй вы будете говорить мне о чопорности и высокомерии?

6

О КОНКУРСЕ ПЕРЕВОДА, ПОДРОБНЕЕ

Еще раз повторю, что мы сознавали: подобный конкурс – в большой степени лотерея, так как по-настоящему слабые варианты переводов отсеялись уже на первом этапе, а все те, что зачитывались в Лондоне, были примерно одного уровня. Если у кого-то есть желание сравнить – пожалуйста. Оригиналы конкурсных стихотворений опубликованы выше, а вот – наши переводы и переводы победителей.

*Переводы Юлия Буркина и
Алексея Большанина*

Песнь холостяка

Как собака с привязанной банкой к хвосту,
Как разбойник в болоте, где вонь за версту,
Как хорёк в западне,
Как макака в узде:
Тот глупец, что, свободу едва получив,
Заманил ее сам
В цепкий брачный капкан,
В добровольное рабство себя заключив.
Но от дребезга банки собака скулит,
А макака, хорёк и разбойник, - те хоть
Проклинают капкан и уздечку, и топь.
Только мопс на цепи сладострастно визжит;
Жизнь отдаст, чтоб не быть у цепи той в плену,
Но и холит её, и лелеет её он – как преданный муж жену.

Инстинкт надежды

Действительно ли есть тот мир, где я
Вновь оживу и буду вновь собой?
Я это чувствую, так неужели зря
Инстинкт надежды есть у нас такой?
Пророчество природы в нём звучит,
И чудится разгадка тайны – той,
Что за семью печатями лежит...
Нет, время, темп не изменяя свой,
Идет себе, опасливо молчит
И в вечности находит свой покой.
Но посмотри: увядшая давно
Фиалка вновь мечтает дать цветы,
А человеку разве не дано
Второй весны в награду за мечты?

Китайская принцесса

Китайская принцесса
 Не смотрит на меня,
 Хоть ей на куст ореховый
 Дары повесил я:
 Лимоны, апельсины,
 Бубенчик и колпак,
 В котором звезды синие
 (Я их ловить мастак).
 Пенс серебром дала Луна,
 А Солнце – золотой,
 Подули оба в кашу мне,
 И стынет завтрак мой.

Принцесса Поднебесной,
 Не смотрит на дары,
 Ей нету интереса,
 Но это – до поры:
 Вот от куста отходит
 Muskatного она,
 Лицо её прекрасно,
 Как желтая волна,
 И, с поцелуем нежным,
 Из тонких птичьих нот
 И чайных иероглифов
 Скакалку мне даёт.
 Взмахну и прыгну за море:
 Волшебная она;
 Поймать меня не смогут
 Ни Солнце, не Луна.

Переводы победителей конкурса.**3 место. Маргарита Каганова****Песенка холостяков**

Кто тут связан силком по рукам и ногам,
 Кто попал в мышеловку, в темницу, в капкан:
 Зверь пищит в западне,
 Вор томится в тюрьме...
 Неужели мужчина решается сам
 Так свободу свою
 Променять на петлю,
 Где готово домашнее рабство ему!
 Точно банка, что пёс волочит за собой,
 Или топь, где бродяга увяз с головой, –
 Незавидна судьба, плачь не плачь над судьбой.
 Так не лучше ли участь мартышки ручной:
 Ах, сбежал бы на волю несчастный зверёк,
 Но, играя, баюкает свой поводок,
 И привык, зная, верёвка на шее нужна,
 Как покорному мужу – жена.

Инстинкт надежды

Мне голос внутренний твердит, что за пределом,
 Где жизнь сгорает тлеющим огнём,
 Душа, преобразившись, сбросит тело,
 Чтоб где-то снова возродиться в нём.

Как предначертано природой, так и будет.
Но нам ли спорить, если день за днём
За знаком знак приоткрывает книга судеб.
И время в странствии своём туда стремится –
К пределам вечности, чтоб, шаг умеря свой,
Найти покой – и там остановиться.
Фиалка будущему слепо доверяет:
Цветок раскроется весной, сменив одежды –
Ничто в природе без следа не умирает,
И в человеке не умрёт инстинкт надежды.

Китайская принцесса

Она смеётся надо мной,
Китайская принцесса.
Смотри: колпак мой шутовской
Из сказочного леса.
Ты звон бубенчиков ночных
Послушай, дорогая,
Я для тебя похитил их
Там, за небесным краем,

Где солнце и луна вдвоём
Играются в орлянку:
Кто золотом, кто серебром
Подует на овсянку...
Звенит на дереве колпак,
Но ей не до моих чудес,

Меня не слушает никак
Прекраснейшая из принцесс.
Красавица покинет сад,
Мелькнув улыбкой неземной,
И распускается мускат,
Посмеиваясь надо мной.
Но на прощание она
Скакалку мне вручает –
Из птичьих трелей сплетена
И ароматов чая.
Я перепрыгнул рошу вдруг
И море по колено мне,
Им не поймать меня, мой друг,
Ни солнцу, ни луне!

2 место. Наталья Крофтс

Захомутали (Песня холостяка)

Как собака с жестянкой, гремящей за ней,
Как воришка в остроге, как мышь в западне,
Как в болоте беглец,
В хомутине телец,
Так свободный мужчина, слепец,
От начала веков
Ради брачных оков
Продаёт себя в рабство, глупец.
Ах, как воет тот пёс – даже пена у рта!
И воришка, и мышь, и беглец будут клысть
И тюрьму, и ловушку, и топи напасть.
Только вол не хулит своего хомута.
Он и рад бы забыть и оглоблю и гуж,
Но таскает хомут, словно жёнушку муж.

Инстинкт надежды

Скажи, мой друг: ведь существуют дали,
Где снова оживёт наш бренный прах?
Мне чувства то вседневно утверждали –
К чему ж инстинкту лгать о тех мирах?
Сама природа нам пророчит это,

А мы всё тщимся – и всё терпим крах! –
Найти разгадку древнего секрета.
Шагает время мерно – но рукой
Всё тянется туда, где воды Леты,
Приют отдохновенья и покой.
Ведь даже у фиалок, в сонме синем,
Есть вера, что воскресть они должны.
Ужели ж мы с тобой навеки сгинем,
Не заслужив себе второй весны?

Китайская принцесса

Вовек не влюбится в меня
Китайская принцесса,
Хоть я, орешник наклона,
Бубенчики развесил
В её саду. Там спел лимон,
Пах апельсином воздух.
От звёзд светился небосклон –
Но я украл те звёзды.

Мне серебро дала луна,
А солнце – золотые,
Они мне в кашу из пшена
Подули, чтоб остыла.
Но спрятала своё лицо
За тёмную завесу,
Заслышав звуки бубенцов,
Китайская принцесса.

Красавица далёких стран,
Китайская принцесса
Ушла от нас, из-под шатра
Орехового леса.
Но подарила мне она
(Подарок был чудесен!)
Скалку – ту, что сплетена
Из звонких птичьих песен.
Я прыгал по морским волнам,
По рощам, по дорогам,
Но даже солнце и луна
Меня догнать не могут.

1 место. Севриновский Владимир

Холостяцкая песня

Словно Пес, если банку к хвосту привязать,
Словно Крыса в ловушке и пойманный Тать,
Сельдь, попавшая в Сеть,
И плененный Медведь –
Тот мужчина, не знавший забот,
Кто идет под Венец,
Где свободе – конец,
И в Неволю себя продает.
Воеет Пес, бьется Крыса о тесную клеть,
Даже Рыба вздыхает, изловленный Тать
На засовы узилища будет роптать,
Но счастливый Медведь любит цепью звенеть.
Кандалы ему краше, чем вольная глушь,
И ласкает он их, как жену – верный муж.

Инстинкт надежды

Когда мы обратимся в бренный прах,
Дано ли нам увидеть мир опять?
Мне сердце говорит, что это так,
И может ли инстинкт надежды лгать?
Природа нам пророчит каждый миг,

Весь мир сорвать пытается печать
И отомкнуть загадочный тайник.
Часы текут незримою рекой,
Как будто льются в вечность напрямик,
Где глубина, безбрежность и покой.
Так маргаритка, осыпаясь в стужу,
О будущем цветенье видит сны.
Ужели человек растений хуже,
И не проснется для второй весны?

Китайская принцесса

В китайскую принцессу
Влюбился я, чудак.
На твой миндальный куст повесил
Свой колпак.
Как колокольцы, звезды
Пришил к нему, любя.
Я их, конечно же, украл, но -
Для тебя!

Мне месяц дал монетку,
А Солнце – звездной пыли,
Они подули метко
И кашу остудили,
Но, кажется, принцесса
Не разглядит никак,
Что я на деревце повесил
Свой колпак.

Китайская принцесса,
Прекрасна и мила,
Сквозь ветки улыбнулась мне
И прочь ушла,
Отдав свою скакалку,
Что скачет выше звезд,
Она из песен, что поет
Над чайным полем дрозд.
А Солнышко с Луною
Гоняются за мною.
Все хватъ меня да хватъ -
А не поймать!

Вот так. Вы способны сравнить
качество этих переводов? Лично
я – пас.

А теперь, чтобы вы ясно пред-
ставили атмосферу конкурса –
фрагмент из путевых заметок.

... Вчера были поэтические чте-
ния и конкурсы в церкви. Во дво-
ре ее люди пили коньяк, и два
одесских Окуня пели песни – свои,
The Beatles и Slade. Один из них,
Алексей Окунь – участник поэ-
тического конкурса, второй – его
брат-музыкант и прекрасный пе-
вец. Даже обидно, что дома он за-
нимается не музыкой, а бизнесом.
Он умеет петь Битлз по-битловски,
а Слейд по-слейдовски, это реаль-
ный талант.

А в церкви вел программу юный
красавец Матвей – сын председа-
теля оргкомитета, да и вообще,
главного затейника этого фести-

валя, Олега Борушко. Вел прекрас-
но, легкий акцент только украша-
ет его речь.

Наше с Лешой выступление
было заведомой клоунадой. Гита-
ру и укулеле мы заранее спрята-
ли за экран на сцене, а также пю-
питр с текстом, и о них никто не
знал. Вот нас объявили, и мы вы-
ходим. Зрители, конечно же, дума-
ют: «Как, интересно, они будут чи-
тать вдвоем? Как пионеры речев-
ку, что ли?» Но тут я жму Лехе руку
и ухожу. В зале оживление, а Леха
читает «Песнь холостяка».

Выхожу я, Алексей жмет руку
мне и удаляется. А я читаю «Ин-
стинкт надежды». Затем я достаю
из-за экрана пюпитр, гитару и на-
чинаю петь «Китайскую принцес-
су». Зал встречает эту затею сдер-
жанными хлопками. Песня подхо-
дит к концу, и никто уже не ждет
никаких сюрпризов, когда внезап-

но на сцене появляется Алексей со своей малюсенькой укулеле и играет финальный проигрыш. Вот тут зал взрывается аплодисментами...

Когда мы узнали, что не вышли в тройку лидеров, мы, конечно, немного расстроились: нам было бы приятно отчитаться перед близкими и спонсорами, мол, вот, не зря съездили... Этого, к сожалению, не получится. Похоже, члены жюри укулили от нашей музыкальной выходки.

С другой стороны, мы прекрасно сознавали, что в конкурсе этом соревнуются люди, давно и всерьез занимающиеся поэтическим переводом, мы же заточены под Битлз и только под Битлз, ибо выросли на их песнях. Вот если бы это был конкурс переводов песен Битлз и наши не были бы признаны лучшими, вот это был бы удар. (Кстати, перевод «Yellow Submarine» Бродского мне лично не очень нравится. Он не поётся. Для классика, видимо, это была не та высота, к которой надо было относиться серьезно. Да и «заказуха»)

И приятно было, что в лидеры вышли люди очень симпатичные нам. Третье место – наша милая Марго Каганова. Первое – Вовочка Сервиновский (он – друг Марго, а значит и наш). Второе – обладательница лучистой улыбки приятная австралийка по имени Наталья Крофтс. Она тоже оказалась новичком, потому, возможно, у нас с ней сразу состоялся дружеский контакт.

На радостях все мы отправились фуршетиться на церковный двор. Из окошка, из которого, наверное, на поминках выдают свечки, поэтам давали булочки, сыр и пакетное вино. Я где-то урвал еще и вазочку вкуснейших маслин. Больше никому таких не досталось, наверное, это были личные маслины кого-то из оргкомитета или жюри.

Поэты гудели, напивались, становились с каждой минутой все гениальнее, потом стали потихоньку рассасываться. Вовочка с Марго стали беспокоиться о том, что, став победителями, они должны «проставиться» перед друзьями, а сейчас не хочется, потому что не охота ехать в душный отель. Мы с Лешой предложили взять ситуа-

цию измором – торчать тут, пока все не уедут. А самых стойких прихватить куда-нибудь с собой. Действительно, спустя полчаса в церковном дворе остались только мы с Лешей, Марго, Вовочка и Наташа. Впятером мы и направились в ближайший паб.

Сели, очень душевно попили пива и эля, тут меня что-то пробило: захотелось получить возможность говорить (и не врать), что я пел под гитару в Лондонском пабе. Леша испросил на это разрешение у бармена, и тот ответил согласием.

Людей в баре было навалом, я расчехлил гитару, запел «Снилось мне» из «Воскресенья», и народ затих, а в конце даже похлопал. Симпатичная барменша сказала, что песня красивая, а я сказал, что для нее готов петь 24 часа в сутки, на что она ответила: «А вот этого не надо...»

А потом мы приехали в прекраснейшем настроении в отель и в качестве отрезвляющего душа получили «пятиминутку ненависти» в комнате №118. Но об этом подробно в главе «О моральном уродстве».

Позже, когда нам рассказали о том, что жюри зарубило нас в частности в связи с тем, что не захотело «превращать конкурс в бардовский фестиваль», я был этим несколько уязвлен. Помню, когда-то читал такой факт из истории Олимпийских игр, и он мне понравился. На соревновании по прыжкам с шестом в каком-то лохматом году к перекладине подбежал прыткий японец, воткнул шест в песок, резво вскарабкался по нему наверх, и, перепрыгнув через перекладину, взял самую большую высоту... Всем было ясно, что «прыжком с шестом» этот трюк не является,

но... японцу засчитали его результат, и он стал чемпионом. Позже, чтобы подобный инцидент не повторился, в правила внесли пункт, по которому спортсмен не может перехватывать шест руками с того момента, как стартовал...

Вот это честно. Введите правило, по которому петь конкурсные стихи под аккомпанемент запрещается. Но в этот раз все-таки следовало засчитать нам реальный результат. А, судя по реакции зала, он был высокий.

И еще. В основном жюри состояло из интеллигентных, толерантных, творческих людей. Такие люди склонны к рефлексии, они не высказываются безапелляционно, они понимают, что их вкус не является истиной в последней инстанции, и готовы подчиниться мнению большинства... Так вот, если в таком коллективе заведется харизматичная сволочь, точно знающая свой интерес, она легко может повернуть это «общее мнение» в любую, удобную ей, сторону. Она завелась. Да не одна, а с подружкой. Но об этом позже, все в той же главе «О моральном уродстве».

Нет, я не пытаюсь доказать, что мы обязательно должны были выиграть. Вовсе нет. Но при олимпийском хладнокровии жюри и отсутствию в его рядах харизматичной вражеской сволочи у нас хотя бы были бы равные с остальными шансы. А так их не было совсем, хотя мы это осознали значительно позже.

Чтобы раз и навсегда пресечь разговоры о моем мнимом антисемитизме или наоборот, тайном еврействе, приведу здесь часть написанного мною несколько лет назад для журнала «Признание» материала про Аркадия Майофиса под рубрикой «Еврей номера».

*Хоть вы себя и мните юдофобом,
Вы Кацнельсон
И вот Вам весь мой сказ!
(Макс Батурин, К***)*

Много-много лет назад мы сидели в столовой редакции «Красное Знамя» со студентом-журналистом Аркадием Майофисом (он-то этого разговора, наверное, не помнит сейчас) и спорили, еврей я или не еврей.

- Юлий, - убеждал меня Аркаша, - ты однозначно еврей!

- Да я-то не против, но с какой стати?! - возражал я. - Если мне этого никогда не говорили ни отец, ни мать...

- Они чего-то боялись, - сказал Майофис. - Но все признаки налицо.

- Какие?! - поразился я.

- Ну, например, необычное имя, - заявил Аркаша.

- Да, имя, конечно, нерусское... - согласился я. Но из тёзок я припомнил только императора Цезаря и барда Кима. Один был римлянином, другой кореец... Гусмана тогда еще никто не знал. - Понимаешь, Аркаша, - объяснил я, - я пятый, самый младший ребенок у родителей. Сперва они называли детей «обычными» именами, но когда дело дошло до меня, соригинальничали, чисто для развлечения... Хотя, вообще-то, шалить они начали раньше: моего среднего брата называли чешским име-

нем Любомир. Но причем тут еврейство?

- Ладно, - вздохнул Аркаша. - А характерная картавость?

- У некоторых детишек, довольно часто, в роддоме обнаруживают патологию - «уздечку» под языком - и сразу же подрезают ее... У меня ее не заметили. - (Еще бы, мама рассказывала, что родила меня в фойе роддома, до палаты ее довести не успели.) - Вот эта уздечка и помешала мне в детстве научиться произносить «р». Язык не мог вибрировать, да я даже его кончик все детство высунуть не мог. А родителей это почему-то не беспокоило, даже наоборот, они говорили: «У тебя такое забавное произношение, оно тебе очень идет...» И действительно, уздечка не мешала мне ни в чем, кроме «р»... Но в порыве юношеского бунтарства я, в девятом классе уже, сам отправился в больницу, и хирург мне ее подрезал... В итоге язык высовывать я научился, а вот букву «р» произносить так и не стал, хоть немного и походил к логопеду. И еще разучился залихватски свистеть...

- Ну-ну, - сказал Аркаша недоверчиво. - Это все отговорки. А фамилия? Все фамилии на «ин» - еврейские: «Толкин, Чаплин...»

Компания подбиралась интересная, но я упорствовал:

- Ага. И еще Галкин, Палкин, Белкин, Пушкин... Может и есть еврейские фамилии на «ин», но если корень-то русский, то с какой стати?! Я смотрел в «Словаре фамилий». Фамилия Буркин произошла даже не от шапки «бурки», а от диалектного слова «бурак», что значит «рыжий мерин». Рыжий, понимаешь, мерин, и никакого еврейства...

– Тогда последнее, – не сдавался Майофис. – Ты – талантливый. Это сугубо еврейская черта.

Тут мне крыть было нечем... :)))

*

Если бы Аркаша был первым или последним... Меня много раз пытались убедить, что я – еврей. Зачем, не знаю, – как пел юный Пресняков. Я приставал к отцу, тот не признавался.

Потом я наткнулся на то, что в Саратовской области есть станция Буркин (недавно там, кстати, состоялся рок-фестиваль «Время колокольчиков»). И решил: вот она – моя родовая вотчина! Саратовские мы!... Но чуть позже мне подсунули газетную статью, в которой рассказывалось о беспорядках в городке Буркин, что расположен неподалеку от Вифлеема на Западном берегу Иордана... Я понял, что географические названия – не в счет. Страна Буркина-Фасо и во все в Африке. Тогда я кто – латентный негр?

Справедливости ради замечу, что примерно столько же раз, сколько меня убеждали в еврействе, меня обвиняли и в антисемитизме. У меня возникало даже ощущение, что антисемитизмом является сам факт признания су-

ществования евреев на белом свете. Напишешь в книге слово «еврей», всё, ты – антисемит...

Однажды какой-то хрен с ником «Ротбар» в гостевой книге моего сайта написал по поводу книги «Бриллиантовый дождь»: «... Прочел и испытал чувство облома. Предвидя вопрос, отчего, отвечаю на оный загодя. Автор, видимо, осознал себя евреем. Что выглядит пошло, до тошноты. Так или иначе, лица еврейской национальности крутятся в каждом рассказе независимо от высокой оригинальности сюжета. Оно бы и ничего, но национальная принадлежность иных персонажей обходится стороной. Гои, одним словом... Цитируя Оби Вана, скажу: «Всё это печально».

Письмецо это сильно меня разозлило, и я ответил очень подробно: «Ну что Вам сказать, Ротбар. Без особой гордости, но и без всякого сожаления сообщаю вам, что я не еврей, и ни капли этой крови (во всяком случае, в известном мне и моей родне историческом пространстве) во мне нет. Я ни в коем случае не оправдываюсь, так как кто вы такой, чтобы перед вами оправдываться, но факт остается фактом».

Мой дед по отцовской линии был волжским немцем по фамилии Киндсфатор, погиб в 37-м. Остальная родня – сплошь русская с фамилиями Буркины, Мальцевы, Лебедевы. Если бы я был евреем, я бы никогда не стал делать этого заявления, ведь тогда бы меня не простили за «отречение от национальности».

В то же время у меня нет никакой идиосинкразии к еврейской национальности, более того, я знаю множество замечательных людей – евреев, у меня есть друзья

евреи, в конце концов, мой любимый писатель А. и Б. Стругацкие – двойной еврей. У бас-гитариста моей любимой группы и автора многих моих любимых песен Пола Маккартни мать – еврейка. Что в этом плохого-то? Терпеть не могу антисемитизм, и если вы им страдаете, вы выпадаете из круга уважаемых мною людей. И давайте эту тему продолжать не будем, потому что она вечная, и флейм получится дикий. То, что евреи встречаются на страницах моих книг, является естественным следствием того, что они встречаются в жизни. У меня там еще роботы случаются, может я – робот?..»

Очень, по-моему, четко в этом письме я сформулировал свое отношение и к евреям, и к антисемитизму, потому и привел его здесь.

*

Другая причина, почему эта тема мне близка – особый статус нашего города. Под эту рубрику подойдет много известных и достойных томичей. Сошлюсь на Юлию Мучник, которая в интервью сказала мне: «Томск – город ссыльных, и потому более терпимых людей. Здесь всегда было меньше антисемитизма, чем в среднем по стране, и потому евреев здесь всегда было много, здесь им легче жилось и работалось... Это я даже и как историк могу сказать, я ведь изучала историю евреев в Томской губернии, даже книжку на эту тему написала».

А вот любимый еврейский анекдот Юлии: «Начало века. На Юге России очередной еврейский погром. Погромщики распяли Хаима на дверях его собственной лавки. На следующее утро мимо проходит его сосед Иван: "Ну что, Хаим,

больно тебе?" "Да нет, только когда смеюсь"...»

А вот мой любимый еврейский анекдот: «Приземлилась летающая тарелка. Набежали журналисты, ученые, уфологи, специалисты по контактам и так далее. Из тарелки выходят маленькие зелененькие человечки с красными волосами и железными зубами.

– Откуда вы к нам прибыли? – спрашивают журналисты и ученые.

– С Альфы Центавра, – отвечают человечки.

– А там все такие маленькие?

– Все, – отвечают человечки.

– И все такие зелененькие?

– Да, все.

– И у всех волосы такие красные?

– Да-да, у всех.

– И у всех зубы железные?

– Нет. У евреев – золотые».

*

Ну, и в заключение всего этого оправдания рубрики «Еврей Номера» еще кое-что. Откуда берется антисемитизм? Услышать можно десятки, порой взаимоисключающих, мнений. «Еврейскому вопросу» сотни лет, о нем написано множество книг. Юдофобией страдали отнюдь не только тупые обыватели... Я не берусь тут заниматься серьезным анализом этого явления, приведу лишь ответ очень авторитетного для меня человека – Бориса Натановича Стругацкого – на вопрос в онлайн интервью.

«Каково ваше мнение по поводу антисемитизма великих людей (Достоевский, Вагнер, Алехин etc.)? Чем можно объяснить удивительные достижения человеческого духа, с одной стороны, и их почти животную юдофобию, с другой?»

«Как правило, это так называемый бытовой (кухонный) антисемитизм – продукт воспитания человека в определенной среде. Он иррационален и редко бывает подкреплен сколько-нибудь серьезными фактами или соображениями. Разумеется, иногда эта юдофобия (изначально возникшая как, скажем, возникает арахнофобия – на уровне почти инстинктивном) находит некую питательную среду в виде каких-то реальных (неприятных) контактов – соперничества профессионального или бытового.

Тогда бытовой антисемит превращается в антисемита-теоретика

– у него появляется потребность обосновать свою зоологическую неприязнь, что он с большим или меньшим успехом и делает. Но в основе всегда, повторяю, – почти инстинктивная неприязнь, как следствие детских и подростковых впечатлений. В свое время я написал по этому поводу довольно большую статью «Больной вопрос» – там эти соображения изложены более подробно».

Статью я прочитал, и вам советую (ну, например, в Интернете по этой ссылке <http://www.rusf.ru/abs/books/publ41.htm>). Статья великолепна, как и все, написанное Стругацкими.

8 О прекрасных людях

Конечно же, их было много на фестивале – людей, с которыми мы были бы рады когда-нибудь повстречаться еще. Я не могу не сказать еще раз о Марго Кагановой, с которой знаком уже лет десять и которую считаю одним из самых замечательных людей из всех, с кем мне довелось познакомиться за полвека моего существования в этом мире.

Марго прекрасна и талантлива во всем, и это семейное (кто не знает ее брата Лео? Кто не знает, рекомендую почитать его рассказы в книгах или в Интернете). Но главный ее талант – видеть в людях хорошее и не замечать плохо-

го. Это, кстати, очень удобное качество для таких типов, как я.

Как раз у Лео мы когда-то и познакомились с Володей Севриновским, и было очень приятно пообщаться с ним более тесно в Лондоне. Поражает то, как много Володя знает о мире. И я даже не удивился, когда выяснилось, что он побывал в шестидесяти(!) странах. Это интереснейший собеседник, но впечатляет еще и способность неуклонно двигаться к выбранной цели. В прошлом году на конкурсе переводчиков в Лондоне он занял второе место. Его это не устроило, и в этом он стал главным победителем. Не многие могут похва-

статься таким упорством, удачливостью, талантом и артистизмом.

На мастер-классе Олега Борушко я увидел девочку (или девушку, где-то посередине) с улыбкой Джоконды, но, в отличие от последней, еще и красивую. И она, говоря о поэзии, между делом сообщила о том, что ее любимый поэт – Артюр Рембо.

Мой тоже, потому – разговорились. Она из Белоруссии, зовут – Маша Малиновская, и оказалось, она еще и юная битломанка, что не могло мне не импонировать. Еще несколько фраз, и выясняется, что она, как и я – Овен. То-то мне так легко ее понимать. Потом я почитал ее стихи, послушал ее собственное их исполнение, и даже немного испугался: на мой взгляд, семнадцатилетняя девушка не должна быть настолько умна и глубоко...

Как бы то ни было, но я был ужасно рад, когда Маша получила приз имени Риммы Казаковой «За лучшее стихотворение о любви».

Ну, раз уж так случилось, что до сих пор я перечисляю, как на подбор, победителей и призёров, то скажу и еще об одном приятном знакомстве. Наташа Крофтс из Австралии понравилась нам своей открытой улыбкой еще до знакомства. Во время выступления поразило ее сценическое мастерство. Ей, точно так же, как и Володе, и Марго, не жалко было уступать победу, и мы разговорились на фуршете после турнира. Приятный и весёлый человек.

Володя рассказал ей байку. «Одного русского эмигранта в Австралии застукали на том, что он зажарил и съел (занесенного в красную книгу) утконоса. Об этом сообщил его сосед, приехала поли-

ция и действительно обнаружила шкурку. Эмигранта судили, и приговор был суров. И всё-таки, войдя в положение (глупый русский, еще ничего не понимает в наших реалиях), судья на первый раз заметил заключение на условный срок. А после суда подошел к подсудимому и тихонько спросил: «А все-таки расскажите, любопытство мучает, как он на вкус?» «Утконос-то? – наморщил лоб русский. – Ну-у, на коалу похож...»

- Ужасные, ужасные вещи вы рассказываете! – всплескивала руками Наташа и делала большие глаза... Но отмечать победу в паб отправилась все-таки с нами. А после прислала мне оттуда фотографии. Вот такая молодец.

Если говорить о байках, то самую забавную из них на фестивале я услышал от Аркадия Шляпинтоха из США. Он и его жена Роза – еще одно очень приятное знакомство. Эта супружеская пара показалась мне душевнейшими людьми, и в ночь перед их отъездом я отыграл для них, со съемкой на камеру, целый квартирник – штук двадцать песен – своих и битловских (на русском).

... Но я собирался пересказать байку. Точнее – реальный случай из их жизни. Как-то вечером всей семьей они собрались к друзьям на День рождения, при этом слегка опаздывали. Когда вышли во двор и сели в машину, обнаружилось, что забыли дома ключ зажигания. Роза пошла за ключом, нашла его, вернулась... И тут поняла, что теперь она оставила ключ от входной двери, и назад домой они не попадут.

Проблему надо решать сейчас, так как вернутся они поздно вечером, и тогда это будет еще слож-

ней. Обошли дом, проверяя, насколько хорошо закрыты окна. На первом этаже – глухо. Аркадий (а он – крепкий, но не худенький мужик), матерясь, полез по различным козырькам и прочим выступам проверять окна второго этажа. Обнаружилось, что одна форточка не заперта, и Аркадий, продавив ее внутрь, сумел протиснуться в комнату.

Прямо напротив их дома – полицейский участок. Занимаясь ограблением собственного дома, Аркадий так и ждал, что его арестуют. Но этого не произошло. Он вышел из дома сердитый, взбудораженный, сел в машину и, трогаясь, сердито бросил что-то насчет растяпы-жены. Роза, находящаяся в не меньшем раздражении, заявила, что никуда не поедет и, распахнув дверцу, попыталась выйти из машины, причем уже на ходу. Испугавшись за нее, да и считая, что это уже вообще ни в какие ворота не лезет, Аркадий, набирая скорость, ухватил ее за талию и попытался удержать. Роза стала вырываться...

И тут прозвучала сирена. Сейчас только Аркадий заметил, что к ним приблизилось сразу пять полицейских машин. Он остановился. Полицейские машины окружили их автомобиль. Из ближайшей вышел здоровенный детина. Подойдя к открытой уже дверце Аркадия, он потребовал документы. И тут Аркадий с ужасом и каким-то иррациональным весельем понял, что дома они оставили не только ключ, но и водительские права, а принесла Роза только ключ. Чувствуя, как это неубедительно звучит, он сказал:

- У меня нет с собой документов, они остались в доме. Но вы же

меня знаете, я живу напротив. Давайте, я схожу за документами... - он попытался вылезти...

- Сидите на месте! – потребовал полицейский. - Что у вас только что происходило в машине?

- Ничего не происходило.

- Нет происходило. Вы не давали этой женщине выйти.

- Эта женщина – моя жена.

- Вы не имеете права удерживать ее силой, даже если это ваша жена.

- Но она хотела выйти на ходу, и, удерживая её, я обеспечивал ее безопасность.

Вся эта сцена происходила на фоне тихого детского скулежа на заднем сиденье.

- Это ваш муж, мэм? – поинтересовался полисмен у Розы.

- Да, - подтвердила та. – Можно, мы уже поедем?

- Вы не можете ехать без документов. Выйдите, - обратился он к Аркадию, - и принесите документы из дома.

Матерясь вполголоса, мол, где вы, гады, были, когда только что человек забирался в окно моего дома, Аркадий, сопровождаемый двумя фараонами, пошел за документами. Принес. Полицейский проверил, козырнул и сказал: «Можете ехать».

- Никуда я не поеду, - отозвался Аркадий мрачно и пошел домой.

- Аркаша! – закричала Роза из машины. – Перестань, поехали, мы и так сильно опоздали!

Аркадий молча шел к дому. Тут его догнал и остановил все тот же полицейский:

- Сядьте в машину и езжайте, куда вас просит ваша жена.

- Не поеду.

- Вы должны ехать, идемте со мной, - продолжал настаивать по-

лицейский, а его коллеги окружили Аркадия.

- Да отпустите вы меня! - попытался выдернуть руку Аркадий.

Реакция стражей порядка была моментальной, и миг спустя он лежал лицом на капоте полицейской машины с «браслетами» на руках за спиной.

С криком: - «Отпустите моего мужа!» - выскочила из машины Роза, за ней вылезли ревущие дети...

Минут через десять, разобравшись, наконец, в ситуации, полицейские, еле слышно бормоча: «крейзи рашн», убрались восвояси, а притихшее семейство Шляпинтох, опаздывая на два часа, ехало к друзьям.

Минут через пятнадцать Аркадий нарушил тишину фразой:

- Хорошо, что рядом с нашим домом полицейский участок. Иногда это помогает решать мелкие семейные неурядицы...

Вот такая история. Я не мог не полюбить после нее этих людей, тем более, когда узнал, что Аркадий работает в Штатах автослесарем, а Роза – скрипачка (я, правда, не спросил, по профессии или только по образованию).

... Чуть не забыл сказать еще об одном призере – о Марке Луцком, переводчике, получившем Приз зрительских симпатий. С этим молодым, но обаятельнейшим человеком мы перекинулись парой слов в лондонском «Пушкинском Доме» за день до турнира. Он сам подошел ко мне и сказал, что рад видеть почти земляков. Он – из Екатеринбурга, точнее, еще из Свердловска, хотя сейчас и живёт в Израиле.

Я рассказал о том, что бывал в Екатеринбурге много раз на фести-

ивале «Аэлита», проводимом редакцией журнала «Сибирский следопыт», что у меня есть там друзья. Тут же мы нашли общих знакомых, самый известный из них – знаменитый фантаст, сказочник и педагог Владислав Крапивин. Луцкий рассказал, как когда-то давно по наивности Крапивина его чуть было не «зарубили» на приеме в Союз Писателей. Просто во время процедуры приема Крапивин сказал: «Да ладно, что мы Марка не знаем, давайте примем, да и всё...» Это было таким вопиющим нарушением регламента, что приём чуть было не отложили на будущее...

Милейший Юрий Берг из Германии, который любезно позволил мне опубликовать в журнале его фотоснимки, сделанные на профессиональной камере. Очень позитивный человек, с ним приятно выпить, я убедился в этом в «Старом Чеширском Сыре»

Одесситы Андрей и Алексей Окуни, с которыми я попил коньяку и попел битловских и слейдовских песен на церковном дворе...

Покровители израильских бардов Людмила и Михаил Чеботаревы, с которыми мы приятнейшим образом посидели в пабе «Старый Чеширский Сыр». Уже заканчивая этот номер, я прочел в И-нете отчет о фестивале Людмилы и был восхищен ее профессионализмом журналиста. Прямо руки чесались что-нибудь украсть из ее текста или хотя бы честно процитировать. Но не стал, ведь я решил излагать только собственные впечатления. Если же кому-то захочется получить массу дополнительной информации о Лондоне, Кембридже и «Пушкине в Британии», заходите сюда: <http://chalma.net/>

trevel.ru/trevel_14_01.php, не по-
жалеете.

Миша, кстати, обещал выслать
видео с нашим выступлением.
И выслал!

Вот, пожалуй, и все участники
фестиваля, с которыми я позна-
комился поближе, и от которых у
меня остались самые теплые вос-
поминания. Наверное, я мог по-

знакомиться и с большим их чис-
лом, и порадоваться большому
числу добрых знакомств. Но два
наших первых дня в Лондоне вся-
кое желание с кем-то познакомиться
у нас отсутствовало, его нам отби-
ли одна поэтесса и одна переводчи-
ца. Ну, не повезло нам с первыми
знакомыми.

9 О моральном уродстве

Я часто езжу на литературные
фестивали. Это фестивали фанта-
стики - «Роскон» (Москва), «Интер-
пресскон» (С-Петербург), «Звезд-
ный мост» (Харьков), «Портал»
(Киев), «Аэлита» (Екатеринбург) и
т.п. Я привык, что новых людей там
встречают гостеприимно, радуются
знакомству, «вводят в курс»... Ве-
черами, после официальных меро-
приятий, мы заходим друг к другу
в комнаты гостиницы и знакомим-
ся, рассказываем анекдоты, поем
под гитару песни, и если слово бер-
ет человек, в компании новый, это
особенно приветствуется, ведь это
значит, что тусовка обновляется, а
жизнеспособно только то, что спо-
собно к обновлению. Я был уверен,
что подобные нравы царят повсе-
местно. Оказалось, это не так.

В клубе «Атенаум» на Пэл Мэлл,
кроме мэтров и именитых гостей,
выступали прошлогодние победи-
тели, а ныне члены жюри, пере-
водчик Галина Лазарева (Россия)
и поэтесса Наталья Резник (США).
Каждая представляла свою книж-

ку, каждая читала свои работы, и
обе произвели на меня впечатле-
ние умных и талантливых молодых
женщин. Потому, когда вечером
Володя Севриновский позвал нас
за компанию с Марго Кагановой в
комнату отеля, где они живут, я с
удовольствием согласился и угово-
рил пойти и Алексея.

И вот мы пришли. Хозяйки гля-
нули на нас, как на пустое место.
Нам не предложили присесть, и мы,
думая, что здесь так принято, на-
шли себе место сами. Когда мы пару
раз пытались вмешаться в разговор
и поддержать его, в комнате уста-
навливалась неловкая пауза. Когда
я, вслед за хозяйкой, взял гитару и
попытался сыграть свою песню, хо-
зяйки принялись нарочито громко
и оживленно разговаривать друг с
другом, показывая этим, что я пою
только для себя...

Очень жаль, что наше нефор-
мальное знакомство с участни-
ками фестиваля началось имен-
но с этой сладкой парочки. Толь-
ко на третий день мы начали зна-

комиться с другими людьми. А тогда мы все никак не могли поверить в природное жлобство этих, казалось бы, интеллигентных дам. Мы посчитали, что как-то неверно расценили их поведение, и на следующий день вновь вместе с Вовочкой и Марго, которые снова позвали нас, явились к ним...

Впрочем, об этом ярче, красочнее и точнее написал в своих путевых заметках Алексей.

«... После того, как две симпатичные и талантливые молодые поэтессы и переводчица показали себя, перефразируя остроумного Матвея Борушко «женщинами с невоспитанными лахудрами внутри», мы с Юлием Буркиным были крайне удивлены. «Как же так?» - спрашивали мы друг друга, после того, как нас полностью проигнорировали на вечернем междусобойчике, не предложив присесть, и не налив, следуя законам гостеприимства, стаканчик горячительного.

«Ну, это просто такие все талантливые поэтессы и переводчицы, – успокаивала нас добрейшая Марго Каганова. – Они такие все не от мира сего. А так они хорошие, правда, вот увидите».

«А, тогда понятно», - сказали мы.

И вот мы видим их на следующий день. Но почему у них глаза такие стеклянные и злые, когда они с нами взглядами встречаются? Прямо как у «безумных некормленных монстров», - по выражению одной из них.

«Так это просто они рифму найти не могут и злятся, а вы тут не причем», - увещевает нас Марго.

«Ну, тогда другое дело», - успокоились мы.

- А почему одна из них демонстративно начинает разговаривать с соседкой, в то время, когда Юлий

поет песню? - спрашиваю я у Марго, надеясь, что и в этот раз она логично и по-доброму все объяснит.

- Ну, просто обсуждала она что-то очень важное, поэтическое что-то, что весь день обсудить хотела. А тут как раз гитару отдала и вспомнила про это важное.

«Вот ведь как!» - удивились и обрадовались мы, а Юлий так прямо заулыбался облегченно.

- А мы-то подумали, - огорчился я, – что это невоспитанная сука какая-то. А это переводчица талантливая, просто что-то обсуждала. Действительно, что, талантливая переводчица обсудить что-то важное не может, пока кто-то рядом на гитаре играет?

- Вот ведь как ты сразу, не разобравшись осуждаешь людей, - пожурил меня Юлий.

- Действительно, – добавила Марго. - Вот пойдем сегодня вечером после конкурса в комнату триста восемнадцать, и вы убедитесь, как вы были неправы, и станет вам стыдно обоим.

Мы понурились и подумали: «И впрямь, они же – члены жюри, они просто осознают свою ответственность и не хотят, чтобы мы подумали, что они нам симпатизируют. А вот пройдет конкурс, и их словно подменят, такие они станут радушные и гостеприимные...»

И потом, вечером, после замечательных посиделок в пабе с Вовочкой, Марго и австралийской Наташей, пошли мы вновь в заветную комнатку... Но вновь никто нам не предложил места присесть, никто даже не подвинулся. Да что там, никто и не поздоровался.

Но мы не обиделись, поэты ведь такие талантливые, не от мира сего. Выпить тоже не предложили, хотя сами баловались. Но мы и к этому

отнеслись с полным пониманием. Я даже Юлию еле заметно подмигнул, мол, видишь, как они глубоко погружены в свою талантливую поэзию, ну не до нас им, не мешай им еще глубже погружаться в мир образов. Сядь тихо в сторонке и радуйся еще, что тебя за шиворот не вывели, а разрешили тебе, тупому чужеродному ублюдку, поприсутствовать, приобщиться и проникнуться.

Потом все шутили по очереди и сильно смеялись. Тут я смотрю, Юля наострил байку какую-то отмочить. А мы с Марго его байки знаем. Они так-то смешные, но в большинстве своем неприличные. Но если человек вежливый, он немного посмеется, даже если ему байка и не понравилась.

Вот мне, например, тоже не все юмористические истории, которые поэты и поэтессы, а также талантливые переводчицы рассказывали, понравились. Некоторые из них и туповаты были, и пошловаты. Но я ведь не поэт, не могу просто промолчать невежливо. Невежливость – это привилегия таланта, я себе этого позволить не могу. Потому хмыкал негромко.

А Юлий уже на месте усидеть не может, воздуха набрал и говорит: «А я, вот, тоже знаю прикольную историю...» Я ему глаза страшные сделал, а он не замечает. Ну и отмочил он свою шутку. Обычная такая, не лучше и не хуже тех, что до него звучали. Но в комнате повисла такая плотная тишина, что просто резать можно, как кисель. Возник такой очаг напряженности, что Юля не выдержал. Он же не поэт. Встал да и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Ну и я за ним. Думали, Марго тоже выйдет, но не вышла она, загибнотизировали ее талантливые поэтессы и переводчицы.

И решили мы с Юлием: ну их, этих талантливых поэтесс и переводчиц. Не всех, конечно, а вот этих конкретных. С виду вроде нормальные – две руки, две ноги, но вот что я вам скажу, ребята. Простым людям с примитивными понятиями о вежливости от них подальше держаться надо. А то можно в неприятную историю попасть.

То есть, допустим, принимают тебя талантливые переводчицы или поэтессы за дерьмо собачье, а ты не выдержал да и послал их на три буквы. А они ведь существа ранимые, артистичные. Вдруг у них весь талант их от испуга атрофируется? И превратятся они тогда в простых вежливых и дружелюбных женщин. И кому они тогда нужны? Их, простых дружелюбных баб-то, на базаре по три копейки кило. А тут - рафинированные, нервные, с трепетными ноздрями, по-хорошему истеричные и капризные. Да еще ненавидеть умеют, презирать, ни в грош не ставить. Таких беречь да лелеять надо, а не посылать. Вот к какому выводу мы пришли».

... Да, так все, примерно, и было. Похоже, дамы сии прилежно взяли на вооружение тезис своего непосредственного начальника – председателя жюри и мэтра Игоря Губермана, высказанный им на его мастер-классе (цитирую по записи диктофона): «... Поэт и интеллигентность никак не связаны. Ведь интеллигент – это тот, кого е...т чужое горе. А поэта, как правило, е...т только собственное...» Мне этот тезис многое объяснил.

Я долго думал, в чем дело, почему они так мерзко повели себя с нами, прежде всего со мной. И сделал вот какой вывод. Им нравится этот фестиваль, нравятся свое положение в нем, нравятся «королевские» ти-

тулы, нравятся катания за счет оргкомитета в Лондон, на Бали и в другие места. Вот они сознательно и топят возможных конкурентов.

Являемся ли мы таковыми? Конечно. Будучи членами жюри, они не могли не заглянуть ко мне на сайт (www.burkin.rusf.ru), и что же они увидели? Более десятка книг, вышедших в ведущих издательствах России, художественный фильм по одной из них, спектакль по другой, несколько аудиокниг, соавторство с одним из самых известных российских писателей (Сергей Лукьяненко), литературные премии, переводы моих текстов на польский, литовский, французский...

Видно невооруженным взглядом, что я являюсь профессиональным и активно публикующимся писателем. Нужны ли здесь такие этим, только-только выпрыгнувшим из небытия, мелким сошкам? Конечно же, нет. Они будут держаться за свои позиции зубами и когтями. Ибо без этого фестиваля они просто никто. А значит, таких, как я, нужно как можно скорее «скидывать с хвоста», пока есть возможность. Как? Да просто. Деморализовать, дать понять, что никому мы здесь не нужны и не будем нужны в будущем, а в настоящем – позаботиться о «правильном» решении жюри, благо, есть два «своих» голоса. И при таком раскладе мы с Лёшой еще пели песенки и играли на экзотических инструментах, надеясь, что кто-то оценит нашу изобретательность...

Кстати, недаром сказано, «каждый пишет, как он дышит». В первый день мы получили книжки, в которых опубликованы стихотворения и переводы всех финалистов. Тогда мне еще ничего не говорили имена Галины Лазаревой

и Наталии Резник. И вот я по дурной привычке сразу заглянул в конец книги и прочел стихотворение. Прочел про себя, но сразу же повторил вслух Леше, прокомментировав: «Вообще-то за такое надо морду бить». Цитирую:

Проснулась как-то баба Ната,
Глядит: ужасная фигня!
Враги сожгли родную хату,
Угнали старого коня.

И воеет Ната, как белуга,
И как же бабе слез не лить!
Куда войти в часы досуга?
Что на скаку остановить?

А написала это, я обнаружил это позже, как раз Резник, живущая в США и вопрошающая в другом стихотворении: «... Как сказать ребенку, что и он еврей?» Нет, я бы простил ей это эмигрантско-еврейское ёрничество, если бы она глумилась только над судьбой русской женщины в лихую годину или только над стихотворением классика. Но вот использование в этой частушке строки «Враги сожгли родную хату» я простить не могу. Я помню, с каким лицом мой отец, прошедший войну, слушал эту песню, голос Марка Бернеса.

Это нельзя осмеивать. Это вообще нельзя трогать. Но как понять это ей, искренне верящей, что «...поэту все прощается»? Как ей понять, что элементарная вежливость не должна позволять гадить в душу народу, с которым ты когда-то жила в одной стране? Никак. Мы ведь уже знаем, что вежливость не входит в число её и её подружки добродетелей.

10

Британская фотогалерея Романа Дваладзе

Естественно, выставка эта будет значительно представительнее, открытие ее планируется на конец года в Северске. Эти материалы Роман любезно предоставил «Сибирским Афинам» в память о нашей неожиданной встрече в церкви Сент-Джайлз.

Индийский праздник колесниц Радха Ятра на Трафалгарской площади

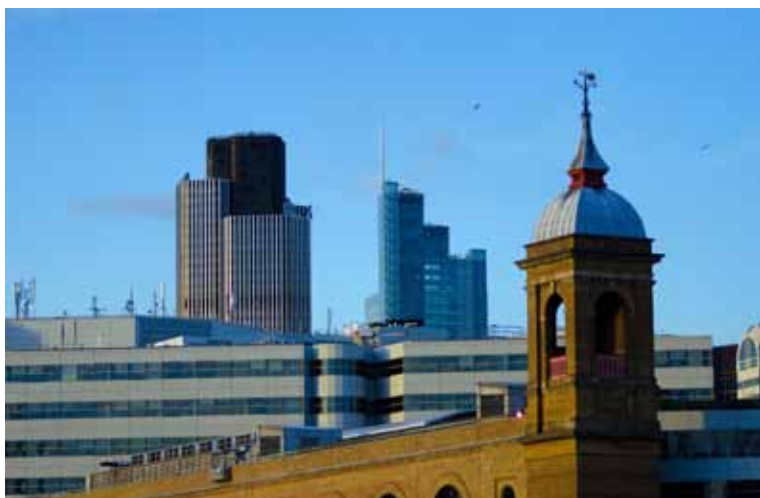
*«Юный» Оксфорд
и старый Лондон*

Нетипичные пейзажи

*Шекспировский
праздник на его
родине – Страт-
форде на Эвоне*

Мы приехали в Лондон на конкурс переводчиков, и к турниру поэтов отношение имели опосредованное. Но, воспользовавшись случаем, я делаю подарок читателям «Сибирских Афин».

Победителями 1-го, заочного, поэтического турнира фестиваля «Пушкин в Британии» стали 20 человек из 12 стран мира. Возможно, когда-нибудь вы и прочтете где-то еще стихотворения кого-то из них, но здесь и сейчас вы сможете познакомиться с творчеством каждого из них.

В книжке, изданной по итогам заочного тура, каждый из поэтов представлен деся-

тью стихотворениями. Здесь вы сможете прочесть только по одному. Право опубликовать эти стихотворения мне делегировал Олег Борушко.

Лично мне по нраву пришлось не все стихотворения сборника. У одних авторов я не мог выбрать одно из десяти, потому что не нравилось ни одно, у других – потому что нравились все.

Но я – это я, а у другого читателя возникнут иные приоритеты... Так пусть всех будет поровну. На свой вкус я только оставил выбор одного стихотворения из каждого десятка. Думаю, поэты не обидятся, ведь для этого им пришлось бы признать, что выбранное мной стихотворение хуже остальных.

Андрей Карпин Финляндия

У ЛЮЦИФЕРА

Смеется Бог
над нашей суетой.
Архангелы залиристо хохочут.
И в бороду хихикает святой.
Лишь плачут черти:
им с утра до ночи
приходится свои котлы топить –
и у бессмертных иссякают силы.
Не отойти попить и покурить...
Уф, грешников-то сколько привалило!
Ну, а народ всё без зазренья прёт.
Один, второй...
Идут взвода и роты.
И только Петр у стареньких ворот
Вздыхает тяжело...
Скучно без работы.

Светлана Кочергина Франция

* * *

пройдя последний, седьмой, круг ада,
мы становимся чистыми перед миром.
твои руки пахнут табачным ядом,
как мышеловки – предсмертным сыром.

зритель расходится по ролям,
по потаенным углам своим, по планетам.
мы остаемся. (за кадром). нам
не хватает пространства, времен и света.

мы, отражением стенных теней,
теперь осознанным и безгрешным,
привносим трепет в глаза людей, –
тем обрекая себя на нежность.

не видим букв – только между строк
читать умеем. и много курим.
я по привычке взвожу курок,
ты – загораживаешь от пули.

здесь не помогут ни поезда,
ни покровители, ни гримеры, –
в нас вся вселенская острота,
мятежно рвущаяся на волю.

Ирина Акс

(победитель турнира поэтов, 1-е место)
США

* * *

Я не умею жить всерьез,
хотя бы – жить с серьезным видом.
Случись со мной такой курьез,
что я себя, к примеру, выдам
за барда голубых кровей,
за литератора в законе
(мол, я тут нынче – соловей,
и аплодируйте за то мне) –

всех, верно, рассмешу до слез:
ну не к лицу мартышке тога!
Я не умею петь всерьез.
Хотя и есть о чем, ей-богу...

Юра Бухаркин

Израиль

ВИРТУАЛЬНЫЙ СОНЕТ

Он вновь и вновь признанья им писал,
Она смотрела нежно, очень лично
С заставки монитора. Он, привычно,
Письмо отправив, сам себя ласкал.

Прикрыв глаза и думая о том,
Как все-таки ее однажды встретит
В реале. Ну, а где-то на другом
Конце земли, все в том же Интернете,

Она писала о своей любви;
Из принтера ползла его улыбка,
И так же, в свете монитора зыбком,
Она ласкала прелести свои...

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть об оргазме в Интернете.

Марина Викторова
Эстония

* * *

Ребристой жизни хлопотная осень
С заплаканным обветренным лицом
То сетует, то мечется, то просит,
То спорит о судьбе своей с Творцом.
Линует будни, в спешке, негодуя,
Разбрасывает жухлую листву,
К теплу весны отчаянно ревную,
Выуживая счастье на блесну.
Безумна, непокорна, бесшабашна
До первых настоящих холодов
Со снежною смирительной рубашкой
И забытём предновогодних снов.

Алексей Окунь
*(особый приз посольства Украины
в Великобритании)*
Украина

И я скажу тебе
(Ибо пришло время),
Что всё, подлежащее счёту,
Не стоит твоего сердца:

Ни мужчины,
Ни лошадиные силы,
Ни мегагерцы,
Ни количество раз за ночь.

Важно только то, что нельзя
сосчитать:
Любовь, Отвага

Но если нет выбора,
Если ты одинока,
Если ты похожа на декорацию,
написанную одним мазком,

Лучше считать пальцы на руке
Или капли дождя...

Потому что нет повода,
Нет повода для того, чтобы встать и
выйти на улицу.

Ася Михайловская Беларусь

* * *

Я – вирус, женский вирус,
Передо мной лежит папирус.
Беру гусиное перо.
Пришла минута вдохновенья.
Эх, сочию стихотворенье.
Открыла пачку папирос.
Пишу, дымлю.
Постой, подружка!
Зачем ты шепчешь мне на ушко?
Нормально, Муза, говори.
Закончим, приготовлю кофе,
Я по кофейной части – профи.
Подам пирог. И до зари
Тебя злословьем развлекая –
Ну, что же делать! Я такая –
Проговорю о том, о сём.
Ведь мы с тобой – запанибрата.
Ну, всё, молчу. Диктуй, Эрато!

Андрей Корчевский США

СНОВА СИРЕНЬ

Как осточертеет масть городская,
в переулки детства тянет сильней.
Там, щемящим таинством возникая,
в льдистой проруби крестит меня сирень.

Все вокруг – осколки надежд хрустальных,
все – сухая листва прошлогодних рифм.
Но не сдался пока упрямый кустарник
и шумит, ошарашив и одарив.

Был Отец – он мир сложил в оригами,
Сын ловил рыбаков, да и был таков.
Только Дух – вдохновитель не счелся с нами,
чудный дух сирени, любви, стихов.

А под утро в ливень нырнет, промокнет,
заблестит осколками без числа –
но молчит. И все-таки в эти окна
кто-то смотрит с той стороны стекла.

Мария Малиновская
(приз им. Риммы Казаковой "За
лучшее стихотворение о любви")
Беларусь

* * *

Долгожданный, живой,
посвященный
В Небеса, в колокольные звоны...

Переписанный мной от руки –
До морщинок, до самой тоски...

До извечной тоски по пустому:
По тому, что прошло – и по дому.

Мой скиталец, ребёнок седой
С непроглядной, с недетской бедой,

Занесённый неведомой силой
На предальний восток, на
немилый...

Засыпаю. Хорошего дня.
Да хранит тебя Бог... для меня.

Валерий Малышев
Германия

Я хотел бы сейчас все послать и забыть
просто так – не с печали, не с горя,
на неделю запить, на все, к черту, забить
и уехать на черное море

И с морской водою мешая коньяк,
слушать плеск волн ленивых и плавных...
И смущать своим видом поселок Судак
и его обитательниц славных

А потом, ради смеха, роман закрутить
с юной дамой, красивой, нездешней
С ней в кафе на веранде шампанское пить
и закусывать спелой черешней

И на катере белом рвануть с ветерком
в Коктебель... И, прикован, как планер,
Там на плитах лежать – никому не знаком,
и мечтать, строя глупые планы:

Вот уйти б в Кара-Даг, и не пить, и не есть,
жить отшельником там, как в наркозе...
Прочь гордыню и спесь, и в Одессе осесть,
продавая бычков на Привозе...

Я усну.. Мне привидятся лед и метель...
Как ни кинь – не обманешь природы –
Я и здесь посажу свою лодку на мель –
предо мною расступятся воды

Килем пенную срежу волну, и, хотя
будет так, как описано в Торе,
я хотел бы сейчас все забросить к чертям
и уехать на Черное море

Петр Межурицкий
(победитель турнира поэтов, 3-е место)
Израиль

ПАМЯТИ ПЕРВЕНЦА

Овечке Долли

Я же не ученый, не мое и дело –
Усыпили клона глобалисты в белом –
Пусть им и не спится, родственник мой, что ли,
Выведен в пробирке для житья в неволе
И в конечном счете на алтарь возложен
Не корысти ради, может быть? Но все же
Сам себе казался я таким же клоном
И умом, и сердцем, и в смятенье оном
Сам и догадался, что попутал враг нас,
А невропатолог подтвердил диагноз,
Так мне и сказал мне: «Что за чушь овечья –
Вовсе не такая участь человечья,
А совсем другая, скажем, эти звезды,
Эти грозы, скажем, или этот воздух,
Истины моменты, времена и нравы:
Сам себе порою я казался клоном,
Только не овцою, а Наполеоном,
Хоть рулить строною не имею шансов,
Впрочем, Бог со мною, тут не до нюансов».
И, едва на волю выбравшись из клетки,
Стал я сам собою принимать таблетки,
Говорить с луною, слушать запах серы,
А невропатолог выбился в премьеры.

Лейла Джей
Англия

ЛЮБИЛИ ДО ОДУРИ

Помнишь ли ты, как мы с тобой, солью не
изъеденные до боли,
Еще такие зеленые и такие счастливые –
заставляли наши антресоли,
Мы на них тогда спрятали горечь и страх и, наверное,
килограммы колкостей,
Но они как не прочны были, как ломки, и мы,
не знающие дела тонкости,
Не собирали их в одно место...
Распихали по углам... Слепленные из разного теста.
Помнишь как мы с тобой дышали друг на друга
на морозном воздухе, колком,
И иней таял на ресницах, и мы смеялись и жгли мосты,
не зная друг друга толком.
Как мы неумелы были, но нам казалось – такие взрослые,
самостоятельные,
Не звонили домой месяцами, только когда складывались
по-особенному обстоятельства.
Помнишь, как мы курили пачками, спорили до утра раннего,
Планировали обзавестись крутыми тачками
и искали всегда крайнего,
И если мы его не находили, то не разговаривали часами,
И пускали дым, глаза опуская,
укутываясь интернетными проводами.
Каждый просто смотрел в монитор и мечтал:
Ну же, крайний, найдись.
А если он не находился, то мы друг другу в спины шептали –
вернись. Умоляю, вернись.
Помнишь, как мы закрывались от всех
в нашем маленьком домике под периной,
Считали ресницы друг другу и сравнивали
снежки с балеринами.
Как мы с тобой цыган проклинали – за что?
За то, что они лживые. До жути.
Но это так к слову. Мы любили, до одури. Слишком сильно, по сути.

Михаил Сипер
(победитель турнира поэтов, 3-е место)
Израиль

ЗАВИСТЬ

Егору

Одиноко я шел средь машин, словно киношпион,
Перегаром дыша и себя поминутно жалея.
... А Егора на Бали вчера укусил скорпион,
Просто так надкусил, ничего супротив не имея.

Точно знаю, что было и что меня ждет впереди –
Все спокойно и нудно, везде повседневности лапы.
... Сквозь бамбуковый дом на Егора ложатся дожди,
Словно в той душевой, в старом лондонском доме у папы.

Потный город смердит, как помойка в большую жару,
В переулках кривых все играют в дурные приметы.
... А Егор не играет. Он просто не верит в игру.
Он живет среди джунглей и, кажется, счастлив при этом.

Я и сам поломать бы оковы планиды не прочь,
Но крепки эти цепи, и в чудо просрочена виза.
... Среди стрекота птиц погружается хижина в ночь.
Снятся Конрад и Хаггард. И добрая девочка Лиза.

Маргарита Борцова
(победитель турнира поэтов, 2-е место)
Россия

* * *

Пал без боя последний редут,
небо птичьи кроют эскадрильи.
Почему же часы все идут?..
Мы вчера завести их забыли.

«Не сегодня... Не здесь...
Переждем», –
ты солжёшь и себе не поверишь.
Отольётся свинцовым дождём
золотая осенняя ересь.

Кто же спросит теперь: «Как дела?»
в час, когда просыпаются звезды.
Извини, что простить не смогла.
Извини, что прощать уже поздно...

Виталий Шнайдер
Германия

ПАРКОВЫЙ ЭТЮД (Bad Nenndorf)

Здесь почти Ван Гоговские
поля, –
горизонт уходит куда-то
вверх,
растворяется там,
и миндаля
горьковатый запах,
и меры сверх
свежего воздуха,
когого гладь,
греясь на солнце,
дает миражи;
но солнце заходит,
и вот опять
поля Ван Гога – они от бога, –
поля Ван Гога
из спелой ржи.

Наталья Чиркова
Ирландия

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Бенгальские огни горят в снегу,
Как реют одуванчики на поле,
Когда их пух срывает ветер вольный,
Или заденут дети на бегу.
А я была одним из тех огней,
Тобой воспламененных так беспечно.
Искрился одуванчик скоротечный,
Забыв про смерть, не думая о ней.
Из огненного семечка росток
К небытию приговорен жестоко.
Вино из одуванчиков до срока
Невыдержанным вылитое не впрок.
Но никому не отдала б я роли
Бенгальского огня на снежном поле.

Михаил Юдовский
(приз зрительских симпатий)
Германия

* * *

Ты была не одною, а всеми,
Ты была, как цветное стекло,
В то едва уловимое время,
Что меж пальцами плавно текло,
Щекоча нашу звонкую кожу,
Как прозрачная тонкая нить.
Ты была ни на что не похожа
И умела мне всё заменить.
Но стеченьем основа размокла
И, коснувшись суровой межи,
Превратились в разбитые стекла
Огрубевших сердец витражи.
Наши нити сплетаются в путы,
И, до срока кончая рассказ,
Рассыпается время, как будто,
Торопясь, забывает о нас.
Этот миг был безбожно недолог.
И, живущий с тех пор невпопад,
Сквозь оставшийся мутный осколок
Я гляжу с удивленьем назад.

Татьяна Щеголева
США

* * *

Где-то там поют стрижи
Над рекою сонною,
Где-то плавают моржи,
В синий шум влюбленные,
А над нами этажи железобитонные.

Любовь Антонова
Литва

День отгорел, ушел на задний план,
А вечер тихой, мягкой походкой
Пришел, верней – приплыл по сини
лодкой.
Оправилась земля от зимних ран:
Их зализал, как пёс, весенний ветер,
С прической буйной – непоседа, мот.
Прохожие по-зимнему одеты,
И бродит в чёрной, толстой шубке кот.
Ведь нет еще тепла, а есть надежда,
Что скоро сменит март апрель-юнец,
Придёт вслед за снегами, наконец,
Чтоб землю напоить водою свежей.
И я, воскреснув от тепла лучей,
Воспряну духом, как и всё живое...
А ветер вьётся в подворотне, воя,
Касаясь прядью серых кирпичей.

Григорий Дразнин
США

ЖУРАВЛИ

Сидел с бутылкой над арыком,
Узбечки прыгали в пыли,
А в небе с гиканьем и криком
Летели клином журавли.

Куда пернатые летели
От нашей жизни красоты,
На юг, в престижные бордели,
На север, в царство мерзлоты?

А, может, просто так кружили
От скуки, кто их, птиц, поймет?
Они не мы. В них нет извилин,
В них только гордость и полёт.

Фестиваль Олега Борушко

Фестивалю «Пушкин в Британии» 9 лет. За эти годы на Фестивале побывало 218 русскоговорящих поэтов, прозаиков и переводчиков... По нашим «фантастическим» меркам это, конечно, смешные цифры. На один «Роскон» ежегодно приезжает до полутора тысяч участников, из которых не менее половины – пишущих и издающихся.

В то же время надо отдать должное грамотной подаче события. Благодаря международному составу (участники здесь побывали из 54-х стран мира - от Австралии до Перу), благодаря заинтересованности СМИ, благодаря тому, что фестиваль проходит в Британии, а носит имя русского

классика, благодаря тому, что на десяти-миллионную армию русской эмиграции это единственный, направленный на нее, культурный проект, он очень заметен, и он реально работает на «...продвижение русской культуры в Европе».

Да, фестиваль этот именной, и главное

имя тут, конечно же, не Александр Пушкин, а Олег Борушко. Пушкин - бренд, который здесь грамотно задействован. Хотя к Пушкину все относятся прекрасно.

Я пишу эти строки без негатива и язвительности, наоборот. Олег Борушко создал отличный фестиваль, на котором встре-

чаются, знакомятся, вступают в деловые, творческие и прочие контакты люди, до того не имевшие на это шансов. Для многих эмигрантов это единственная отдушина, единственная возможность продемонстрировать свое творчество, пообщаться с себе подобными, а для кого-то и притушить ностальгию.

Это замечательный повод вспомнить о взаимопроникновении русской и британской культур, о их вечной взаимной тяге друг к другу (особенно русской к британской). И то, что гордость Борушко за свое детище читается в каждом его движении – тоже импонирует мне. Человек грамотно распорядился своей жизнью: руководит фестивалями в Лондоне и в Одессе, постоянно участвует в фестивале на Бали... Праздник! Плюс умница-жена и замечательные помощники-сыновья. Реально – молодец. Несколько самовлюблен, но ему есть за что любить себя. Он делает хорошее дело, делает его эффективно, и многие ему за это искренне благодарны.

В жюри всегда участвуют знаменитости. Были: Римма Казакова, Людмила Улицкая, Виктор Ерофеев, Юрий Поляков, Александр Городницкий, Сева Новгородцев, Лариса Васильева, Авдотья Смирнова, Дмитрий Дибров и нынче - Игорь Губерман. Поддержку оказывают такие серьезные учреждения, как Посольство Великобритании в России, Посольство России в Великобритании, Союз Писателей Москвы, «Литературная газета», Канал ТВ-Центр, Радио «Россия» и т.п. Все в порядке. Олег Борушко, как минимум, грамотный организатор.

Где-то, то ли на сайте, то ли в программе я наткнулся на информацию, что он еще и поэт, там же было упоминание об его «эротических танках». Я был поражен совпадению. Дело в том, что эти самые «эротические танки» я читал в отличном киевском журнале «ШО», в единственном номере этого журнала, который я видел. Да что, видел! Он хранится у меня, и вот сейчас лежит передо мной. Когда я взялся редактировать

«Афины», в верстке и направленности я хотел ориентироваться именно на «ШО».

Помню, правда, что, читая эти танки, я сразу понял, что это мистификация, я все-таки филолог и с трепетом отношусь к японской поэзии.

Шутка показалась мне грубоватой. Судите сами:

* * *

Мы слишком далеко
Зашли в поцелуях
Наряд твой расстегнут
О как непрочны
Супружеские узы

* * *

Кто дал тебе имя
Малышка из Симмат?
Зачем так искусно
Губами ласкаешь коралл?
О бездна блаженства!

Согласитесь, чересчур прямолинейно. Да, шутка груба, но, как минимум, нестандартна и заметна. И опубликовано это в издании, на которое хочется равняться. Так что, по-видимому,

и в поэзии Борушко – на коне.

Как гласит английская пословица, «кто мало просит, тот еще меньше стоит»; на сайте фестиваля значится: «Пушкин в Британии» бросает

вызов европейскому невежеству...»

Если и вы хотите бросить вызов европейскому невежеству – следите за событиями на сайте www.pushkininbritain.com. И даже если вы не жаждете перевернуть литературный мир, побывать на этом фестивале будет интересно всякому. И всегда можно извлечь из такой поездки пользу. (Я вот, например, сделал этот спецвыпуск «Афин».)

Лично я уверен, что России необходим параллельный фестиваль - «Битлз в России». И, на мой взгляд, лучше всех с его организацией справился бы как раз Олег Борушко. Я даже заикнулся ему об этом, но, похоже, ему уже хватает фестивалей.

В одном, вывешенном на сайте, интервью он сказал об идее празднования в Москве Дня рождения Шекспира... Вильям, наш, Шекспир не особенно интересовался Россией и наоборот. Вот Битлз – другое дело. Но – «хозяин барин»...

13

Кембридж

За что я особенно благодарен оргкомитету фестиваля, так это за поездку в Кембридж. Вряд ли я сам когда-нибудь вздумал бы отправиться туда. Ведь что я знал о Кембридже? Ну, университет, ну старинный. У нас у самих город университетский, причем наш университет – старейший за Уралом, а это огромная территория, на которой поместится десяток Британий.

В первый день мы с Лешой решили вместо Кембриджа поехать в Ливерпуль. Только благодаря нашему доброму ангелу Марго Кагановой, которая тоже хотела ехать

в Ливерпуль, но Кембридж на это променять не желала, у нас зародилась мысль, что там может быть интересно.

Мы еще раз изучили программу и поняли, что под Ливерпуль лучше использовать следующий после Кембриджа день, так как ничего сильно интересного для нас там происходить не будет. Чтения «Поэты русского зарубежья - памяти Пушкина» и «Разбор полетов: финалисты против жюри». И зачем нам то и другое?

Это было судьбоносное решение, благодаря которому мы побывали и там, и

там, а это две самые радужные страницы наших путевых дневников.

В Кембридж нас привезли на автобусах. Когда мы вышли, я сразу обалдел от той красоты, которая нас окружала. Не здесь ли снимался «Гарри Поттер»? – подумал я. И тут только осознал, что Кембридж – не «университет» в нашем понимании и не «университетский городок», а самый настоящий город, университет в котором, да, является «градообразующим предприятием».

Трудно понять, не побывав там, что впечатляет прежде всего. Попробую объяснить. Дело в том, что все это мы не раз видели в кино и по телевизору. Но мы ведь привыкли к тому, что теле- и кинокамера выхватывает из окружающей реальности красоту избирательно. И только находясь там, понимаешь, что тут ничего выбирать не надо. Зайдя за любой угол, пройдя в любой дворик, ты не увидишь мостовой, которая не была бы выложена булыжником несколько веков назад (или не выглядела бы так), не увидишь здание, которое чем-то лег-

ко выдает своё современное происхождение, не увидишь пластикового мусорного контейнера или пешеходной «зебры»...

Нет, здесь все подчинено единому стилю. Но не выглядит при этом игрушечно. Потому что все это величие и красота созданы не для туристов. Плевали тут на туристов с верхней полочки. Точнее, какое-то количество их тут есть, но специально на них никто не ориентируется. Тут все по-настоящему функционально и создано жителями города для самих себя. Просто люди тут сумели строить, не разрушая. Не только конкретные здания, но и общий образ дорогого им города. Это вам не Египет, где к древним пирамидам арабы пристраивают только что отлитые плиты, чтобы зевакам было больше объектов, на которые можно поглазеть. И не Рига, например, где мирно сосуществуют современность и старина. Что симпатично, но не аутично...

Ну, так вот. Только мы прибыли, организаторы подвели к нам двух русских девушек-экскурсоводов и пред-

ложили поделиться на две группы, каждую из которых будет вести одна из них. Девушка, назвавшаяся Настей, показалась нам с Лешей побойчее, и мы перебежали к ней, хотя распределены были и в другую группу. И вообще она нам как-то сразу понравилась, чему поспособствовал один эпизод.

Несвежая после вчерашнего рубаха... Нет, неправильно. Не-

зу высоко поднялась в наших глазах. Мы ни разу не пожалели о своем выборе, так как Настя оказалась очень приятным и, надо отметить, очень обязательным человеком, который, к тому же, прекрасно знает и любит Кембридж.

Конечно же, она не показала нам и десятой доли всех красот и достопримечательностей этого города, но и того, что она успела, нам хватит на то,

свежий после вчерашнего рубаха-парень Юдовский тут же полез к ней обниматься и подставлять свои опухшие щеки для поцелуя, но девушка жестко, но не грубо, осадила его. И сра-

чтобы вспоминать эту волшебную экскурсию всю жизнь.

Итак, начнём. Во-первых, нам объяснили кое-какие термины. Так «колледжи», в которые поступают здесь студенты, – это,

как выяснилось, вовсе не учебные заведения и не факультеты. Это лишь места проживания. В принципе, это общежития – со своими лабораториями, библиотеками, двориками и всем остальным, что необходимо для жизни студента.

В то же время колледжи эти являются самостоятельными юридическими лицами и крупнейшими после короля землевладельцами в Британии. Так, самому богатому из них, Тринити-колледжу, где учились Вордсворт, Ньютон, Байрон, Теккерей, Набоков, принц Чарльз и наш экскурсовод Настя, принадлежат земли, на которых стоят все Лондонские аэропорты.

... Прослушивая диктофонную запись, чертовски приятно было услышать, как я, прямо как истинный джентльмен (видать, стены Кембриджа навевали), предлагаю взять у Насти ее рюкзак, как она сперва отказывается дать его мне, но потом все-таки отдает.

Рюкзак оказывается тяжеленьким, но я мужественно таскал его весь день, имея за это привилегию быть всегда рядом и записывать все, что Настя рассказывала. Вот эта запись:

- ... Кроме всего прочего, Тринити-колледж еще и самый знаменитый в Кембридже. Тут, в его коридорах, Ньютон измерял скорость звука, тут он выжигал себе

глаз, ставя опыты с оптикой.

Кстати, вот эта яблонька – прямой потомок того дерева, с которого на голову Ньютону упало яблоко. Выращена из черенка. Привратник мне рассказывал, что иногда он и его напарник подкидывают под нее яблоки. Очень смешно наблюдать, как туристы, подкравшись, воруют их. «Ладно, яблоки, - добавил он. - Мы и бананы иногда кладем, все равно тащат».

Между прочим, Байрон, учась тут, держал в качестве домашнего животного медведя. Но в современных правилах написано: «Несмотря на то, что Байрон, учась тут, держал медведя, сейчас это запрещено, как и содержание других домашних животных».

... А вот перед нами знаменитый паб «Иглз», где двум ученым-генетикам за кружкой эля пришла идея ДНК-спирали. А во время войны, кстати, тут был штаб американских войск.

По газонам в Кембридже ходить нельзя, но это правило распространяется только на студентов и гостей города. А вот препода-

давателям и профессорам можно, это исключительно их привилегия. И если вы видите шагающего по газону молодого человека, не сомневайтесь, – это молодой преподаватель, который еще не может удержаться от того, чтобы не воспользоваться только что обретенным правом.

... Мы подошли к зданию, в стене которого под стеклом вид-

нелись часы. Но часы необычные. Сделаны они так, что, кажется, механизм приводит в движение гигантский металлический кузнечик с хищной, оснащенной страшными зубастыми челюстями, рожей.

- Перед вами произведение современного искусства - «Пожиратель времени», сообщила Настя. Оно символизирует то, что время уходит

безвозвратно. Кстати, если вы будете ориентироваться на то, что эти часы показывают, вы обязательно опоздаете куда-нибудь или наоборот, потеряете время, явившись раньше. Дело в том, что каждый час время тут показывается верное, а вот между часами стрелки то спешат, то отстают...

... А вот в этом колледже жил и работал Чарльз Дарвин. Сейчас его комната восстановлена и находится в статусе музея. Интересно, что в коридоре возле дверей есть таблички с именами и учеными степенями. Типа, «Профессор такой-то», «Профессор такой-то». А на его табличке написано просто «Чарльз Дарвин».

Вот мы выходим на центральную площадь Кембриджа. Здесь, прогуливаясь по веревке и даже ложась на нее, мужчина играет на скрипке.

- Каких только чудиков тут не бывает, - рассказывает Настя. - Особенно часто появляется человек с поющей собачкой...

- Кстати, - замечаю я, - и тут, и в Лондоне, я заметил, уличные музыканты поют

и играют удивительно хорошо. Такой качественный брит-поп. И оснащение серьезное – гитарные комбики, микрофоны, пюпитры... Это что, сказывается высокий уровень музыкальной культуры?

- Прежде всего дело в том, что играют тут не кто попало. Это профессионалы, свою

программу они визируют в муниципалитете, у них свое разрешенное время выступлений, происходят пересменки...

А вот Кингз-колледж – это символ Кембриджа. Отсюда ведутся трансляции рождественских праздников с участием королев. У студентов в Кембридже есть множество обществ, в том числе и запрещенные, одно из таких – общество любителей забираться на исторические памятники. Известна, например, история, когда студенты разобрали автомобиль, затащили его на крышу колледжа и собрали его там.

А своими глазами я видела, как в ночь перед трансляцией очередных рождественских праздников на обоих шпилях Кингз-колледжа появились шапочки Санты-Клауса. Был скандал, об этом много писали в газетах, заметки были яростные, призывающие «выдать преступников»... Колледжу эта выходка обошлась в копейчку: чтобы снять шапочки, ставили леса, и нужно было успеть до приезда королевы. Но никого не поймали. Я думаю, никого особенно и не ловили, ведь все эти общества, даже номинально запрещенные, тоже являются гордостью

университета. Но нагнать всё-таки не стоит. Если вас схватят за руку, из колледжа вылетите.

Запрещающих правил в каждом колледже целый большой список. В центре двора Тринити-колледжа стоит фонтан, кстати, любимое место уединения Байрона, так в нем строго-настрого запрещено купаться. Причина: когда-то сын какого-то политика, купаясь в нем, ударился головой и разбил ее.

А в колледже святого Иоанна, который построил тот самый Генрих VIII, у которого было восемь жен, две гребных команды (гребля – традиционный вид спорта в уни-

верситете): первая и третья. А второй нет. Почему? Дело было несколько веков назад. На соревновании по гребле, во время столкновения, сидящий на корме лодки студент из команды номер два колледжа святого Иоанна проткнул копьём сидящего на носу студента Тринити-колледжа. С тех пор эту команду упразднили.

А вообще, эти соревнования называются «Бамс». Почему? Потому что проходят они в такой узенькой протоке, где двум лодка и параллельно не пройти, поэтому стартуют они по очереди, через определенный промежуток времени. И если задняя догоня-

ет переднюю и ударяется об нее – «бамс!» – это стопроцентная победа задней.

Вот перед вами Библиотека Рен. Рен – известный архитектор, много чего построивший в Лондоне, а начинал, «тренировался» он на Кембридже. Библиотека его работы так и называется – Библиотека Рен.

Лодочники-экс-

«Глобус Кембриджа»

курсоводы, проплывая мимо кембриджских дворцов, любят с серьезными лицами нести туристам, особенно японцам, всякий бред. Так я сама слышала, как один рассказывал: «А вот перед вами библиотека Рен. Она специально построена для Софии Ло-Рен». И те всему верят. Или еще из их перлов: «Тут учился Принц Чарльз. Обратите внимание, все окна одинакового размера, а вот эти огромные – это окна его апартаментов»... На самом деле это окна лестничной клетки.

Еще популярна байка, что телохранитель

принца Чарльза ходил вместе с ним на все лекции и в результате окончил университет с лучшими, нежели принц, оценками. Самое главное, что это почти правда. Единственный нюанс состоит в том, что это было не случайно, просто телохранитель был подобран из абитуриентов Кембриджа.

Многое тут построено на пожертвования от благодарных выпускников. Бывают случаи и более экзотичные. Так, некий кореец по фамилии Ли занимался экспортом ананасов и имел большие убыт-

ки от того, что те быстро портятся. Один студент колледжа работал над этой проблемой и нашел решение. За что Ли сделал такое щедрое пожертвование, что колледж Вулсон, где учился этот студент, построил на эти деньги концертный зал, и на гербе над дверями зала изображен маленький ананасик.

Где-то примерно в этом месте экскурсии Настя предложила всем, кому больше хотелось бы перекусить, чем и дальше слушать ее рассказ, отправиться искать себе подходящее кафе

или паб. А после обеда был назначен очередной литературный турнир, на этот раз между теми поэтами, которые не прошли в финал... В результате при Насте остались только мы с Лешей, из чего я сделал вывод, что поэты – народ нелюбознательный, по видимому, в связи с самодостаточностью.

На самом деле была еще одна причина держаться Насти: на мне был ее увесистый рюкзак. Она несколько раз порывалась отобрать его у меня, но я не мог себе позволить отдать его, пока она не идет домой. Забавно было, что когда

ей что-то нужно было там взять, она говорила мне: «Стойте так и не двигайтесь», и обходила меня.

Тут случился момент организационного бардака: кое-кто из нашей группы экскурсантов уже разбредся по разным местам, а Настя посчитала себя обязанной всем сообщить, когда и где будет проходить поэзо-турнир, и она принялась бегать по местам, где мы проходили, в поисках. При этом она опять хотела забрать у меня рюкзак, но я опять не отдал. Вместо этого мы с Лешей остались ждать ее у ворот

Тринити-колледжа...

Тут я убедился, что наши люди везде одинаковы. Здесь стояла небольшая будочка ремонтников, реставрирующих ворота. Стандартный ремонтно-строительный фургончик. Именно под ним, так сказать, на родном фоне и устроилось несколько наших поэтов с флаконами горячительного... Было смешно. Нет, я не осуждаю их желание выпить, я просто удивляюсь их эстетическим потребностям.

Когда Настя, сделав все, что могла, вернулась, я спросил, собирается ли она домой,

Бронзовая карта города в Центре

и она ответила, что еще нет. Если бы она шла домой, я бы ей отдал рюкзак, а так... Мы с Лешей предложили пообедать где-то вместе и признались, что нам не нужно, да и абсолютно не хочется и на предстоящий поэтический турнир.

Настя, как мне показалось, обрадовалась. Мы ведь оба слушали ее с неподдельным интересом, да и вели себя, без ложной скромности, порывчато... И она предложила нам пообедать в святой святой – в столовой колледжа, так как всякий

студент имеет право провести туда двоих гостей, и она еще не утратила этого права.

К сожалению, оказалось, что она не обратила внимания на день недели. Был выходной, и столовая не работала. Тогда она предложила пойти в паб, куда она сама любила зайти во время учебы. По дороге мы встретили Вовочку Сервиновского под ручку со второй девушкой-экскурсоводом и утянули их с собой.

В пабе действительно было уютно, тем более что мы не остались внутри, а прошли

в уютный дворик. За обедом продолжился разговор. Леша вспомнил, как где-то читал, что Кембриджский университет появился тогда, когда часть преподавателей и студентов откололись от Оксфорда после того, как там повесили какого-то студента...

Энциклопедист Вовочка поправил. Среди Оксфордских профессоров, как и быть должно, были люди прогрессивно и вольнодумно настроенные, естественно, что в своих лекциях они нередко пропагандировали идеи, не популярные при дво-

ре, а студенты участвовали в беспорядках... И действительно, когда кого-то там казнили, часть радикальных профессоров Оксфорда ушли оттуда подальше, так как там внимание королевских служб стало уже слишком назойливым, и организовали Кембридж.

Вспомнили байку. Как-то в Оксфорде, в наше время, студент на экзамене потребовал эля, так как, согласно неотмененному правилу XVII века, он имеет на это право. Профессор сбегал за элем, но экзамен не принял, в связи с тем, что, со-

гласно неотмененному правилу XVI века, студент, явившись на экзамен, обязан иметь при себе шпагу.

Потом поболтали еще о том, о сём. Спросили Настю, как она попала в Кембридж, и она рассказала, что просто очень сильно этого захотела. За год до окончания питерского университета она зашла на сайт Кембриджа, выяснила все требования и начала готовиться, собирать документы, сдавать заочные экзамены... И ее приняли на двухлетнюю магистратуру, назначив стипен-

дию. Теперь, по окончании двух этих лет, она официально считается выпускницей Кембриджа, что, возможно, поможет ей найти работу по ее достаточно редкой специализации: она – японистка.

- А как вы, Алексей, оказались в Нюрнберге? – спросила она.

Влез я:

- Его привезли туда на суд вместе с остальными нацистскими преступниками, но потом про него почему-то забыли.

Леша озвучил другую версию:

- Я в Германии на долгосрочном зада-

нии российского правительств. Зброшен в тыл врага. С женой вижусь раз в год, да и то – только под музыку Таривердиева...

Вся эта милая болтовня прервалась, когда Вовочка зашел на поэтический турнир. Он ушел, прихватив с собой вторую девушку-экскурсовода, а мы, вновь вдвоем, отправились на теперь уже совсем неформальную экскурсию, туда, куда прочим туристам вход воспрещен. Но ведь, как уже было

выше сказано, Настя имеет право проводить двоих своих гостей куда угодно...

Дворы, ограниченные заросшими плющом стенами зданий, ручейки и мостики, величественные дубы... Все тут дышит стариной и покоем. В какой-то момент я осознал, что воображение рисовало мне именно таким Лондон. А он оказался другим, чем и разочаровал. Выходит, того, чего я не нашел в Лондоне, я нашел в Кембридже и полностью

им очарован.

Я высказал эту мысль Насте, и она ответила:

– Кембридж и Оксфорд, – это не Англия. Совсем другие люди, другие порядки. Англия переполнена иностранцами, особенно индусами, которые везут с собой свою культуру, свои проблемы и сложности, и национальная специфика Англии как бы размывается... Здесь – идиллический пейзаж, но строгие порядки, иностранцев еще боль-

ше, чем везде, но они не привносят ничего своего, наоборот – еще более ревностно следуют порядкам, чем даже местные жители. Сюда стремятся, это один из самых заметных мировых образовательных центров, потому в воздухе ощущается какой-то звон... Я его слышу.

Я подумал, что, вот, пожалуй, Настя – настоящий поэт.

- Раз в год сюда привозят ястреба, - рассказала она. - Когда я впервые увидела человека, который отпу-

скал в небо большую птицу, я думала, это соколиная охота. Но оказалось, это ястреб, обученный пугать голубей. Одного раза в год хватает, чтобы голубей в городе почти не было.

Мы вошли во двор с тем самым, излюбленным Байроном, фонтаном. Нам навстречу, приподняв трость, устремился человек в строгом костюме и котелке.

- Это смотритель, - пояснила Настя. Она двинулась ему навстречу и объясни-

ла, что мы – ее гости, а она обладает правом...

- О, - приподнял котелок смотритель, - добро пожаловать. Хотите сфотографироваться со мной?..

Грех было не воспользоваться таким предложением.

- Настя, что тут происходит, кроме учебы? – поинтересовался Алесей. - Чем студенты занимаются в свободное время?

- Как только появляешься здесь, тебя начинают тянуть во всяческие общества.

И тут главное – со-
блести баланс, чтобы
хобби не стало боль-
ше учебы.

- А вы состоите в
каком-нибудь обще-
стве?

- Да, это что-то вро-
де сестер милосер-
дия...

- Как вы находите
англичан? – вмешался
я. – Они совсем не ка-
жутся мне такими уж
чопорными, я сталки-
ваюсь тут только с до-
брожелательностью.

- Как вам сказать...
В этом отношении ан-
гличане похожи на
японцев. Они добро-
желательны с тобой,
пока ты на них не ра-
ботаешь.

В качестве иллю-
страции этой мысли
Настя рассказала нам
анекдот.

Мужик попал в рай.
Тепло, светло, мухи не
кусают. Но скучно не-
выносимо. А за забо-
ром, в аду – идет весе-
лье, дым столбом, на-
род в карты с чертя-
ми играет, пьет вино,
танцует... Взял му-
жик, да и перепрыг-
нул через забор. Про-
вел там несколько ча-
сов, как вдруг глас с
неба: «Немедленно
возвращайся на свое
место!»

Вернулся мужик и
вновь сталдохнуть от
скуки. На следующий
день опять в ад пере-

бежал, повеселился,
и опять его вернули...
И вот через несколь-
ко дней он взмолил-
ся: «Господи, прошу
тебя, переведи меня в
ад навсегда!» «Уверен
ли ты в своем жела-
нии?» «Абсолютно!»
«Тогда подпиши бума-
ги».

Подписал мужик
договор, перелетел
через забор и – хло-
бысь в котел с кипя-
щим маслом, а чер-
ти дрова подтаски-

вают... «Господи!
– вскричал мужик.
– Почему теперь все
по-другому?!» «Пото-
му, сын мой, - ответил
Господь, - что туризм
и эмиграция – совсем
разные вещи».

Уютной дубовой ал-
леей мы двигались
в сторону Bateman
Auditorium, места про-
ведения поэтического
турнира, чтобы вместе
с остальными отпра-
виться в запланирован-

ную лодочную прогулку по речке Кемь (меня умиляло созвучие этого названия с названием «Томь»), когда встречались с молодым человеком по имени Тао. Настя очень обрадовалась ему и рассказала нам, что Тао родом с Тринидад и Табаго, а его главное хобби - русский кинематограф. Мы спросили Тао, что же главное он понял о нашем кино, и он ответил, что раньше, в советском кино, были, да, шедевры, а нынче таких уж нет.

Мы порадовались тому, что этот, столь далекий от нас, человек все так правильно понял, и я, взяв адрес, пообещал Тао выслать №№5 и 6 «Сибирских Афин» с великолеп-

ным исследованием на эту тему Александра Борянского. (Выслал.)

Из путевых заметок Алексея: «Мы вышли на главную улицу города и двинулись по булыжной мостовой. Прямо перед нами пухленький велосипедист в очках совершил резкий поворот, его занесло, и он со всей дури загремел на мокрые камни. По инерции он еще проехался несколько

метров на животе. Потом медленно встал на ноги и, надев очки, осмотрел себя. Это было повергающее в уныние зрелище. Разорванные до пупа брюки, ободранные колени и грязные остатки футболки на шее.

Я приготовился услышать несловарные обороты. Украдкой бросил сочувственный взгляд на Настю, уже переживая за ее нежный слух. Я видел подобные инциденты в Германии и могу засвидетельствовать, что немецкий язык очень выразителен и богат на эпитеты. Не менее богат и английский. Но незадачливый велосипедист, поймав наши взгляды, лишь произнес сокрушен-

но «Turned too fast» (Слишком быстро повернул), вскабкался на свой велосипед и, как ни в чем ни бывало, покатился дальше.

Истинный джентльмен. Есть такая сказка, что джентльменом может называться лишь тот, кто, запнувшись о кошку и упав грязь, называет ее только кошкой и никак иначе. Материальное подтверждение стереотипа только повысило наше уважение к этому чудесному городку, его обитателям».

... И вот мы слились в экстазе с нашим поэтическим коллективом. Настя покинула нас. Я посмотрел фотографии с «поэтического турнира» и понял,

что мы ничего не потеряли. Затем мы спустились на лодочки-плоскодонки (их тут называют «панты») и поплыли по Кемии...

Я не возьмусь описывать ту красоту, которую мы наблюдали, проходя от мостика к мостику мимо величественных и прекрасных строений на берегу, то чувство умиротворения и гармонии с миром, которое мы ощутили при этом... Словами не пе-

редать. Фотографии – и те не расскажут об этой красоте в полной мере. Но все-таки лучше, чем слова.

К сожалению, долго ничего не длится. Из-за поворота вывернула одна из наших лодочек, в которой русскоязычные поэты хором дурашливыми голосами грянули: «Из-за острова на стрежень!..» Очарование рассеялось.

И все-таки, все-таки будем справедливы. Не было бы этих, порой несуразных, поэтов, не было бы и фестиваля «Пушкин в Британии», а тогда никто не пригласил бы меня в Лондон, и не побывал бы я в Кембридже... Так что – грех жаловаться.

14

Ливерпуль

И вот, за день до возвращения домой (точнее, по домам), мы сорвались в Ливерпуль. Не хотелось бы повторять опубликованную в «Сибирских Афинах» (май, 2009) статью Олега Шевелева «В Ливерпуль наскоком». Несмотря на название, поездка на родину Битлз автора той статьи была значительно более информативной, чем наша.

Почему? Да потому что он почти ничего о Битлз до этого не знал. А у нас получилось все наоборот: мы о них уже все и так знали, поэтому вербальная информация нас не интересовала абсолютно, нам хотелось лишь подышать воздухом Ливерпуля, пройдясь по Менлав Авеню предместья Вултон, пройти до Строберри Филд и символично начать перевод одноименной песни именно там, так сказать, на ее родине (это мы придумали уже в Лондоне). И ведь так вышло, что это будет наш 51-й перевод. То есть ровно половина книги «100 хитов Битлз» мы осилили, и, пройдя этот рубеж, вторую половину начинаем там, где начинались сами Битлз...

Я не буду здесь рассказывать ничего, что можно найти в других источниках. Только личные впечатления и ощущения. Если вам нужна информация о Битлз, читайте Хантера Дэвиса и других их биографов. Если вам нужна сакральная истина о них, читайте нашу с Константином Фадеевым книгу «Осколки неба, или Подлинная история Битлз».

А эта маленькая главка не о них, а о нас.

Итак, вдвоем – я, Алексей и Марго Каганова – сели в электричку и два часа спустя прибыли в Ливерпуль. Только мы сошли с эскалатора метро, как из-за угла вышло трое молодых атлетически сложенных и коротко стриженных парней, один из них встал в позу, словно поднял штангу (ноги полусогнуты, руки вверх и в стороны), и громко произнес незнакомое нам слово: «Джами!»

Наверное, парни ожидали испуга от тупых приезжих, но мы расхотались, и

я попытался их сфотографировать, но не успел. Было видно, что наша реакция парню понравилась и, уже пройдя мимо нас, он вновь встал в позу и рявкнул, - «Джами!» - еще раз.

Алексей. «Мне, однако, удалось снять этот эпизод на камеру. Я озадачился этим словом и, поблуждая по словарям, нашел его значение.

В полной форме «You jammy beggar!» это выражение означает – «ну, тебе, парень, повезло».

Другими словами, если по-нашему, он выкрикивал что-то вроде: «Круто!»

... Морем запахло уже в метро. Хотя Ливерпуль стоит не на море, а на речке Мерси. И все-таки это портовый город, а значит, должно пахнуть морем. И пахнет. И чайки летают, как у нас голуби, садясь на мостовую, взмывая и ка-

саясь крыльями голов прохожих...

Мы вышли к докам, где на привязи стоят десятки живописных корабликов, и в глаза бросается красивое здание с трубой и золоченой надписью во всю стену «Rimp House». Что значит «насосная», и не более того...

В «Альберт-доках» - музей «Beatles Story». В своей статье Олег Шевелев подробно о нем рассказал. Музей великолепен. Грамотное чередование реальных экспонатов и инсталляций – редакция газеты «Мерси Бит», зал «Каверны», салон Боинга, доставившего Битлз в США, а параллельно с этим – голос «электронного экскурсовода», которым ты сам управляешь, в наушниках создают эффект полного погружения в шестидесятые...

Проходя через залы, посвященные детству каждого из Битлз, началу всемирной битломании, альбому «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band», мультфильму «Yellow Submarine» и т.п., я получал огромное удовольствие. Однако не примите за снобизм, ничегошеньки нового я в этом му-

зее не узнал. Удовольствие было таким, какое ощущаешь, когда тебе почесывают «любимые» места.

Проходя все эти залы, я думал, какое впечатление произвела бы такая экскурсия на меня лет в пятнадцать... Еще думал о том, что всё-таки мы, русские, понимаем о Битлз больше, чем англичане, заваленные конкретикой. Интереснейшие факты и

подробности, но – ни малейшей попытки осмысления их.

Внимание привлекал стенд №33, посвященный связям Битлз с Россией. Не с Испанией, не с Японией, не с Францией, где они бывали на гастролях. Стендов, посвященных этим странам, в музее нет. Именно с Россией, где они никогда не были. Я очень порадовался этому, выходит, дале-

ко не я один осознаю, что эта связь существует.

У одной из смотрительниц музея, естественно, привлекательной девушки, я спросил, что для нее эта работа – только заработок, или музыка Битлз близка ей. Она сказала, что обожает эту музыку с детства, а ее родной брат и вовсе играет в группе битловские кавера, и здесь она только поэтому.

И вот музей пройден. Мне казалось,

что, пока я разглядывал все эти экспона-

ты, у меня работала только голова, а серд-

це молчало... И для меня самого стало неожиданным, когда на выходе из последнего зала из моих глаз внезапно хлынули слезы. Я видел, что Марго испугалась за меня, она не могла понять, что со мной происходит. А Алексей понял. Просто я еще раз пережил историю Битлз, которая является для меня, наверное, главной в жизни

историей.

... Но ничто так не охлаждает эмоции, чем ценники в магазине. А именно в магазине, битком набитый «битловскими» сувенирами, мы и вышли из последнего зала музея. На самом деле, ничего особенного в этом магазине нет. У меня никогда не было желания приобретать какие-то фетиши, связанные

с Битлз, меня волнует их музыка, их история, их дух. А все эти магнитики и брелочки... Купил кое-что, для друзей.

Я приехал не для того, чтобы увезти отсюда что-то материальное, наоборот, кое-что материальное привез сюда я. Мы вернулись к началу экспозиции и попросили администратора (молодой парень, который ужасно напоминал нашего татарина откуда-нибудь из Заистока) позвать директора музея. Того не было на месте, но вышла женщина, его заместитель. И мы торжественно вручили ей книгу «Осколки неба», добавив, что ей самое место на стенде №33. Она любезно пообещала, что вопрос об этом будет рассмотрен.

Еще мы рассказали о том, что в Томске, в Сибири, готовятся поставить памятник Битлз. Она была удивлена, сказала, что это – знаменательное событие, и попросила отправить ей майлом более подробную информацию.

... Пошли перекусить и разговорились с барменом. Он сказал, что у него есть знакомый русский,

и когда он плавает (изобразил как тот быстро колотит ладошками перед носом), он приговаривает: «like sobachka, like sobachka...»

Прошлись по городу. Порт и Битлз – две его главные достопримечательности. Видели экскурсионную «Уткомарину»,

видели экскурсионное такси «по местам Битлз»... Красивый просторный город. Открытые улыбчивые лица. Неторопливое, размеренное течение жизни. Душевно. И этот город понравился мне больше, чем Лондон.

Мы уже исчерпали половину лимита нашего времени, потому решили отправиться на Строрберри Филд, и только если позволит время – на Пенни Лейн.

Строрберри Филд – окраина города, езды туда минут сорок. Все это время какой-то дяденька, подсев к Алексею с Марго, что-то впаривал им про свой самолет, на котором он так счастлив летать, и показывал помятую фотографию этой летательной машины. И еще – фото пумы, которую он, якобы, собственноручно усыпил вы-

стрелом из ружья ампулой... Сидящие вокруг люди скептически ухмылялись.

А у самой кабины водителя сидела удивительно красивая девушка лет восемнадцати с лицом хмурым и озабоченным. Я смотрел на нее и думал, что она, такая прекрасная и живущая в таком прекрасном месте, просто обязана быть счастливой. И когда мы уже

встали и пошли к выходу, я подумал, что я могу что-то сделать для этого. Я остановился перед ней и сказал на своем примитивном английском: «Послушай меня, пожалуйста. Я – русский мужчина, и я говорю тебе – ты прекрасна. Будь счастлива».

Она видела, что я собираюсь выйти, а значит, не пристаю к ней. И она просто просияла. И ког-

**MENLOVE
AVENUE** L18

да мы вышли, и дверь за нами закрылась, я обернулся и увидел, что девушка, улыбаясь, машет мне рукой. И я почувствовал, что сделал для этого города что-то хорошее.

Район Вултон. Мен-лав Авеню. Удивительная красота. Весь район состоит из небольших уютных коттеджей и пышных садов перед ними. Один домик красивее другого. И, несмотря на идеальное состояние, от всех этих домов веет стариной...

И вот мы идем по дороге, по которой тысячи раз проходил Джон Леннон – сперва за руку с тетей Мими, потом – один; или с друзьями – Шоттоном, Сатклиффом, Маккартни... А то и с девочкой Синтией, позднее подарившей ему сына Джулиана...

Теперь понятно, что означает слово «down» в строчке песни. Сад «Строберри Филдз» находится ниже по улице дома Леннонов (на него мы полюбовались чуть позже). А в английском эта форма очень популярна – вниз (по улице), вверх (по улице).

Мы у ворот сада. Это массивные чугунные, выкрашенные

красной краской, ворота. Мы уже знаем, что это, так сказать, «реплика»: оригинальные ворота были уничтожены, когда это место еще не стало одним из центров битломанского паломничества. Власти города восстановили эти ворота из уважения к памяти Джона. Именно из уважения, денег на этом никто не делает.

Вообще, кроме надписи, ничто не выда-

ет того, что это место какое-то особенное. Ворота закрыты на замок. За ними – полуманная гитара, явно просунутая через прутья. Ну что ж, мы на месте. Надо работать. Мы постелили перед воротами газетки, достали тетради, ручки и взялись за перевод.

Для пущей символичности им я закончу этот спецвыпуск. А пока – проскочим через этот отрезок вре-

мени. Тем более что весь перевод мы тогда, естественно, не выполнили – осилили только первый куплет, да и тот после переделали. Но главное то, что тут мы его начали.

Только мы поднялись, как к воротам подъехало такси, и из него вышла симпатичная молодая пара. Выяснилось, что они – из Австралии. Так же, как и мы, приехали поклониться «святым местам». Узнав, что мы из Сибири, девушка по имени Мелисса обрадовалась не меньше, чем мы, узнав, что они из Австралии. Ведь, значит, НАШИ есть везде.

А потом мы пошли на остановку. Хотели заехать на Пенни Лейн, но автобуса не было больше часа, и когда он, наконец, подошел, мы поехали

на нем напрямик на вокзал. Но пока стояли на остановке, познакомились еще с одними интересными людьми.

Это была пожилая пара. Мужчина рассказал: «Я служил во флоте и был в России, в Ленинграде. На соседний корабль, - видел, - по трапу поднимался такой пьяный моряк, что еле стоял на ногах, а дневальный отгонял его прикладом».

А женщина объяснила мне, почему эти милые места во всех биографиях Битлз показаны захолустными трущобами.

- Раньше так и было, - сказала она. – Это было захолустье. А сейчас это очень престижный район, тут живут сплошь богачи и семьи членов правительства. И все эти домики отрестав-

рированы, раньше они выглядели не так. Никого из тех, кто жил тут раньше, уже нет, все скуплено.

Узнав, что мы приехали на Строберри Филд, она обрадовалась:

- А я, когда была еще совсем девчонкой, ходила танцевать в «Каверну». Только не на Битлз, у меня была другая любимая группа... А недалеко от нас живет дядя Пола Маккартни. Очень хороший, кстати, человек.

«Люди тут вообще хорошие, - думал я в автобусе, следующем на вокзал. - И мне нравится их отношения к битловским местам. Они не делают из этого туристический бизнес, но и не забывают о них...»

Через Пенни Лейн мы проехали на автобусе, и краем глаза я все-таки усмотрел табличку с этим названием.

И подумал: «Нет, надо нам все-таки в Томске поставить памятник Битлз...»

Беседуя с сотрудниками музея «Beatles History», я вспоминал в числе прочего и то, как пытался разделиться с идеей памятника телеканал ТВ-2. По какому-то поразительному совпадению в одном со мной самолете Томск-Москва оказался «зачинщик» этой идеи Вячеслав Новицкий, и мы, конечно же, не могли с ним не обсудить эту ситуацию...

Я открыл ноутбук и дал ему прочесть материал, который не захотело публиковать ни одно СМИ в городе, мотивируя самыми разными причинами. Одни не хотели наезжать на «братьев по цеху», у других с ТВ-2 какие-то финансовые взаимоотношения... А редактор нашего профессионального журнальчика «Медиатор» сказала мне так: «Юля, у ТВ-2 тут юбилей, а мы их пинать будем...» Это было бы смешно, если бы не было грустно.

Отчаявшись, я отправил этот материал Майофису, мол, опубликуйте на своем сайте, посмотрим, что скажут читатели. Майофис ответил, что он считает нужным такую публикацию и пересылает ее Виктору Мучнику. Мучник написал мне, что опубликовать готов, если только я уберу слово «непорядочный». Но я не могу убрать это слово, ибо оно ключевое, это раз. А второе: мне претит сам принцип: «Мы готовы опубликовать критику, если она не будет такой едкой...»

Ладно, опубликую тут. Будет очень даже уместно.

О памятнике Битлз и непорядочной выходке ТВ-2

Чтобы никто не обвинил меня в предвзятости, скажу, что к ТВ-2 в целом и к его руководителям персонально я отношусь с большой симпатией

и уважением, отдаю должное их профессионализму и благодарен за то, что именно на этом канале год назад четырежды был показан мой фильм

«Волшебство Битлз в Томске».

Но, несмотря на половицу и на то, что рыба действительно гниет с головы, в коллективе бывает и

по-другому – отсутствием компетенции и порядочности могут страдать и исполнители, а не обязательно начальники. В связи с этим в нашу эпоху проворовавшихся ЖКХ и прорвавшейся канализации предлагаю ввести в обиход новую поговорку: «Дерьмо пробивается снизу».

Как бы то ни было, внизу или наверху, на ТВ-2 явно завелся какой-то вредитель, который «ради красного словца не пожалеет и отца». Смотрите сами, как дело было. Звонит мне девушка-журналистка и говорит: «Юлий Сергеевич, вы можете нам сказать что-то по поводу идеи установить в Томске памятник Битлз»? «С удовольствием! – отвечаю я. – А что, есть такое решение?» «Есть, – говорит девушка, – мэр об этом в Москве сказал...»

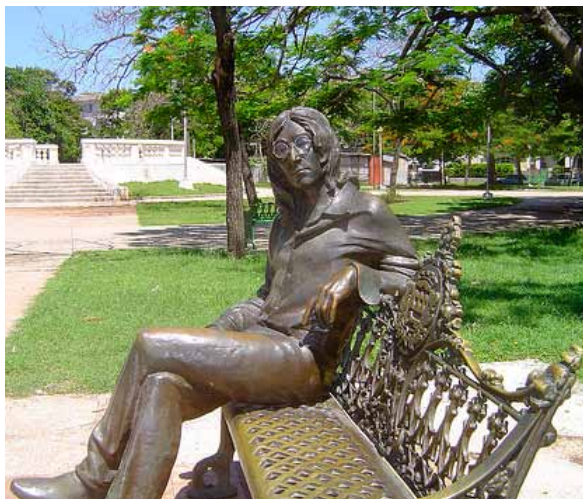
Я здорово удивился. Об этой идее я услышал от Новицкого года три назад, и она показалась мне пустым прожектерством. Но когда мне сказали, что вопрос уже решен, я очень обрадовался и стал обдумывать все плюсы этого смелого ре-

шения. Так сказать, готовиться к съемке.

И вот они приезжают ко мне домой. Я спрашиваю, длинным ли будет сюжет. «Если нет, я скажу только самое главное, если длинный, скажу больше, а вы выберите, что поинтереснее». «Длинный, длинный, – отвечает девушка, – побольше говорите». И я с воодушевлением рассказываю обо всех положительных, на мой взгляд, аспектах такого шага, как установка памятника Битлз. А в конце говорю о том, что сегодня возникла ситуация, когда любое паблисити региону может оказаться полезным. Ведь все регионы борются за федеральное финансирование, и чем больше в прессе упоми-

нений о нас, чем более продвинутыми мы выглядим, тем больше у нас шансов получить деньги на те или иные областные программы... Установка памятника Битлз в Томске, да если еще Новицкий действительно сумеет вытащить на его открытие Маккартни, неминуемо вызовет шумиху вокруг этого факта в прессе. «Благодаря этому делу еще федеральных денег срубить можно будет...» – закончил я, имея в виду все вышесказанное.

Вот эту-то фразу, вырванную из контекста, и поставили добрые ТВ-двашники в конце программы. И так резанули они не только меня. Резанули и Новицкого, и мэра. О том, что последний

говорил в Москве о памятнике на встрече с потенциальными частными инвесторами и спонсорами, что именно от них хотелось бы получить пожертвования на этот проект, нигде не прозвучало. Потому для телезрителя всё выглядело так, словно мэр рассказывает, на что будут тратиться БЮДЖЕТНЫЕ деньги. А об этом не шло и речи. И в целом сюжет в эфире выглядел следующим образом.

Первым появляется в кадре мэр Николайчук и с глупой улыбочкой сообщает о том, что, мол, у нас есть проект поставить в Томске памятник Битлз. Журналист за кадром сообщает о том, что стоит это будет шесть миллионов рублей. Затем секретарша Новицкого рассказывает, как любит тот рок-музыку. Потом Новицкий что-то невнятно бормочет о том, каким замечательным будет этот памятник и под конец в кадре появляется совсем уже безумный Буркин и говорит о том, что «под это дело еще федеральных денег можно срубить».

Какие деньги?! О чем это?! Буркин или идиот сам, или дер-

жит за дураков всех остальных... У нормального человека должен возникнуть вполне оправданный протест: да с какой стати шесть миллионов из моего (налогоплательщика) кармана должны пойти на сомнительные затеи каких-то придурков? Да что они о себе возомнили?

К этому добавляется еще одна инсинуация телевизионщиков. В «моем» куске сюжета журналист сообщает о том, что Буркин сравнивает Битлз с Христом... Что не может не вызвать гнев честных православных людей. И что является ложью. На самом деле я перед камерой открыл книгу и зачитал слова Андрея Макаревича: «Битлз и весь остальной рок-н-ролл близки не больше, чем божество и изображения божества. И никому с этим ничего не сделать». Согласитесь, это не совсем то, что сказали за кадром. Это (не моё) смелое и честное высказывание музыканта о том, что сам он, при всем своем таланте, при всей своей популярности только одна из теней, одно из изображений Битлз - эталона, который он

фигурально назвал «божеством».

Ну, и чтобы окончательно добить идею памятника, в процессе программы ТВ-шники устраивают голосование: «Нужен ли Томску памятник Битлз?» Да сама постановка вопроса некорректна. Что значит, «нужен»? Нужен для чего? А какой вообще памятник нужен Томску? Что, Томску нужен памятник Пушкину? Или памятник Ленину? Или то чудовищное нечто, которое недавно появилось в скверике на остановке «ТЮЗ»? Да ни один памятник городу не нужен в буквальном смысле этого слова. Но он может украшать его лицо или обезображивать. Он может радовать или огорчать... А на вопрос «нужен или не нужен» тот или иной памятник, я и сам ответил бы – не нужен.

Вот стоит у нас на набережной босой Чехов. Забавный. Стал уже визитной карточкой города, всех приезжих туда тащат фотографироваться, вокруг «Чеховские пятницы» происходят, молодежь веселиться, нос ему на счастье до блеска натират... А теперь пред-

ставьте, если бы еще до его установки фотografiю макета этого памятника показали бы по телевизору и устроили бы интерактивное голосование «Нужен ли Томску такой памятник?» Как вы думаете, каков был бы результат? Лично я сомневаюсь, что соотношение «за» и «против» было бы хотя бы 1:10. А памятник стоит, и теперь уже мало у кого возникает сомнений в его «нужности».

Я очень тронут, что, несмотря на рассказанную выше откровенно вредительскую подачу информации об этом проекте, несмотря на то, что Николайчук, Новицкий и Буркин выглядели в программе ТВ-2 безответственными дурочками, которые хотят на свою забаву выкрасть из кармана томищей шесть миллионов рублей, все-таки соотношение «за» и «против» в этом голосовании было примерно 1:4. Значит, когда памятник встанет на свое место, он будет любим томищами не менее, а может, даже более, чем босой Чехов (при всей моей огромной симпатии к Леонтию Усову и его таланту).

В Екати́ренбурге

В Алма-Ате

В Улан-Ба́торе

Теперь ответы на два вопроса. Первый: зачем все-таки ставить такой памятник и почему именно в Томске? Битлз же, вроде, в Томске не бывали... Упомянутые выше Пушкин и Ленин не бывали тоже, а памятники им стоят... Почему именно в Томске? А почему памятник Битлз есть в Алма-Ате, они что, там концертировали? Почему он есть в Екатеринбурге? Почему в Австралии стоит памятник Циолковскому, он ведь никогда там не был...

Дело в том, что некоторые явления имеют не местечковый, не местный и даже не национальный характер, а мировой. Битлз перевернули сознание целого поколения – и англичан, и японцев, и казахов, и русских, и границы государств тут ни при чём. Для нас, живших за «железным занавесом», это особенно важно: Битлз научили нас быть свободными, научили понимать, что любовь сильнее и важнее всех идеологий. Увлечение этой музыкой удивительно стойко, ее слушают и 60-и и 17-летние, и такой памятник будет ра-

довать очень и очень многих. Что касается престижа, то, конечно, первый за Уралом город, в котором, отбросив условности, отдали дань красоте и честности, выглядел бы особо продвинутым, и статус «культурной столицы Сибири» был бы подтвержден Томском еще раз.

Теперь второй вопрос. Зачем ТВ-2 предприняло эту вредоносную выходку с видеоподтасовками и голосованием? По глупости? Вряд ли. Я думаю, причина в том, что часто у моих коллег-журналистов, даже самых именитых и уважаемых, желание поднять свой рейтинг за счет чего угодно оказывается сильнее совести. Ну как же: выглядеть в глазах общественности героями, схватившими за руку воришек, которые тащат из кармана народа шесть миллионов рублей, что может быть желаннее для журналиста? При этом не грех сыграть на самых простых инстинктах обывателя: «У меня в подъезде ремонт десять лет не делали, а они каким-то Битлз памятник за мой счет ставить хотят! Да ни за что?!»

Говорят, через пару дней по ТВ-2 перед Новичком извинились и показывали обрезанные в прошлый раз умные слова... Я не видел. Передо мной, во всяком случае, никто не извинялся. Естественно, я же не депутат, не мэр, не кто-то еще, имеющий власть. Всего лишь коллега-журналист, невелика шишка. Зачем извиняться перед тем, кто не может тебя наказать, даже если знаешь, что нашкодил? Честно скажу, я очень разочарован ТВ-2. И если благодаря этой их выходке памятник Битлз в моём родном городе не появится, я буду глубоко разочарован и томичами. Негативный фон тэвэшники создали. Но надо уметь противостоять оголтелости СМИ, которые в погоне за рейтингом скоро нас окончательно зазомбируют.

Впрочем, я очень надеюсь, что выходка ТВ-2 – явление не системное, а лишь результат непрофессионализма пары-тройки работников телекомпании. А то ведь из двух кнопок на пульте одну придется забыть, и останется только «Культура».

16

Про Кузичкина и
Лавренчука, Минина и
педерастов

Последние дни перед отъездом в Лондон были омрачены одним событием. Мне позвонила Рита Минина (телеканал «Седьмой день»).

Она предложила поучаствовать в записи программы «Естественный отбор», на которой культурная общественность города обсудит неожиданное событие.

По ряду номинаций театрального конкурса «Маска» лучшим спектаклем прошлого года признана «Анна Каренина», поставленная в ТЮЗе режиссером Лавренчуком.

Когда я услышал это, я просто засмеялся в трубку. Ибо для меня-то как раз ничего неожиданного в этом не было. Около года назад в статье «Блестяще! Спасибо! Но больше не надо...» я писал:

«...Судя по этой затее, а я могу судить только по ней, Лавренчук – человек талантливый и циничный. Что талантливый, видно по обилию сценических находок, придумок в спектакле. Что циничный – по тому, что уверен: наш тупорылый зритель, увлеченный разглядыванием золотых рюшечек на одеяниях танцовщиц, никогда не воскликнет: «А

король-то голый!» Что вы, что вы, еще и овациями проводят, еще и приз «за новаторство» на какой-нибудь «Маске» дадут.

Не все ведь жюри так мудры, как жюри «Оскара», не признавшее блистательный «Аватар» фильмом года. Хотя рядовому кинозрителю было это очевидно. Но если бы это случилось, дальнейшая борьба за «Оскар» превратилась бы в борьбу за финансирование, спецэффекты и технологии просмотра. Если «Анна Каренина» Лавренчука получит «Маску», масштаб будет поменьше (Томск – не Голливуд), но сам факт пострашнее. Борьба пойдет не только за максимальное финансирование, но и за число голых девушек, цирковых трюков, изящество искажения темы и текста, потакание самому низкому в наших душах».

Так и случилось. Я поинтересовался у Риты Мининой, почему она позвонила именно мне, и она ответила, что я был в списке начальника департамента по культуре Андрея Александровича Кузичкина в числе тех, кого бы он

хотел видеть на программе. Я был несколько удивлен, так как он не мог не читать этой статьи, а значит, в курсе моего негативного отношения к трепетно любимой им «Анне Каренине» Лавренчука. С другой стороны, мне не могла не импонировать такая позиция. Ведь, возможно, Кузичкин зовет меня как раз для того, чтобы в передаче звучали разные, главное – честные, мнения...

В принципе, это было бы на него похоже. В свое время, взявшись редактировать «Сибирские Афины», я сразу предупредил о том, что собираюсь освещать не только те культурные события, которые происходят в учреждениях вверенного им ведомства. Даже наоборот, их – в последнюю очередь, так как считаю, что наиболее яркие события в нашем городе происходят вне стен этих учреждений. Как и интересные произведения чаще пишутся не членами союзов писателей и композиторов. Так уж сложилось исторически. (Это мое личное мнение, и сейчас не время для дискуссий).

Я шел ва-банк. Если

бы эта моя позиция не подошла «заказчику», я бы просто отказался от этого дела. Но неожиданно начальник департамента по культуре ответил мне примерно следующее: «В моем ведомстве находятся театры, я же не требую, чтобы в них шли спектакли о департаменте по культуре. И не требую, чтобы в библиотеках стояли книги о департаменте по культуре. Наш департамент существует для культуры, а не наоборот. Журнал должен быть качественным, профессиональным, красивым, посвященным событиям и тенденциям местной культурной жизни. А уж каков будет баланс между событиями «официальной» и «неофициальной» культуры, это не мое дело».

Мне понравился такой подход. Он полностью развязал мне руки, и я делаю этот журнал с удовольствием.

Еще я спросил у Риты Мининой, где я могу узнать всю информацию о прошедшей «Маске» и прочих реалиях, которые будут затронуты в программе, так как хочу подготовиться к ней получше. «Все ска-

жут в начале! Ты все поймешь», - заверила меня Рита. Но я не согласился: «Нет, вы вышлите мне, пожалуйста, всю информацию или хотя бы дайте ссылки, чтобы я сам все нашел в Интернете...» «Ладно, - сказала Рита, - я попрошу Наталию Карлякову, она тут главный организатор, и она все тебе вышлет».

Никто мне ничего не выслал, и за день до записи программы я вновь позвонил Рите и еще раз ей напомнил о своей просьбе. Она вновь заверила меня, что все будет. Только позже я понял, что зря надеялся. Создателям этой программы не нужны были подготовленные участники, им нужна была толпа.

И вот я на программе. С первых слов выясняется примерно следующее. Председателем жюри на последнюю «Маску» была приглашена московская знаменитость – режиссер Виктюк. Именно он «продавил» кандидатуру победителя, ведь режиссер Евгений Лавренчук – его ученик. И тот и другой, по слухам, гомосексуалисты. И вот «Анна Каренина», в которой

директор департамента по культуре Андрей Кузичкин играет роль чиновника Каренина, выходит в лидеры по пяти номинациям. Театральная общественность Томска возмущена. Принявшая на себя роль лидера оппозиции северский режиссер Наталья Карлякова утверждает, что Кузичкин специально пригласил Виктюка в жюри, чтобы победила «Анна Каренина», Лавренчук окончательно утвердился бы в томском ТЮЗе и продолжал давать ему (Кузичкину) лучшие роли в своих спектаклях. По мнению Натальи Карляковой, вся эта акция была спланирована коварным Кузичкиным заранее.

При всем моем неприятии спектакля «Анна Каренина», при всем моем прохладном отношении к творчеству Евгения Лавренчука и какому-то почти безразличному отношению к сложившемуся в моем сознании образу режиссера Виктюка, приведенная выше логическая цепочка показалась мне несколько надуманной. Имеют место события, а интерпретация их может быть самой разнообразной.

Как можно утверждать, что все происшедшее – плод злого умысла? А как же презумпция невиновности?

Карлякова была возмущена также и тем, что в жюри «Маски» не было ни одного театрального критика... Но ведь, наверное, у «Маски» есть «Положение о конкурсе». И в нем тогда должно быть обозначено, что жюри конкурса обязано включать в себя театрального критика. Если в положении такой пункт есть и он не выполнен, то итоги конкурса должны быть признаны недействительными. Если такого пункта нет, но он необходим, следует внести его, но на итог уже прошедшей «Маски» это влиять не может. Нечего махать кулаками после драки. Хотите, внесите в положение и пункты, по которым в жюри не могут участвовать учителя соревнующихся режиссеров, а также гомосексуалисты и кто-либо еще, неуютный вам. Но это должно быть решено ЗА-РА-НЕ-Е. А сейчас это выглядит как элементарная ревность и обида тех, кому ничего не дали, к тем, кому дали.

Ситуация усугубилась еще тем, что Лавренчука прочат в художественные руководители ТЮЗа, и тем, как отвратительно высокомерно вел себя Виктюк в отношении местных театралов...

Проблема есть. Нужен ли томскому театру ЮНОГО зрителя руководитель-педераст, если, конечно, он таковым является? На мой взгляд, конечно, не нужен. Опять же, повторю, если он таковым является. Не смогли американские фильмы меня, отца троих сыновей, один из которых еще совсем маленький, приучить к толерантности в этом вопросе.

Но, извините, к Кузичкину ли этот вопрос? Не директор ли ТЮЗа Бунакова, представленная в процессе съемки программы жертвой заговора, в свое время, подозрительно глядя на меня, говорила: «Лавренчук – гений! Он создаст новый театр! А вы, журналисты, пишете про него всякую ерунду и мешаете нам работать...» Это называется, «за что боролись...»

Есть, есть о чем по-

говорить. Такой разговор, желательно открытый, в прямом эфире, действительно назрел. Но как я себе, будучи журналистом со стажем, его представляю, и какова должна быть при этом роль ведущего?

Прежде всего, следует структурировать проблему:

1. Плюсы и минусы спектакля Лавренчука «Анна Каренина»;

2. Плюсы и минусы творческого метода режиссера Лавренчука, его личные качества;

3. Ликвидность или неликвидность прошедшего конкурса «Маска»;

4. Виктюк, как художник и как человек;

5. Пригодность или непригодность режиссера Лавренчука на должность художественного руководителя ТЮЗа;

6. Ситуация в Томской театральной жизни вообще (тут должны всплыть фамилии Пахомов, Ягодкин и пр.)

7. Роль начальника департамента А.А.Кузичкина в создавшейся ситуации.

8. И наконец. Кому и какие меры надо предпринять, чтобы мы имели хороший

театр, чтобы он возвышал, а не снижал нравственность, и что сделать, чтобы в будущем конкурс «Маска» не превращался в скандал.

Что вместо этого сделал ведущий программы, опытный шоумен Марк Минин? Он начал с конца: поставил Кузичкина в центр зала, заполненного обозленными ситуацией театралами, и принялся подкидывать провокационные вопросы. Все кричат, все кричат о разном и перебивают друг друга. А Минин только приговаривает: «Ах, ах, я устраниюсь от ведения, я просто не знаю, что сказать...»

И я ловлю себя на том, что даже мне, никем не обиженному, хочется перекричать остальных и высказать «свою правду». И я понимаю, что на это телевизионщиками и сделана ставка: пусть орут, пусть ругаются, пусть переходят все границы, а мы потом грамотно все смонтируем, и получится «захватывающая, живая программа». Как мне уже надоели эти мои коллеги, для которых цель всегда оправдывает средства, и сомнения в этом вопросе неведомы!..

Еще Минин периодически произносит, как ему кажется, удачную для этого случая фразу: «Мы все носим маски. Давайте хоть на миг снимем их...» Ну как же, ведь речь о театре, и этот образ тут более чем уместен. Только кто дал право ведущему на это утверждение, поданное аксиоматически? Как поэтический образ эта фраза, может, и верна, но в устах журналиста она звучит, как обличение, и лично меня оскорбляет. Я не ношу маски.

А чтобы обличать, самому надо быть примером чистоты и непорочности. Подобострастие в отношении власть имущих журналиста Минина известно всему городу. Порою бывает стыдно на это смотреть, и я выключаю телевизор.

Однажды в бане, в общем отделении, я был нечаянным свидетелем разговора двух незнакомых мне мужчин. Один сказал:

- Слышал, на Минина покушение было.

- Это на телеведущего, что ли?

- Ну, да.

- И кто на него покушался?

- Говорят, Кресс его заказал.

- Да? Интересно, за что. Языком ему мозоль на заднице натер, что ли?

Это были какие-то простые работяги, к СМИ отношения явно не имеющие...

Итак, Минин заводел, а весь этот зал, наполненный неглупыми и творческими людьми, включая меня, был превращен им в толпу послушных статистов. И толпа эта по закону поведения толпы принялась изовсех сил пинать Кузичкина, отнюдь не святого, но ведущим поданного просто как исчадь ада и средоточие мирового зла...

Я не увидел в действиях ведущего желания решить проблему. Я не увидел в действиях рассерженных театралов желания честно побороть нечестность. Наваливаться стаей на одного – нечестно. Обвинять во всех бедах отрасли одного человека – нечестно. Менять правила после игры – нечестно. Выдавать, не имея точной информации, домыслы за истину – нечестно.

Когда все это позорище закончилось, я высказал все, что думаю об этом, Рите, но та твердила заученную фразу: «У тебя

есть дети? Давайте думать о них, а не корчить из себя интеллигентов...»

Я-то как раз думаю. И вот что я вижу. Нас продажное местное телевидение оболванить уже не сможет, а вот детей – легко...

Честно говоря, у меня после участия в этой программе возникло четкое ощущение (хотя я могу быть и неправ), что Минин валил Кузичкина на заказ. Что на его место претендует кто-то, более угодный Минину... Друг, сват или спонсор... И грех не воспользоваться ситуацией, когда все на Кузичкина обижены.

Но вот что я скажу. Если у журналиста есть свой интерес, вышеназванный, тайный или явный, связанный с рейтингом программы, то нашим театрам и прочим деятелям культуры надо бы умерить амбиции, приглушить гнев и хорошенько подумать: а кого могут поставить на место Кузичкина, который сам не чужд творчеству, который далеко не глуп? У меня есть на этот счет кое-какие догадки. Не дай нам бог, ребята, не дай нам бог...

17

Строуберри Филдз Фогрэвэ

Итак, мы с Алексеем ууселись
на подстеленные газетки под
этими красными воротами
и достали распечатку
оригинального текста великой
песни.

Strawberry fields forever

Let me take you down, 'cause I'm going to
Strawberry fields.

Nothing is real, and
Nothing to get hung about.
Strawberry fields forever.

Living is easy with eyes closed,
Misunderstanding all you see.
It's getting hard to be someone but it all works out
It doesn't matter much to me.

Let me take you down, 'cause I'm going to
Strawberry fields.

Nothing is real, and
Nothing to get hung about.
Strawberry fields forever.

No one I think is in my tree,
I mean it must be high up now.
That is you can't, you know, tune in but it's all right.
That is I think it's not too bad.

Let me take you down, 'cause I'm going to
Strawberry fields.

Nothing is real, and
Nothing to get hung about.
Strawberry fields forever.

Always, no sometimes, think it's me,
But you know I know when it's a dream.
I think a "no" I mean a 'yes' but it's all wrong,
That is I think I disagree.

Let me take you down, 'cause I'm going to
Strawberry fields.

Nothing is real, and
Nothing to get hung about.
Strawberry fields forever.
Strawberry fields forever.
Strawberry fields forever.

Мы не ждали, что на нас нахлынет безумное вдохновение, что некий информационный тоннель соединит нас с витающим где-то рядышком духом Леннона, и мы одним махом напишем эту песню заново, но уже на русском, да лучше прежней.

Конечно, нет. Это был сугубо символический акт. Но люди материальны. И солдат возле знамени полка все-таки испытывает некий иррациональный подъем (по себе знаю), хотя прекрасно сознает, что это не более чем тряпка на палке.

Вот и мы, прекрасно сознавая, что это просто ворота, да еще и не те, в которые входил маленький Джон Леннон, когда здесь еще располагался сад детского приюта, а их копия, все же испытали некий подъем. Как минимум от осознания, что мы тут, мы сделали это. Ну, и от того, что впервые за, как минимум, восемнадцать лет, мы с Алексеем принимаемся за совместную работу, находясь рядом в реале, а не перебрасываясь майлами.

Итак, мы уставились на текст, и ни единая мысль не шла нам в голову. Марго щелкала кнопкой затвора фотокамеры. Я пошутил: «Чувствую себя, как Битлз на записи «Get Back».

Для тех, кто не знает историю Битлз, поясню. В начале 69-го Битлз предприняли отчаянную попытку записать «живой» альбом («Get Back») без многочисленных наложений и студийных трюков. При этом весь процесс должен был записываться (в павильоне Твикенхэм) на киноплёнку, чтобы в

совокупности с кинозаписью живого концерта стать одноименным фильмом.

Затея сильно смазалась. Даже, казалось бы, провалилась. На съёмках репетиций музыканты чувствовали себя неудобно, чуть не переругались, а все, что там было записано, было ими же забраковано, так как звучало, по их мнению, неестественно и натужно. А живое выступление вместо какого-нибудь шикарного зала они перенесли на крышу собственной студии, но его довольно быстро прервала полиция, мол, не мешайте людям работать...

И все-таки в моей шутке не было упадочных нот, и Леша глянул на меня понимающе. Ведь мы-то, в отличие от Битлз в 69-м, знаем, что их проект вовсе не провалился, а вылился в альбом «Let It Be». Да, все, что они записали в Твикенхэме, подверглось жесточайшей редакции, сокращалось, дописывалось, перемикишировалось... Но не было бы этой странной затеи, не было бы и великого альбома.

Наверное, от того, что мы с Лешей сочинили, сидя под воротами «Строберри Филд», в окончательном варианте перевода сохранились лишь отдельные слова. Но лично я уверен, что, не побывав мы там, итог был бы каким-то другим. И еще я надеюсь: от того факта, что эту поездку, эту встречу и этот перевод мы предприняли ровно в середине работы над книгой «100 хитов Битлз на русском», некая «аура подлинности» распространится из сердцевины, от этой песни, на всё содержание книги.

Вот этот перевод.

Стробиерри Филдз – навеки

Я возьму тебя
В тот тенистый сад
Стробиерри Филдз;
Двигаясь вниз,
Мы из реальности уйдем...
Стробиерри Филдз – навеки.

Если закроешь глаза, то
Так славнo жить в кромешной тьме,
И ты становишься никем и ничем, и нигде,
А это то, что нужно мне.

Я возьму тебя
В тот тенистый сад
Стробиерри Филдз;
Двигаясь вниз,
Мы из реальности уйдем...
Стробиерри Филдз – навеки.

Ниже на дереве есть кто-то,
И кто-то есть над головой,
Зато на этой ветке я всегда один,
И мне легко с самим собой.

Я возьму тебя
В тот тенистый сад
Стробиерри Филдз;
Двигаясь вниз,
Мы из реальности уйдем...
Стробиерри Филдз – навеки.

Часто, хотя и не очень, я
Осознаю, что я во сне,
И выражает слово «да» в значении «нет»
Противоречие во мне.

Я возьму тебя
В тот тенистый сад
Стробиерри Филдз;
Двигаясь вниз,
Мы из реальности уйдем...
Стробиерри Филдз – навеки.
Стробиерри Филдз – навеки.
Стробиерри Филдз – навеки.

Уже история: журнал «Томский зритель»

Культура питания – культура?

«Акцент» – клуб, где учатся дружить

Володя Трубин – певец «Томского перекрёстка»

Рембó и Рёмбо – герои разных времен

Местная звезда – пример оксюморона?

Библиолюди со всей России...

Театральные склоки провинции

И МНОГОЕ ДРУГОЕ...